

СМЕНА

12 2006

о времени

Михаил
Боярский

Гоша
Куценко

Тонино
Гуэрра

Валерия

Виктория
Токарева

Лев
Аннинский

Сальваторе
Адамо

КАПИТАЛЬНО.

ДОВЕРИТЕЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ
ИНВЕСТИЦИОННО-БАНКОВСКИЕ УСЛУГИ
ОПЕРАЦИИ С ЦЕННЫМИ БУМАГАМИ
БРОКЕРСКОЕ ОБСЛУЖИВАНИЕ
АНАЛИТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

www.kapital-ig.ru | (495) 411 5555

 Капиталь
ИНВЕСТИЦИОННАЯ ГРУППА

генеральный директор:

ЮРИЙ МУХТАРОВ

главный редактор:

МИХАИЛ КИЗИЛОВ

отдел журналистики:

НИНА ЧУГУНОВА редактор

ДМИТРИЙ ГАЛСАН дизайнер

ЕВГЕНИЙ СИДОРОВ фотограф

литературный отдел:

ТАМАРА ЧИЧИНА лит. редактор

МАРИЯ НАУМЕНКО дизайнер

над номером также работали:

ГАЛИНА ВАРТАНЯН,

ДЕНИС ЛОГИНОВ,

СВЕТЛАНА ПОДОРВАНОВА,

МАКСИМ СЕВРЮКОВ-КИСТЕРЕВ,

АНДРЕЙ СТРУНИН

использованы фотографии:

ИТАР-ТАСС, East News

корректоры:

МАРИЯ ПРОХОРОВА,

МАРИНА СИЛАКОВА

реклама:

МАКСИМ БЯТЕЦ директор

adv@smena-id.ru

тел.: (495) 257-3337, 507-0224

рг-директор:

СЕРГЕЙ РАЗВОРОТНЕВ

распространение:

ОЛЕСЯ ИСМАГИЛОВА

sales@smena-id.ru

тел.: (495) 257-3137

главный бухгалтер:

НАДЕЖДА МОЛЧАНОВА

администрация:

ЛЮДМИЛА КАЛИНИНА,

ВЯЧЕСЛАВ МЕЛИХОВ

редакция:

127994, Москва,

Бумажный проезд, 19, стр. 2

тел.: (495) 612-1507,

факс: (495) 250-5928,

E-mail: jurnal@smena-id.ru

печать: ЗАО «Алмаз-Пресс», 123022,

Москва, Столярный пер., 3, корп. 34

Учредитель — ООО «Издательский дом журнала «Смена».

Журнал зарегистрирован в Комитете Российской Федерации по печати (Рег. №014832).

Тираж 52 300 экз. Цена свободная.

Игра ветра

«Смена» меняется.

Ветер из окна расшевелил бумаги на столе.

Как ни уютно в доме, где жизнь диктуют: привычка, работа и часы, — однажды человек встает и распахивает окно в простом желании глотнуть свежего воздуха.

И смотрит на всё до горизонта, вдыхая ветер.

И потом обстановка в доме предстает ему немного в другом свете.

«...ворвется в душу ветер снежный, и не спасет ни голос нежный, ни безмятежный час труда».

«...прійти домой к рассвету и в полчаса все вещи переставить». О чем они, Блок и Арсений Тарковский?

Мы недавно перелистывали старые номера и ахнули.

Двадцать лет назад «Смена» писала о том, что требует разговора сегодня! Она выводила в свет молодых звезд, которые сегодня в зените славы, в лучах популярности. Она затрагивала темы сокровенные. И не чуралась повседневности: обыкновенный человек был представлен наравне с государственным. Это было справедливо и интересно. Разнообразие тем и жанров журналистики — живое существо журнала, его натура.

Потом мир менялся, менялись нравы и правительства, в воздухе носились идеи... А «Смена» замкнулась в библиотечной тишине. Это был ее «безмятежный час». Он длился шестнадцать лет. Теперь хочется встать и похрустеть всеми косточками, распрямляясь. «Смена» по происхождению — окно: смотреть и слышать. Ее тема: смена. Пусть и сегодня улавливает веяние дня, проникается духом времени, замечает забавные поветрия и нюхом чует интересное в повседневном. Читатель не вечный сиделец в кресле. Его внимательному взору мы и представляем новые разделы, дополняющие привычные темы и дорожку сердцу литературу.

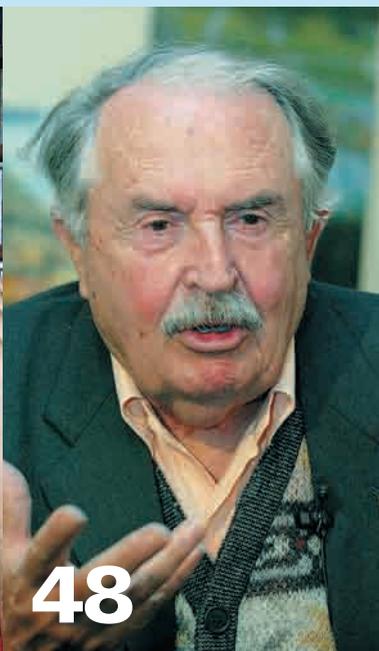
В каждом случае мы детально объясняем наш замысел и задачу. Откликнитесь. Время от времени нужно открывать окно.

Редакция

«Знаки судьбы безусловно существуют»

- 4** Михаил Боярский. *Новый год — это шанс!*
- 10** Поворотный момент. Другой Гоша Куценко. *Он говорит неожиданные вещи накануне нового взлета.*
- 22** Тема «Смены». Предвидение. *О трагедии зодчего Василия Баженова и грустной судьбе его творений «Смена» писала двадцать лет назад. Меняем тему?*
- 34** Смена настроения. Артемий Троицкий *желает Смене перемен и рассказывает об одном забавном Новом годе.*
- 36** Всем шампанского! *Как выбрать, хранить, охладить и налить.*
- 40** Осведомленное сердце. Яков Маршак *о благородстве, страдании и счастье как врожденных качествах.*
- 48** Постоянство разума. Тонино Гуэрра *о тех, кто уже побывал в Раю.*
- 52** Устройство пришельцев. *Почему нельзя прерывать их игру и почему лучше не участвовать в ней. Фотографии реальных пришельцев, сделанные незаметно для них.*
- 70** Игры взрослых. *Повальное увлечение головололками не осталось без нашего внимания. И мы решили: угощать так угощать!*
- 80** Свобода от известного. Быть Овидием. *Серьезное чтение, которое может быть опасно для ваших стереотипов.*

88 *Время. История часов.*

92 *Эссе Сальваторе Адамо.*

94 *Рассказ Дональда Уэстлейка.
На что способен влюбленный
полицейский в канун Рождества?*

98 *Особое мнение Льва Аннинского
о женском феномене в российской
литературе.*

102 *Отношения Виктории Токаревой.
Моя собака. История любви
и преданности.*

110 *Исторические хроники
Любови Русевой. Алексей Головин.*

122 *Точка зрения Андрея Плахова
на процессы в российском
кинематографе.*

128 *Настроение Валерии.
Что составляет человеческое
счастье звезды.*

132 *Детектив Патриции Мойес.*

186 *Кроссворд. Конкурс на лучший рассказ.*

СМЕНА

~ поворотный момент

МИХАИЛ БОЯРСКИЙ:

«НОВЫЙ ГОД — ЭТО

шанс!»

Пять минут до боя курантов — это не то мгновение, когда ты наконец добежал до ленточки и порвал ее грудью. Нет, ты, скорее, добежал, нагнулся, поднырнул под ней — и опять рванул. И снова есть надежда прийти первым. У каждого своя Господня дорога. Новый год — это всегда не финиш, а старт. Новый год — это шанс

ЧТО Я СКАЖУ САМОМУ СЕБЕ

— Скажу, что лежит на сердце. Моя жизненная философия: живи настоящим. Любой новый день, не то что год — это подарок Божий. И что в нем случится, никому не известно. Поэтому каждое утро — как первая страница фантастического, божественного романа. Как будто ты молишься в церкви: Боже, спасибо тебе, что я проснулся, за то что у меня сегодня ничего не болит, что я смогу увидеть своих близких, восход, закат и родной город. Такое понимание мира и есть счастье. Но сам я способен нему далеко не всегда. Подчас кажется, что я не вижу ни закатов-рассветов, ни дня, ни ночи, не вижу, в каком я городе живу. И это печально. Я пытаюсь выбить из себя это. Новый год дает такой

шанс: чувство, что помылся под душем, подстригся, побрился, выдохнул, груз с плеч спал — и осталось одно твое существо. Сердце бьется чаще, глаза раскрылись, смотришь — дети подросли, вспоминаешь, как долго не видел родителей, и вдруг понимаешь: Боже мой, так ведь прошло уже двадцать лет!.. Кто-то за столом вдруг начинает вслух подводить итоги. Ты спохватываешься: а мне-то уж сколько?! И начинаешь сомневаться, сделал ли что-то стоящее... И кажется, сделанное и не важно, и никому не нужно... А сколько за год заработал — и вовсе глупости. (Подсчет все равно не в твою пользу.) Человек в такой момент как бы снимает с себя кожу — кто-то на минуту, пока бьют куранты, кто-то на день. Но всякий раз это как озарение. Я сам в Новый год вспоминаю, что чувствовал в ту же секунду в прошлом году, — и где же это время, куда оно исчезло? Как будто не было вовсе! Я встаю из-за праздничного стола, подхожу к окну, гляжу в окно и вижу снег. Прошло 365 дней — а так все то же самое. И через год будет то же. К чему же тратить себя? На что?! Возвращаешься опять в компанию — все сидят как ни в чем не бывало, не ощущая, что мы летим на земном шаре в пространстве с безумной скоростью... Поэтому, Новый год для меня — семейный сентиментальный праздник. Я не люблю карнавальную ночь, она не дает мне истинной радости. Мне нравится тихая, спокойная музыка, горящий камин, очень

близкие люди, моя семья. Я спешу обязательно вспомнить тех, кого с нами нет, хочу выпить за здоровье тех, кто есть, пожелать им всего самого лучшего на будущий год и ОЩУТИТЬ СЕБЯ на этой земле. Потому что еще несколько раз постоишь вот так же перед окном с рюмкой, и однажды часы пробьют уже без тебя... Надо успеть

Все сидят как ни в чем не бывало, не ощущая, что мы летим на земном шаре в пространстве с безумной скоростью. Поэтому Новый год для меня — семейный праздник

насладиться неработой, самой жизнью. А все остальное — ерунда, суета сует. Это не мною сказано, и до сих пор мною до конца не понято.

ДЕТЯМ

И еще есть радость, с которой всегда смотришь на детей. Их успехи — главные успехи в твоей жизни. После рождения детей твоя собственная, личная жизнь как бы почти вся прекращается. Ты уже не принадлежишь только себе, и сам коришь себя за то, не успел по-человечески отблагодарить родителей за свое рождение. Когда-то их радость казалась естественной, потому что они радовались твоим успехам. Ты был эгоистичен и все примерял на себя. Но жизнь повторяется, и

ты сам радуешься детям, которые не обращают на тебя внимания, так собой заняты. Они вежливы, внимательны, но им всегда, как у влюбленного человека, не хватает на тебя сил. Думаешь: эх, жаль, что они не позвонили тогда-то, не попросили то-то, и очень беспокоишься за них. И для тебя самое главное — что они живы-здоровы и на правильном пути. И пронесло бы их от беды.

СТРАНЕ

И есть твоя страна — со всеми ее прелестями. Думаю, что всем надо протереть очки и не строить пионерских иллюзий о честном слове из детского рассказа.

ПИТЕРУ

Я влюблен в Питер безумно и горжусь им. Питерцы все еще сильно отличаются от светских людей в Москве, которые живут по иным понятиям. В Питере еще бьется сердце — оно болит, страдает, радуется, оно может нервничать, трусить и так далее. И надо его беречь: у него бывают инфаркты и другие болезни. У Москвы — пламенный мотор, там сердца нет.

ЛЮДЯМ

Как выгодно: что не своровано, стоит пятьсот рублей, что своровано — сто. И никто не подойдет и не скажет: нет, я не буду покупать у вас, как вам не стыдно! Может быть, академик Лихачев так поступил бы, кто-то еще. Но таких уже единицы. Когда я прихожу в магазин за новым филь-

мом и спрашиваю о лицензии, продавцы делают большие глаза. Кино еще в Америке не вышло, а у нас оно уже есть!.. И все-таки, все мы вышли из школьных книг, из Достоевского и гоголевской «Шинели». И должен быть тот Данко, который ради людей зажжет свое сердце. Все равно потом затопчут, найдутся осторожные люди, но если не верить в это — кранты.

СЕРДЦУ

Жаль, что люди уже и в Новый год перестают верить даже в самые благие помыслы. Нищих на улицах не становится меньше. И все прохожие знают, что это их работа. На тротуаре Невского проспекта полтора года стояла девочка с костылем — под конец она меня боялась и избегала, потому что я ходил мимо нее одной и той же дорогой. Я ей подавал, а ей стало стыдно — видно было, что она прилично зарабатывала своим нищенством.. Конечно, надо быть милосердным. Но когда за мольбой о помощи стоит вранье — подавать противно. Иногда я боюсь посмотреть на мир реальным взглядом! Я прячусь сам в себя. Поэтому я за искусство: за Андерсена, за сказки Пушкина. Должны быть мушкетеры, Тарасы Бульбы, те герои, которые на самом деле отдают жизни за товарищей, за Родину, свою веру. Если не будет художников и этой сказки — беда. Нужно выбирать: либо сказочный мир, в котором, ну по крайней мере, не так страшно, либо жестокая реальность. Может быть, жизнь

на этом и держится — на вере в лучшее. А если потерял ее — все, конец — «пламенный мотор».

ОБЩЕСТВУ

Россия сейчас похожа на снежный ком — ледяной, с острыми углами, он катится со склона, подминая под себя опавшие листья, пока не вырвется наконец на международный простор. Впереди огромные плюсы и огромные минусы. Все стали очень колючими и чужими. Отчужденность — как сообщающиеся сосуды: чем больше в стране цивилизации, тем меньше люди доверяют друг с другу. И все-таки слава Богу, что мы постепенно цивилизуемся. Только жаль, что а из общества вылетает душа. А она держится на очень простых вещах: не на sms, а на бумаге, перо, чернилах, на хлебе, который люди пекут сами, на простой одежде, на том, чтобы жить своей семейной жизнью... Пойду-ка я лучше, к соседу схожу!

НОВОМУ ГОДУ

Мир прекрасен, спору нет. Бывает все, от уныния (что все-таки реже) до очарования жизнью. Я боюсь снять очки иллюзий. Хорошо придумал Гудвин: надел всем волшебные очки и стало повеселее. Снять их — безумное желание, но не испугаться бы!.. Чуда от 31 декабря я не жду: Новый год — придуманная людьми цифра. Но вместе с тем это и психологический рубеж, день надежд и веры. Как и с днем рождения. Я в этот день не грущу, а радуюсь. Смотрите, я уже и тридцать

лет прожил, и пятьдесят — какое счастье!.. Я не живу прошлым или будущим, — только настоящим. Хотя и сказал поэт: *«Сердце будущим живет, / Настоящее уныло, / Все мгновенно, все пройдет, / Что пройдет, то будет мило»*... Ощущение «сейчасности» — это и есть жизнь. Я иногда даже заставляю себя, когда душа перелетит, съемки, поезда, — остановиться и просто посмотреть вокруг, проникнуться моментом жизни.

Записал Владимир Арсентьев
Фотографировал Дмитрий Кошечев

другой ГОША КУЩЕНКО

«Сплавляясь по реке своего сознания, люди налетают на всевозможные пороги, попадают в ловушки. Я сам через многое прошел, поэтому знаю, о чем говорю. У меня есть силы и право осуждать многие вещи и не стесняться этого»

Харизматичный и незабываемый актер Гоша Куценко обещает стать одним из главных персонажей отечественного кино как минимум на несколько ближайших месяцев. У героя «Антикиллера», «Ночного дозора» и «Турецкого гамбита» сразу четыре больших кинопремьеры. Только что в прокат вышла комедия «Дикари», впереди боевик «Параграф», комедия режиссера Александра Стриженова «Любовь-морковь», где Куценко меняется телами с Кристиной Орбакайте, и картина «Дерзкие дни», в которой актер предстанет в роли пирата-бизнесмена. Ради съемок в последнем фильме Гоша отрастил бороду и до сих пор ее не сбрасывает, надеясь, что режиссер и продюсер «Дерзких дней» согласятся доснять минутный эпизод с ним.

Смена: Гоша, вы в очередной раз не побоялись сменить амплуа и выступили в качестве сопродюсера фильма «Дикари». Опираясь на полученный опыт, как бы вы объяснили рядовому зрителю такое общеупотребимое сегодня, но при этом весьма туманное и расплывчатое понятие, как «продюсер»?

Г. Понимаете, продюсер и режиссер — это мать и отец любой картины. Кто какую роль выполняет конкретно, зависит лишь от того, как они между собой договорятся. А дальше все как в жизни: отец зарабатывает деньги для своего ребенка, ищет ему пропитание, охраняет его, а мать кормит грудью, меняет пеленки. Матерью фильма «Дикари» была Лиза Башарова (*жена актера Марата Башарова — прим. С.Г.*), хотя иногда мне приходилось ее подменять и тоже вскармливать проект «грудью». Как продюсер я получил жесткий реальный опыт. За время съемок наш проект не раз оказывался в миллиметре от столкновения с айсбергом — вы-

кручивались как могли. Ради того, чтобы закончить картину, мне даже пришлось заложить свое небогатое имущество, и это не рекламный ход, а правда жизни. Так же поступили мои партнеры. Так же поступают сегодня многие продюсеры в кино. В общем, если картина провалится в прокате, я почти разорен!

С. Судя по вашей вездесущности, вы не боитесь менять себя, пробовать в новых качествах. Смена деятельности для вас — это риск?

Г. Конечно, риск, причем весьма серьезный. Я боюсь рисковать, поскольку мне есть что терять. Начав новое дело, ты рискуешь потерять внимание и любовь зрителей, которых уже завоевал. А для творческого человека внимание людей — это самое главное. Зрители, поклонники не только формируют рейтинги картин, в которых ты играешь, что тоже немаловажно, — они знак свыше, который говорит, верно ли ты живешь, свое ли место занимаешь. Если люди начнут разо-

чаровываться во мне, это будет большой удар, после которого остается только уйти из профессии. А профессия для меня — это возможность реализовывать свои самые безумные затеи. Я рад, что работаю с людьми, которые будят мое воображение — порой совершенно некоммерческое, разрушающее сложившиеся стереотипы и имиджи.

С. Слышал, что фильм «Дикари» — это в некоторой степени римейк советской картины «Три плюс два». Получается, в российском кино сегодня капитальный дефицит оригинальных идей?

Г. Мне кажется, одно из достоинств нашего фильма как раз в оригинальности его идеи. Назвать его римейком нельзя даже с большой натяжкой. А «Три плюс два» я, скажу честно, не видел со времен своей молодости. «Дикари» — это комедия о простых и для простых людей. Мы снимали абсолютно развлекательное кино, не требующее больших душевных переживаний. Никто не вздрогнет от спецэффектов, не впечатлится долби-звуком, не поразится зрелищностью погоней и драк. Но, надеюсь, зрители получат массу положительных эмоций от обилия в картине солнца, тепла, юмора, любви. Думаю, «Дикари» легко подойдут для свидания с девушкой, для похода в кино большой веселой компанией, чтобы посмеяться, отдохнуть, увидеть себя. По-моему, получилось кино с добрыми российскими корнями. Учитывая, что основной костяк

узнаваемых актеров в картине — это мужчины (*Марат Башаров, Владислав Галкин — прим. авт.*), думаю, девушкам там будет на что посмотреть.

С. Вы в очередной раз появились голым на экране. Актеры в душе эксбиционисты?

Г. Пожалуй, это правда. С другой стороны, многие артисты раздеваются, это часть профессии. У меня тело обычного среднестатистического россиянина, но я и не

играю стриптизеров. В местах, где мы снимали картину, очень много нудистов. Но не тех, что загорают голыми ради того, чтобы произвести на кого-то впечатление размерами своих гениталий. Это люди, которые успевают насладиться первозданностью природы, понимая, что скоро туда придут те, кто занимается нефтью и газом и понастроят пансионатов для себя, своих друзей и родственников. Они просто отдыхают в забытом раю, который рискует стать потерянным. А в раю мы все были дикарями, как Адам и Ева. Кстати, змей на съемках мы тоже встречали, правда, ядовитые ли они, я не проверял. Единственное, чего не хватало, так это яблок.

С. После того, как костюм Адама стал для вас привычным и на сцене, и в кадре, отношение поклонниц как-то изменилось? Не накидываются у подъезда?

Г. Пока все спокойно. Может, спасает то, что и в спектакле «Ladies Night», и в фильме я раздеваюсь не один. У девушек глаза разбегаются — не знают, за кем начать охоту. То же бывает, когда разглядываешь кордебалет. По молодости я раздевался чаще. Ну какой артист не мечтает показать зрителю задницу!?! В этом есть что-то смыслоутверждающее, есть клоунада, что уже неплохо. Если я и раздевался, то делал это скорее для увеселения публики. Раздевание на публике — это ребячество, если только речь не идет об эротической сцене. В «Дикарях» такая сцена есть, и там я парт-

нерствую своей героине. Надеюсь, мужчины в зале благодарно мне кивнут: мол, спасибо Гоше, что дал возможность лишний раз полюбоваться на красивое женское тело в кадре.

С. Вам нравится эротика?

Г. Мне нравится эротика. Я вообще за то, чтобы любая девушка при желании имела возможность прийти

в кино и сняться в какой-нибудь красивой романтической-постельной сцене. У меня даже была идея эротической передачи на музыкальном канале. Я не буду рассказывать ее сути, а то украдут. Если мой фильм провалится в прокате, возможно, мне придется пойти работать на телевидение (*смеется*).

С. Ваш новый фильм про отдых. Скажите, на ваш взгляд, люди в России наконец научились качественно отдыхать?

Г. Русские всегда отдыхали несколько своеобразно, но мне нравится это своеобразие. Нравится, когда с водкой, с песнями, с разговорами за жизнь. В каждой стране мужики отдыхают, как это ни странно, очень по-разному и очень похоже одновременно. С годами я пришел к выводу, что чем бездарнее ты проведешь свой отдых, тем сильнее он запомнится эмоционально. Это важно, потому что в моменты дикой усталости, стресса, депрессии этой самой позитивной эмоциональной памяти

нам крайне не хватает. В 90-е годы я периодически отдыхал дикарем. Ездил в Индию, в Таиланд. Как только заканчивались деньги на отель, а это происходило довольно

Если люди начнут разочаровываться во мне, это будет большой удар. А профессия для меня — это возможность реализовывать свои самые безумные затеи

быстро, я переселялся в бунгало. Потом узнавал, что приезжают мои имущие друзья, и перебирался к ним. Жил так иногда по три месяца. Тогда не было ни кинорынка, ни работы, которая забирает мужчину целиком, поэтому я мог себе позволить лоботрясничать подобным образом.

С. Вы переиграли злодеев всех времен и народов, вполне резонно вас спросить о личных конфликтах с законом...

Г. К сожалению, таковые имеются. Во-первых, я злостный правонарушитель, но всячески с этим борюсь. В любом случае, за рулем категорически не пью и никому не советую. Во-вторых, в школе я занимался вымогательством, чего стыжусь до сих пор. Но я вырос в хулиганском городе, в хулиганском районе, поэтому, естественно, знаю, что такое убежать от милиции. Я не криминального склада человек, с бандитами не вожусь, но с ними в разных ситуациях сталкивает сама жизнь. Когда

играешь спектакль перед полным залом зрителей, понимаешь, что здесь найдутся и медик, и военный, и милиционер, и тот кого он ищет. В любом случае, близких друзей в криминальной среде у меня нет, зато таковых много среди докторов, спортсменов и музыкантов. Почему-то с годами я стал бояться военного, агрессивного кино, хотя сам в нем снимался и буду сниматься. Например, сейчас хочу плотно заняться съемками «Антикиллера-3», пока о нем не забыли. Мечтаю сыграть бухающего милиционера. При всем при этом любая агрессия на экране

после «Дикарей» стала меня напрягать. Я хочу отдыхать от войн и миссий по спасению мира. Я хочу раствориться в собственной детскости и глупости. Может быть, это связано с возрастными этапами моей жизни...

С. Про шоу-бизнес, к которому вы сегодня имеете некоторое отношение, принято думать, что его пороками являются наркотики, алкоголь, разврат и так далее. Что отчасти является правдой. А что можно считать главным пороком актерской профессии? Водку, которой снимают стресс?

Г. Сплываясь по реке своего сознания, творческие люди налетают на всевозможные пороги, попадают в ловушки. Я сам через многое прошел, перепробовал многих людей и многие зелья, поэтому знаю, о чем говорю. У меня есть силы и право осуждать многие вещи и не стесняться этого. То, что актеры и музыканты бухают, — это правда. Они сами провоцируют себя — ролями, музыкой, творчеством вообще. Творческие личности выверены не умом, а душой, поэтому они более ранимые, их психика более подвижна. В любом случае, когда пытаешься договориться со своим внутренним «я» с помощью водки или наркотиков, творчество становится второсортным. «Я» — это не главное.

С. Неожиданная мысль... Тогда что же, по-вашему, является главным?

Г. Главное «мы»! В театре нас учили, что если ты хорошо помнишь себя в сцене спектакля, значит, сыграл средне. Если помнишь только партнеров, значит, ты был органичным. В момент, когда с вами разговариваю, я же не вижу себя со стороны. Я естественен.

С. Гоша, если перенести вашу жизнь на кинолентку, в каком жанре получился бы фильм?

Г. Как человек эмоциональный, я немного боюсь думать об этом сейчас, в начале проката моего

детисца. Любая творческая личность так или иначе живет в плену своих иллюзий, с которыми ой как не хочется расставаться. Я надеюсь, что живу в жанре тонкой коммерческой комедии, а может быть, даже трагикомедии, учитывая мою личную жизнь.

С. А какие моменты своей жизни вы бы определили, как кульминационные, после которых произошла смена понятий, жизненных принципов?

Г. Пожалуй, главное — это появление в определенном моменте чувства ответственности за свои поступки. Когда конкретно это

«Дикари» — это комедия о простых и для простых людей. Мы снимали абсолютно развлекательное кино, не требующее больших душевных переживаний. Никто не вздрогнет от спецэффектов...

произошло, сказать сложно. Долгое время был настолько безответственным, что даже рождение

РАЗГОВОР С ПОКЛОННИЦАМИ

Гоша: Как вас зовут, чем занимаетесь?

Поклонница: Меня Вера зовут. Я в медицинский поступаю, но хочу получить хореографическое образование.

Гоша: Здорово! Будете танцевать в белом халате.

Я такое однажды видел, шикарное зрелище. Скажите, а вы знаете кто такой Рудольф Нуреев?

Поклонница: Нет, ни разу не слышала.

Гоша: Извлекая пользу из нашего знакомства, давайте договоримся, что вы сегодня же в Интернете узнаете все о Нурееве. Он, как и Земфира, из Уфы. Я, кстати, очень хочу снять о нем фильм.

(Дает автографы, провожает девушек взглядом.)

дочери меня не исправило, я бросил семью. Возможно меня воспитала работа, а именно театр и кино.

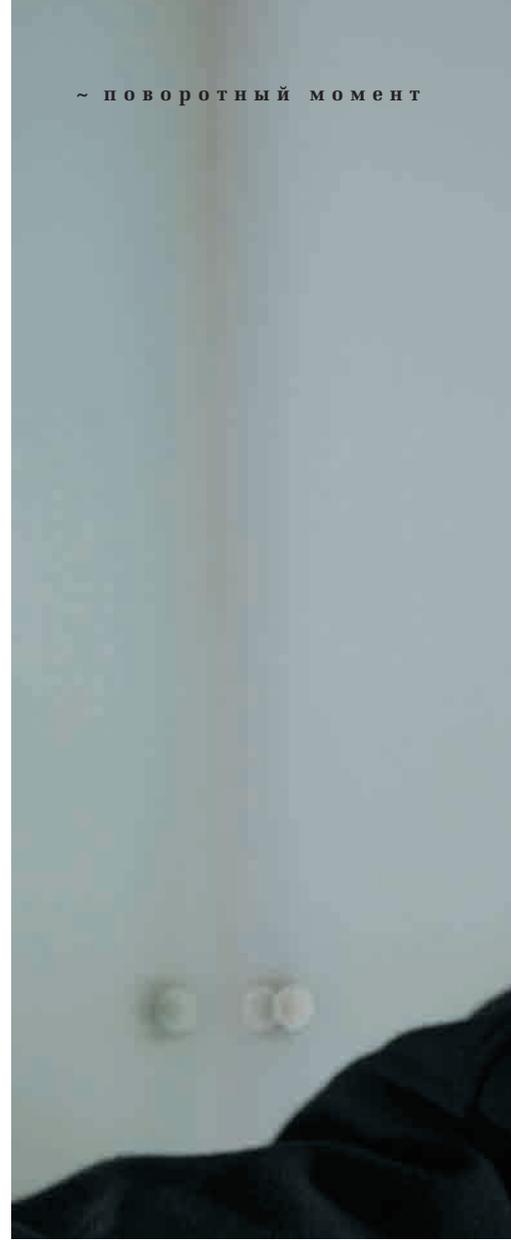
С. Помните в фильме «Игра» жизнь героя Майкла Дугласа меняют с помощью неких «случайных закономерностей»? У вас никогда не возникало ощущения некой предопределенности, существования в матрице?

Г. Фатализм — очень сложная тема. Знаки судьбы, безусловно, существуют, и если тебе они нужны, ты их обязательно найдешь. Мне кажется, любая вера — это антагонизм понятия фатальность. *(Вдруг делает удивленные глаза.)*

С годами я стал бояться агрессивного кино, хотя сам в нем снимался и буду сниматься

Боже, мне только что показалось, что в кафе зашел священник. По-моему, это знак того, что я прав. Если говорить глобально, то, думаю, все религии, все фатальности существуют только для того, чтобы отключить человека от внешнего мира, от житейских трудностей и развернуть его к своему сердцу. Человек состоит из мозга и сердца, а душа, это, возможно, та искра, которая возникает, когда эти два реактора начинают работать. Людей, которые

веруют, объединяет искренность, и я учусь с ними общаться, потому что услышать их не всегда просто. Я рад, что знаю людей, которым безоговорочно верю в вопросах огромных внутренних сил человека. Сил, способных помочь сохранить себя как личность, отказаться от наркотиков, от алкоголизма,

от соблазнов... *(дальше улыбаясь)* отказаться от желания продолжать дальше интервью и дать девушкам автограф, которые к нам подошли.

С. Вы это сейчас серьезно о фильме про Нуреева?

Г. У меня есть идея проекта под рабочим названием «1961». Это

история про то, как наш разведчик в 1961 году получил задание жестоко расправиться с Нуреевым, но не смог этого сделать и оставил его в живых. Я люблю кино за то, что в истоке любой картины лежит идея, и, пока эти идеи ищешь, постигаешь жизнь, обретаешь какой-то внутренний

вес. Это важно, поскольку возраст такая штука, когда становится все сложнее договариваться и говорить с самим собой. Начинаешь делать все, чтобы убежать от себя. Я очень уважаю людей, которые ведут короткие дневники. Значит, они не боятся своих мыслей, они ищут себя. В продолжении разговора о религии хочу сказать, что любая вера, на мой взгляд, это бесперебойная интернет-связь тебя внутреннего и тебя, живущего в огромном людском потоке. Такая коммуникация позволяет оставаться нормальным человеком. Великое чувство уважения у меня вызывают люди, которые находят в себе необъяснимые силы жить, несмотря на самые страшные обстоятельства. У моего друга тяжело уходит мать. Я иногда приезжаю, говорю с ней. Поначалу для меня это было очень болезненно, но в какой-то момент я понял, что мне ее не хватает. Она меня успокаивает. Иногда ей рассказываю о своей жизни. Она послушает, что-то ответит, а потом прочитает стихотворение, которое написала. Слушаешь ее и понимаешь, что все в ее жизни сейчас хорошо. Очень болезненно, но хорошо. А в твоей жизни все безболезненно, но плохо. После этого начинаешь прислушиваться к себе, делать дела, которые нужны твоему внутреннему человеку.

С. Много и плотно занимаясь актерской профессией, проживая чужие жизни, не возникает ощущения, что что-то вы упускаете в своей?

Г. Если занимаешься халтурой, снимаешься исключительно ради денег, тогда возникает. Начинаешь думать, что мог бы более талантливо провести это время, сделать что-то прикольное. Поэтому иногда вместо того, чтобы играть в каком-нибудь сериале или сниматься в картине, которая не будет приносить удовольствие, я занимаюсь музыкой.

С. Если отталкиваться от мысли «весь мир — театр, а люди в нем актеры», в какие роли, на ваш взгляд, сегодня пытаются вжиться люди в нашей стране?

Г. Думаю, в роли стабильных, уверенных в себе людей. Народ лихорадочно использует все средства, чтобы хоть как-то стабилизировать свою жизнь, заложить фундамент дальнейшего существования. Своей политикой Ельцин в 90-е годы искалечил судьбы тысяч людей. Иногда мне хочется, чтобы однажды, когда Борис Николаевич будет сидеть на очередном теннисном матче и счастливо улыбаться, Марат Сафин промахнется и вдарит мячиком по лбу экс-президента. Может быть, тогда у него проснется совесть, он возьмет все свое немалое имущество, поедет в глубинку и раздаст нуждающимся, как это делали великие люди России. Долгое время людей кормили лишь сказками о красивой, спокойной жизни, естественно, всем уже не терпится ее вкусить. Почему сегодня люди

вновь начали ходить в кино, в театр, интересоваться искусством? Потому что у них появилась вера в завтрашний день.

С. На ваш взгляд, кино сегодня остается важнейшим из искусств?

Г. Думаю, да. Кино — это не просто полеты воображения, это

Я люблю кино за то, что в истоке любой картины лежит идея, и пока эти идеи ищешь, постигаешь жизнь

машина времени. Когда-то таким был театр. Кино же жизнь усовершенствовало, документализировало. С другой стороны, кто знает, может быть, истинная машина времени — это состояние перехода от жизни к смерти. Возможно, смерть это и есть билет для путешествия по времени и пространству. Возможно, именно тогда человек видит главный фильм, именуемый «Цивилизация планеты Земля». Даже если это не правда, в это очень хочется верить.

Беседовал Сергей Прачев
Фотографировал
Евгений Сидоров

~ тема «смены» / смена темы?

ПРЕДВИДЕНЬЕ

Возвращаясь к напечатанному
в мае 1988 г. (СМЕНА №9 (1463))

*«Трагедия зодчего».
Трагедия Москвы?..*

Этим материалом мы начинаем серию публикаций о темах, которые были подняты «Сменой» в прошлом столетии и не потеряли актуальности и по сей день.

20 лет назад наш журнал в публикации Алексея Николаева «Трагедия зодчего» рассказывал о судьбе зданий, спроектированных для Москвы великим русским архитектором Василием Баженовым.

В наступающем году мы будем праздновать 270-летие зодчего. Российская столица обновилась. Появилось в городе множество новых современных зданий, идет активная реставрация. Но можно ли однозначно утверждать, что проблема, поднятая

тем давним материалом «Смены», разрешилась?

Вспомните, как в те далекие времена, когда в Петербурге только-только появились первые каменные здания, в городе царила атмосфера величия и торжественности. Каждый дом, каждая улица, каждая площадь имели свое значение, свое величие. И в то время, когда в Европе уже появились первые каменные здания, в Петербурге только-только появились первые каменные здания. Каждый дом, каждая улица, каждая площадь имели свое значение, свое величие. И в то время, когда в Европе уже появились первые каменные здания, в Петербурге только-только появились первые каменные здания.

Но, к сожалению, в последние десятилетия в городе появилось множество новых зданий, которые не имеют ничего общего с величием и торжественностью старых зданий. Каждый дом, каждая улица, каждая площадь имеют свое значение, свое величие. И в то время, когда в Европе уже появились первые каменные здания, в Петербурге только-только появились первые каменные здания.

Говорят, что в последние десятилетия в городе появилось множество новых зданий, которые не имеют ничего общего с величием и торжественностью старых зданий. Каждый дом, каждая улица, каждая площадь имеют свое значение, свое величие. И в то время, когда в Европе уже появились первые каменные здания, в Петербурге только-только появились первые каменные здания.

Итак, мы видим, что в последние десятилетия в городе появилось множество новых зданий, которые не имеют ничего общего с величием и торжественностью старых зданий. Каждый дом, каждая улица, каждая площадь имеют свое значение, свое величие. И в то время, когда в Европе уже появились первые каменные здания, в Петербурге только-только появились первые каменные здания.

Современный портрет в И. Шварцмане работы И. И. Левицкого

Колокольный звон в И. Шварцмане работы И. И. Левицкого

Зодчий от артиллерии

Василий Иванович Баженов — наверное, самый гениальный и уж точно самый недопонятый архитектор, коего производила на свет земля Русская. Архитектурное наследие Баженова, если судить по построенным зданиям, не столь уж обширно. Правда, среди них такой шедевр, как дом Пашкова в Москве. Но величие его не столько в созданном, сколько в проектах и идеях, которым не суждено было свершиться. В первую очередь «благодаря» венценосным особам. Но обо всем по порядку.

Путь этой жизни указала судьба: первые шаги великого зодчего на земле пришлось по пепелищу...

Страшно горела Москва летом 1737 года. С воем, с треском, под стоны задыхавшихся в дыму колоколов кидался огонь из одного конца города в другой, не щадя ни божьих храмов, ни вельможных дворцов и в одночасье испепеляя дома черного люда. Спалив мосты, обошел пожар лишь Замоскворечье, но, словно в отместку за то, чего не добрал здесь, отлутовал в Кремле. Грановитую, Оружейную, иные палаты и дворцы, набережные сады с оранжереями схватил огненный смерч намертво. Рухнули колокола с Ивана Великого; огня не выдержал — треснул и сам Царь-колокол, висевший под шатром рядом с колокольной. Не скоро, но, будто насытившись разбоем, отбушевал пожар, оставив лебедой зарастать новые пустыри по обе стороны обуглившихся кремлевских стен.

Здесь, на пепелище, держась за ряссу Ивана Баженова, причетника церкви Спаса, «что за Золотой решеткой в Кремле», и сделал первый свой шаг по земле Баженов Василий.

— такими словами начиналась статья Алексея Николаева в 20-летней давности

«Смене».*

Талант Баженова раскрылся рано. В 19 лет он выполнил свой первый большой заказ — церкви в Старках, под Коломной. А еще не достигнув 30-летия, стал действительным членом Флорентийской, Климентинской, Болонской академий и получил предложение стать профессором самой знаменитой в тот момент в мире — академии св. Луки в Риме. Молодому зодчему сулили блестящее европейское будущее, тем более что он еще в гимназии отлично говорил по-французски и по-итальянски. Но Баженов хотел, чтобы его творения прославили родную землю, а потому, обласканный западными коллегами, вернулся в Россию.

И может быть, зря. Академический совет Петербургской академии

художеств не торопился предложить зодчему профессорскую должность. Впрочем, формальных поводов для отказа быть не могло, а потому обласканному иностранцами архитектору предложили пройти своеобразный экзамен: сочинить проект увеселительного дома в окрестностях Екатерингофа. «Программ» был выполнен блестяще. «Прожект» был с восхищением одобрен и... отправлен в архив. Так архитектурное творение Баженова осталось лишь замыслом, которому так никогда и не было суждено осуществиться. И это стало печальным предзнаменованием всей его творческой судьбы. Профессорской кафедры он так и не получил.

* Фрагменты статьи «Трагедия зодчего» из майского номера за 1988 год. Автор — Алексей Николаев

Граф Григорий Орлов, фаворит императрицы и начальник над всей российской артиллерией, склонность свою к изящным искусствам явил весьма своеобразно — зачислением академика архитектуры в свое ведомство с чином капитана

— новоявленному артиллеристу поручили построить арсенал на Литейном проспекте. Это все же увидевшее свет творение Баженова навсегда стало памятником военной мощи России. Столь силен был гений зодчего, даже с таким, казалось бы, утилитарным проектом он справился блестяще, явив миру весь свой недюжинный талант. Но тут последовала следующая неудача — был отвергнут еще один блестящий проект — Смольного института. В результате в Санкт-Петербурге по существу оказался один большой памятник таланту Баженова.

Семейный портрет В. И. Баженова.
Работа И. Т. Некрасова.

Архитектор и его императрица

Отношения российской императрицы Екатерины II и Баженова — тема самая что ни на есть печальная. Превознося на словах гений творца, венценосная капризница оказалась тем самым роком, который так и не позволил в полный голос заявить о себе Баженову. После неудачи со Смольным архитектор был откомандирован в Москву — приводить в порядок обветшалый Кремль. Но гений на то и гений, чтобы мыслить масштабно. В сжатые сроки был готов план реконструкции все еще не до конца оправившегося от разрушительного пожара города.

«Замок на холме» — таким он был...

Центр Москвы мыслился зодчим неким величественным зданием и площадью одновременно. Дворец-площадь на кремлевском холме должен был вобрать в себя древний Кремль вместе с соборами, палатами, монастырями, колокольнями. Эта гигантская, тысячи людей вмещающая и куполом неба перекрытая зала сама собой образовывала площадь наподобие тех, где собиралось когда-то народное вече. Странно, что не нашлось тогда доброхотного догадчика, уразумевшего бы здесь республиканские идеи. — остается думать, что сама грандиозность явленной проектом картины не оставляла места каким бы то ни было параллелям. А между тем в баженовском проекте вполне возможно было увидеть и вызов новой императорской столице: зодчий мыслил Москву как центр России — от дворца-площади на три стороны расходились лучи улиц, переходившие за пределами города в большие дороги, ведущие к Москве — из Петербурга, Ярославля, Коломны. Общая же архитектурная идея Баженова сводилась к тому, чтобы слить весь кремлевский комплекс с городом со стороны Красной площади и Москвы-реки, по набережной которой должна была спускаться от него грандиозная мраморная лестница.

Для дальнейшего заметим: сметная стоимость одной этой лестницы достигала пяти миллионов рублей, тогда как осуществление всего проекта измерялось баснословной по тем временам суммой — в пятьдесят миллионов. Но из проекта можно было уразуметь и то, что новый кремлевский архитектурный ансамбль затмит собой и величайшие постройки античных времен, оставив позади даже Акрополь в Афинах... Словом, восхищенная проектом императрица работы повелела начать. Но вот вопрос — собиралась ли она строить?..

Зодчий готовился к подвигу жизни — именно так он рассматривал реконструкцию сердца Москвы. «Была собрана сильнейшая команда помощников, в которую, кстати, вошел Матвей Казаков — неизменный помощник, а иногда и соперник по неволе Баженова. Екатерина увлеклась грандиозным планом, часто писала тогдашнему московскому градоначальнику Измайлову, справляясь о ходе дел. Шесть лет кропотливой работы над проектом. Параллельно велись подготовительные работы: очищена площадка под центральную площадь, разобрана часть кремлевской стены.

«Хочу, чтобы мой дворец был всей России виден», — говорил друзьям Баженов. Но тут грянула трагедия: рухнула стена Черниговского собора. Все еще можно было исправить, но у Екатерины II изменилось настроение и она повелела: «Строить прекратить!» Почему? То ли стоимость небывалого строительства трещащему по швам после Крымской

войны бюджету было не осилить, то ли императрица побоялась обязательного после окончания столь масштабного строительства возвышения прозябшей бедной родственницы Петербурга — бывшего столярного града Москвы, то ли просто надоела царице эта игрушка... Итог один — все было кончено. Кстати сказать, почти столь же грандиозный план, но по переустройству другого великого города — Парижа — имел великий Ле Корбюзье. По примеру ли Баженова или дойдя собственным умом, но он в 30-е годы XX века разработал свой план реконструкции Парижа, предполагавший снос всего исторического центра и возведение нового, подчиненного строгой геометрии. Там была та же центральная площадь и расходящиеся от нее лучи-проспекты. Корбюзье отказали, но, в качестве утешительной конфетки дали возможность построить район Дефанс. Удаленный на 7 км от площади Согласия — официального центра французской столицы, — он стал поистине украшением города. Скорее похожий на американский Манхеттен, этот район, где все небоскребы стоят не на земле, а на огромной бетонной плите, поражает

Колокольня церкви Ильи — творение Баженова

воображение туристов. Примерно таким же актом стало предложение императрицы Баженову сначала выстроить на Ходыньском поле бутофорский город, где народу предстояло праздновать победу империи в Крымской войне. Однодневка оказалась сказочная: дворцы, крепости, пирамиды... Вот только после торжеств 10 июня почти сразу была разобрана и таким образом дошла до нас только в зарисовках Казакова. Вскоре последовал еще один пряник. Императрица приказала Баженову выстроить для нее загородную резиденцию под Москвой. Вскоре для второго Царского села выбрали место. 10 лет работ, начиная с 1775 года. Архитектор почти не отлучался из Царицына, куда переехал с семьей. Каждый шаг, силуэт зданий, размер окон, рисунок обоев, размер и конфигурация мостиков — все сверялось с заказчицей. Екатерина вроде бы была довольна. О чудесном абрисе Хлебного дома, трех дворцов для императорской резиденции, о иных чудесах новодела говорила вся Москва. Но первое и единственное посещение закончилось полным фиас-

Архитектор и его императрица

ко. Едва проведя 10 минут в своей новой резиденции, разгневанная императрица вернулась в карету. Сказочное загородное поместье, вобравшее соединившие воедино и входящие в моду готические мотивы и давно любимые мотивы русского зодчества (а уж в знании традиции родной стороны Баженову равных просто не было), приказано было немедленно разобрать. «Срыть сии казематы!» — последние слова, сказанные императрицей в Царицыне. Жить здесь невозможно, это — склеп, а не дворец!

Нет, Баженов не сломался. Но больше для царицы он не работал — предложений никаких не было. Все больше скатываясь в нужду, он смотрел, как его любимец Матвей Казаков был вынужден сперва перестраивать за него Кремль, а потом перерисовывать эскизы Царицына. Был еще, конечно, Пашков дом. Он, возведенный по заказу богатого откупщика, повернут к непокоренному Кремлю задом. Говорят, так Баженов пытался выместить нанесенную обиду. Была усадебная церковь в Быкове. «Фанфар Баженову и при жизни хватало», впрочем как и хулительств.

Советы довершили дело царей

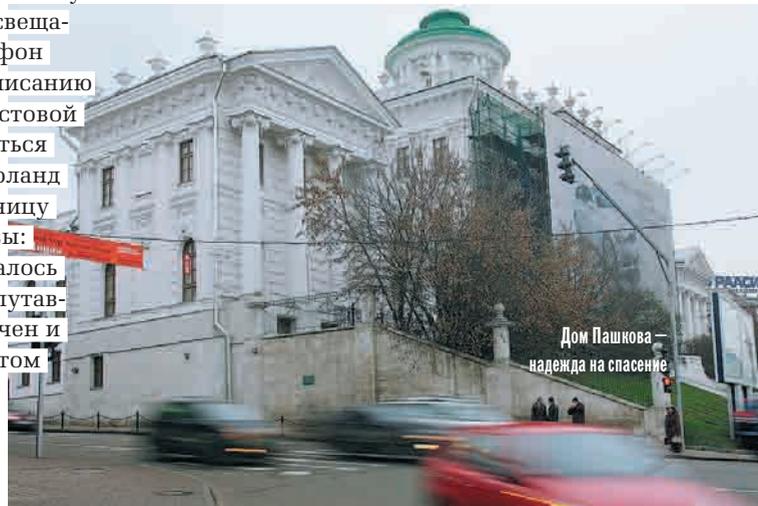

шили одни лишь «Известия»: «Президент Академии художеств произнесил в Колонном зале «Слово о Василии Ивановиче Баженове», а совсем рядом, в ста буквально шагах, продолжает рушиться величайшее творение архитектора — Пашков дом». Добавим: и Царицыно по-прежнему пребывает в бесконечной череде шумных реставрационных кампаний, а которая по счету нынешняя, никто толком уже и не знает.

Вот и подумаешь тут: не странно ли звучат эти обкатанные за долгие годы слова о традициях и наследии, когда стоит лишь выйти из юбилейного зала и даже не ехать в Царицыно смотреть руины, не глядеть на гибнущий Пашков дом, а попытаться взглянуть на неповторимую, изумительную еще недавно панораму Кремля, загроможденную с одной стороны горизонтальной машиной гостиницы «Россия», с другой — вертикалью «Националя»? О каких

Да, Советская власть довершила дело царей! Об этом «Смена» писала в том самом посвященном 250-летию Баженова номере. Пришли другие времена. Предвиденье свершилось: что портило лицо Москвы, исчезло, что терзало сердце нам близкой безвозвратной потерей, сохранено. Нет на сердце тревоги? В 2001 году легендарный Пашков дом начали реставрировать. Реконструкция, на которую ушло более 1,5 миллиарда рублей федерального и городского бюджета, почти завершена. В январе планируется открытие знаменитого Румянцевского зала, где расположится читальня Ленинки и хранилище инкунабул. Полностью утраченное убранство скупулезно восстановлено по сохранившимся чертежам. Единственным новшеством станут люстры, ведь ранее это помещение освещалось светом дня из окон. Открыт плафон Бального зала, того самого, где, по описанию Толстого, был первый бал Наташи Ростовской и на бельведере которого, если вчитаться в Булгакова, прощались с Москвой Воланд и Азазело. У входа на парадную лестницу кладут мрамор! И москвичи счастливы: ну ведь правда, сердце кровью обливалось при взгляде на трещины, паутиной опутавшие фасад красавца дома. Благополучен и царствен открытый в День города в этом

году цворцовый комплекс Царицынского заповедника. Еще продолжается реставрация-строительство, но уже люди побежали в Царицыно гулять, прохаживаться с детьми, кидать в пруд хлебные крошки уткам... Версаль, «русский Версаль»! Но ведь шедевр так и не был до конца отстроен. Матушкин долгострой, когда дело рук Баженова разобрали, а идеи Казакова не были воплощены, прикрыл Павел I, посетивший Царицыно в 1797. Нынешние же работы проводятся по Казаковским чертежам. И это при том, что ни один из предложенных им вариантов завершения проекта не был одобрен. Исправляем Екатерину, которая ошиблась 200 лет назад? Приходится признать, что никакой проект

На месте высотной гостиницы «Интурист» теперь красуется отель «Ритц»

восстановления того, что не было выстроено, достроено, воплотило замысел творца, не будет воспринято однозначно.

Люди будут горевать по самим развалинам, чувствуя их абсолютную достоверность, — горевать с той силой, с какой двадцать лет страдали, видя их. Еще драматичнее судьба «восстановленного в точном соответствии» с утерянным. Безвозвратно ушедшее ушло, как время. К нам не вернулся воссозданный заново Храм Христа Спасителя. Но в храме «свет и служба идет» (из Пастернака). И по царичинскому парку бегают дети.

Последние дни гостиницы «Россия»

лет?! За последние три-четыре года только в одной Москве ушли из жизни палаты XVIII века на Кадашевской набережной, Торговые ряды возле Немецкого рынка; в Лету канули дома Щепкина, Белинского, Плещеева... Но не завершен этим многоточием список невосполнимых наших потерь.

«Россию» разбирают. Город напрягся. Кто получит подряд? Что появится? Ведь многое, что появилось быстро рядом с Кремлем, уже не хочется обсуждать — банальная грустная тема... Как быстро на месте снесенного в 2002 году «Интуриста» (все, кажется, обрадовались) оказался «Ritz Carlton». Рядом с Центральным парком в Нью-Йорке, к, в Бер-

лине, на острове Бали и еще в 60 различных точках планеты, где расположены гостиницы этой знаменитой сети, он смотрится, говорят, адекватно. Но в Москве к этому фешенебельному отелю нам придется привыкать еще ох как долго! Как говорят дизайнеры, при всем богатстве исполнения, он удивляет смещением всевозможных архитектурных стилей. Классический «сталинский» соседствует с хрупким на вид стеклянным авангардом. Может быть, это проблема психологическая? Вопрос нашего менталитета?

«Конечно, ругать проще всего». «Хорошо, что московские власти делают для внешнего вида города хоть что-то». Это всего лишь частные мнения, почти отговорки. Людям не хватает ощущения того, что они живут в живом, са-

Хлебный дом в Царицыне открылся в сентябре 2006 года

мостоятельно, естественно меняющемся городе. Им не всегда хватает поддержки их любви к городу. Сегодня улица Баженова находится в отдалении от центра и большинства творений Баженова — неподалеку от метро «Орехово». Это совсем рядом с Царицинским парком и его дворцами. Там чисто. Но что-то беспокоит, душу терзает. Болит сердце за Москву.

Юлия Тутина

Особое мнение

**Дрессировщик хищников Эдгард Запашный:
«Современная Москва — красивый организм
с закупоренными артериями»**

Я — коренной москвич. Родился, правда, в Ялте, где родители тогда были на гастролях. Но прописан всегда был в столице и живу здесь с рождения. Но в связи с разъездным характером моей работы вижу происходящие с Москвой изменения, наверное, более остро, чем все остальные жители. У меня бывают перерывы от месяца до года, когда в родном городе вообще не появляюсь. После этого приезжаю и иногда просто теряюсь и паникую даже в собственном районе. За последние два-три года дома в нем, как и всюду в городе, стали расти, как грибы после дождя.

Это с одной стороны пугает, но одновременно и радует. Мне однозначно нравится все, что происходит с городом. У столичного градоначальника неплохая команда, которая принимает верные решения, связанные с изменением внешнего облика города. Например, я рад, что сносят гостиницу «Россия», что строят сразу несколько комплексов зданий — торговых, офисных, жилых — в разных районах города. Единственное, что мне не совсем нравится, — творения Церетели. Скульптор, насаждая городу свои творения, поступает несколько эгоистично. Мало советуется со всеми остальными. Наверное, поэтому с его проектами всегда связаны громкие скандалы, когда многие москвичи, особенно представители интеллигенции, негативно относятся к его свершениям. Сегодня Москва историческая, патриархальная, которую любили и мы, и наши родители, лицом которой являются невысокие дома, узкие улочки, столкнулась со второй, строящейся Москвой — монолитной, мощной. Налицо принципиальное противостояние поклонников первой и второй. Одни говорят: «Москва должна остаться старой, ностальгической». Другие им противоречат: «Нет, город должен развиваться». Мне, честно говоря, ближе второе мнение. На мой взгляд, новостройки необходимы. Более того, оставлять на своих местах следует только самые-самые известные здания, которые прославились чем-то или где жили известные люди. Все остальные же по мере необходимости можно сносить. Цивилизация требует роста вверх. А Москва, хоть и не резиновая, должна стараться вмещать в себя все возможное.

АРТЕМИЙ ТРОИЦКИЙ

А читателям «Смены» я бы хотел пожелать, чтобы в Новом году на смену всему тому, что уже порядком осточертело, пришло что-то новое и интересное. Всем смены впечатлений! С наступающим!

Не могу сказать, что люблю экстравагантно отмечать Новый год. Большая часть этих праздников проходила традиционным образом. Если у меня была семья, то устраивалось торжество в семейном кругу, так сказать, у очага. Если не было семьи, то с друзьями, например, на даче. Очень редко это происходило в ресторанах. Всего два раза, но оба эти празднования были очень удачными, очень веселыми.

Пожалуй, самым интересным, самым запоминающимся у меня был Новый 1979 год. Тогда стояли совершенно жуткие холода на всей европейской части Советского Союза, и поехал я к своим друзьям в Литву, в город Шауляй. Началось все с того, что в поезде Москва–Калининград в вагонах стояла твердая минусовая температура. Почти все время я провел в вагоне-ресторане, где за сутки пути уговорил немыслимое количество очень хорошего португальского портвейна, который по одному Богу известной причине там оказался. В Литве веселье продолжилось, мы поехали на хутор, в деревню. Познакомился я там с местными литовскими девушками... В общем, совершенно замечательно провел там время. Это был веселейший, холостяцкий, пьяно-сексуально-музыкальный Новый год. Это было исключение из правила.

Запоминающийся подарок был. Дело в том, что я в течение многих и многих лет сопротивлялся такой вещи, как мобильный телефон. Принцип такой был: жил хорошо без мобильника и дальше без него обойдусь. Если я кому-то действительно буду нужен, то меня найдут, а вот чтобы меня просто так по мобильнику теребили, от дел отвлекали... Не надо мне этого. Уже у всех вокруг были мобильные телефоны, и только у меня не было, чем я очень гордился. В конце концов моя жена Марианна подарила мне на очередной Новый год мобильный телефон. Если мне не изменяет память, это был 2000 год. Одним поводом для гордости стало меньше... С тех пор хожу с трубкой и даже иногда поминаю ее добрым словом, но чаще поругиваю.

Беседовал и фотографировал
Максим Бакшеев

~ смена впечатлений

Всели шампанского!

Фото: Амели Дюпон (Amélie Dupont)

Шампанское обязательно в Новый год! В винном мире нет более удивительного памятника идеализму. Вино, созданное человеческим гением как воплощение чистоты и божественного начала, шампанское служило то символом самого светлого счастья, то атрибутом низких пороков. Мы рассказываем, как понять написанное на этикетке, правильно выбрать, хранить, охладить и выпить

При покупке шампанского следует изучить его этикетку. На ней—как и на этикетках прочих французских вин—внимательный и знающий потребитель найдет всю необходимую информацию. Особое внимание обратите на следующее.

Фирма-производитель. Ее название по традиции выделяется самыми крупными буквами. В вопросе о том, какие из «домов» шампанского считать лучшими, единогласия среди экспертов нет. К числу лидеров относят компании, входящие в Синдикат элитных марок шампанского (SGMC).

Если вы все же решили рискнуть и приобрести менее известную марку, следует обратить внимание на профессиональный статус производителя. Соответствующее обозначение—хотя и очень мелким шрифтом—помещается в нижней части этикетки перед шестизначным номером, под которым зарегистрирована компания. Стабильность качества гарантирует надпись «NM» (negociant-manipulant, винодел,

являющийся членом Института негосударственных Шампани).

Уровень качества. По данному показателю шампанское может быть подразделено на три группы: шампанское без указания года на этикетке (champagne sans annee) — к этой группе относится более 80% производимых в регионе вин; миллезимное (champagne millesime), или, винтажное шампанское, которое изготавливается в особенно удачные годы из виноматериалов одного урожая; престижное (cuvée de prestige), или, иначе, специальное шампанское. Оно изготавливается из лучшего винограда с особо тщательным соблюдением требований технологии и в большинстве случаев (но не всегда) помечается годом. Такое шампанское имеет собственное, часто фантазийное или связанное с историей «дома» название: у Moët & Chandon это Cuvée Dom Pérignon, у Louis Roederer — Cristal, у Laurent-Perrier — Grand Siècle, у Veuve Clicquot-Ponsardin — La Grande Dame, у Pol Roger — Sir Winston Churchill и т.д. Для шампанского данной группы характерны не

только безукоризненное качество, но и высокие, безумные цены.

Цвет. Шампанское не бывает красным. Оно может быть белым или розовым, которое является настоящим раритетом: на него приходится около 1% производства.

Содержание сахара. По содержанию сахара шампанское подразделяется на 6 категорий, о чем есть надпись на этикетке: extra-brut или ultra-brut, brut, extra-sec, sec, demi-sec и doux, то есть сладкое (его по старой памяти называют шампанским русского вкуса), которое в настоящее время практически не выпускается. Знатоки предпочитают extra-brut и brut.

Год производства. В настоящее время на российском рынке представлено миллезимное и престижное шампанское нескольких лет урожая. Наиболее удачными среди них следует признать 1982, 1985, 1988, 1989, 1990, 1995. Кстати, из французских вин шампанское — едва ли не единственное, которое заслуживает безусловного интереса даже в том случае, если год производства на этикетке не указан.

Сорта винограда. Как правило, более тонкое шампанское производится из винограда Шардоне, причем в этом случае на этикетке помещается надпись Blanc de Blancs («белое из белых»). Черные сорта — Пино Нуар и Пино Менье — дают более сильное вино; тогда оно называется Blanc de Noirs («белое из черных»).

Выдержка и хранение. Обыкновенное шампанское лучше выпить в течение года. Миллезимное и престижное шампанское при необходи-

мости может храниться в течение нескольких лет, а порой и десятилетий. Хранят его так же, как и тихие вина: в спокойном темном месте без посторонних запахов и с постоянной (желательно порядка 10-12°C) температурой. Бутылки при этом должны располагаться горизонтально.

Подача. В большинстве случаев шампанское подают при температуре 6-8°. Хорошо его предварительно охладить в специальном ведерке, наполненном смесью воды и льда. Не стоит переворачивать

Фото: Амели Дюпон (Amélie Dupont)

и тем более встряхивать бутылку. Открывая, лучше держать ее под углом около 45. Нельзя направлять бутылку в сторону людей или в собственный глаз: пробка вылетает из нее со скоростью порядка 13 метров в секунду. Чтобы извлечь пробку, ее держат левой рукой, а правой вращают бутылку. Лучше, если бутылка открывается без громкого хлопка.

Наливают шампанское в небольшие, стапятидесятиграммовые, бокалы, которые могут быть либо высокими и узкими, либо низки-

ми и широкими (по-русски они называются креманками). Первые предпочтительнее, поскольку продлевают процесс выделения газа. Бокалы обычно наполняются в два приема на три четверти объема. В последнее время стало модным подавать престижные кюве в дегустационных бокалах для тихих вин — в них, действительно, полнее раскрывается букет вина, но теряются его игристые свойства.

**Александр Купцов,
Игорь Сердюк**

A close-up photograph of a man with grey hair and glasses, wearing a blue and white plaid shirt. He has his right hand pressed against his face, covering his eyes, suggesting a state of emotional distress or being moved. The background is blurred, showing other people in a crowd.

ОСВЕДОМЛЕННОЕ СЕРДЦЕ

*Быть способным
смотреть — это все,
что требуется, потому
что, если мы знаем,
как смотреть, то всё
становится очень ясным,
а для того, чтобы смотреть,
не нужны ни философия,
ни учитель.*

*Никто не нужен, чтобы
сказать вам, как смотреть.
Вы просто смотрите*

Как ухаживать за счастьем

«Понятие «благородство» («благое рождение») у нас связано обычно с принадлежностью к какому-нибудь аристократическому роду или дворянству. А на самом деле “благородство” — это рождение счастливого человека. Счастливый человек поневоле, без всякого даже воспитания, выращивает внутри себя моральный закон, защищающий его от того, чтобы он сделал нечто подлое, от которого будет чувствовать всю оставшуюся жизнь себя гадом»

Смена: Что заставляет человека жить?

Яков Маршак: Для того, чтобы это объяснить, обратимся к обобщению: что заставляет жить всех животных? Даже у самых примитивных животных, в отличие от растений и грибов, есть поведенческие навыки и методы выбора поведенческих стратегий. И всегда их поведение целесообразно. Цель: не сделать себе похуже, сделать лучше именно сейчас. Два закона удерживают животных (человек в их числе) в этой жизни. Первый: невозможно долго испытывать значительное страдание. Например, нельзя и представить себе, что можно приказать человеку: дыши не воздухом, а водой. Он

не сможет терпеть, он рванется спастись. И точно так же, когда наступает интенсивная душевная боль, человек отдергивается ближайшим расположенным к нему способом. Второй закон более сложный: все что резко, быстро, ошутимо избавляя от страдания, приносит удовольствие (когда человек своим нутром ощущает, как ему сначала было плохо, а затем быстро стало хорошо), нравится, влечет, — вот в это мы «влюбляемся». Благодаря этим двум законам мы, животные, привязаны к жизни: мы «обязаны» дышать, есть, пить, опорожнять кишечник и мочевой пузырь, воспроизводить себе подобных...

С: Что дает радость от жизни?

Я.М.: Эйфория в покое — нега, эйфория в активности — ощущение куража. И то, и другое регулируются биохимическими процессами, которые в том числе имеют и нейрохимическую природу. Бывают люди, которые изнутри такие счастливые, что любые беды им нипочем. А бывают люди, в роскошной совершенно обстановке страдающие. С рождения счастливый, гармоничный человек идет «двумя ногами» счастья: нега—кураж—нега—кураж... Одновременно и нега и кураж у нас невоспроизводимы. Есть люди, которые от рождения более счастливы в активности и просто несчастны в покое. Иногда человеку больно переходить от активности к покою, если активность ему дает блаженство, кураж. У других наоборот. Вот вы нежитесь в кровати утром, а тут начинают вас будить, даже поливать холодной водой, орать,

трясти — как это? Взрослые часто не отдают себе отчета или не знают о том, что, своевольно обрывая радость ребенка от любимого, никому не вредного занятия, они прямо толкают его к поиску запретных форм удовлетворения — курению, алкоголю, наркотикам.

С: Взрослые учат, заставляют...

Я.М.: Не будем за ос-

нову брать пример злого умысла, когда родители, обижая ребенка, получают от этого тайное удовольствие. (В животном мире это тоже случается — например, взрослые котики, преследуемые в океане многочисленными касатками, на берегу вымещают досаду, кусая детенышей.) Возьмем пример здравомыслящих благополучных родителей. Взрослые обладают стабильным, хорошим настроением, и поэтому многие явления жизни для них привлекательны. Чего хотят они от своих детей, воспитывая их? Например, того, чтобы те читали, решали задачи, заучивали тексты и т. п., — все это симпатичные занятия для спокойного, счастливого человека. Беда в том, что некоторые современные дети, не достигшие 18-20 лет, в силу возрастных биохимических особенностей обладают менее стабильным настроением — они более ярко испытывают короткую радость и затем долгую тоску.

С: Не все такие!

Я.М.: Хочу заметить, что все люди разные, т.е. обладают генетическими особенностями и ведут разный образ жизни. Молодая наука саматопсихология изучает то, как, определив индивидуальные генетические особенности человека, воспитать у него те поведенческие навыки, которые сделают его жизнь качественной как в психическом, так и в физическом смысле.

С: Неужели все обусловлено генами?

Я.М.: Да, безусловно. Открытие в 90-х годах явления, которое

МАРШАК ЯКОВ ИММАНУЭЛЕВИЧ

Специалист, исследователь в области электроэнцефалографии, психоэндокринологии, нутрициологии (наука о питании, использовании биоактивных пищевых добавок). Создатель авторского метода Кинезиогенной терапии наркозависимости. Окончил в 71-м мехмат МГУ, в 87-м 2-й Мед. в Москве. В 89-м приглашен с курсом лекций в США, прошел обучение по программе «12-ти шагов» (Флорида, центр «Хэритэдж Хэлс»). Имеет диплом Международной Ассоциации профессионалов по лечению наркотической зависимости. В 1997 году открыл собственную клинику в Москве.

называется теперь «синдромом дефицита удовлетворенности», связано именно с особенностями на геномном уровне. Как правило, это можно считать предпосылкой к развитию наркомании. Существует генетический анализ, который несколько генов уже «нащупал», и влияние этих генов значительно. Можно сразу понять ваши особенности регуляции настроения.

С: Как развить в себе радость от жизни?

Я.М.: То, как я понимаю: нужно два подхода — биологический и психологический: brain building и mind reconstruction. Биологический подход: как натренировать мозги, чтобы они эффективно поставляли ощущение счастья. Психологический: как перестроить мышление. Это «культура трезвого мышления».

С: И что же это означает?

Я.М.: Надо научиться ухаживать за системой регуляции своего счастья. И помнить, что несчастный человек — искатель счастья, счастливый — охранитель своего счастья.

С: Может, надо затаиться? Подстроиться под обстоятельства? Быть как все?

Я.М.: Нет, как раз наоборот! Несчастный подстраивается, а счастливый, охраняя свое достоинство, основанное на внутреннем счастье, может вступить в сознательный конфликт с окружающим миром, и... случается, что этот мир его уничтожает.

С: ...судьба счастливых?

Я.М.: Я могу привести пример. Понятие «благородство» («благое рождение») у нас связано обычно с принадлежностью к какому-нибудь аристократическому роду или дворянству. А на самом деле «благо родство» — это рождение счастливо-го челове-

ка. Счастливый человек по-неволе, без всякого даже воспитания, выращивает внутри себя моральный закон, защищающий его от того, чтобы он сделал нечто подлое, от которого будет чувствовать всю оставшуюся жизнь себя гадом. Ведь эта внутренняя душевная боль приносит очень долговременное страдание. Поэтому у благородных людей создается моральный закон, обостренное чувство чести, обостренное чувство совести, и он не сделает никогда такую вещь, которую считает неподобающей. И скорее умрет, чем сделает это. В период жестоких репрессий постреволюционных очень много благородных людей погибло, не оставив потомства. Потому что они не могли жить применительно к подлости.

С: Благородные не выживают?

Я.М.: Нет, почему! Благородные выживают, если они находят в себе силы получить необходимое им удовлетворение от жизни в любых невыносимых условиях. Приведу

Надо научиться ухаживать за системой регуляции своего счастья

Кому-то удается справиться с «врожденным несчастьем», кому-то нет

интереснейший пример из жизни благородных людей. Бруно Бетельхайм. Благородный человек, талантливый, образованный. Ученик Фрейда, самостоятельный исследователь, он автор замечательной,

очень нужной для человечества книги, о которой, к сожалению, очень мало кто знает, — «Informed heart», или «Осведомленное сердце». Бруно Бетельхайм попал в немецкий концлагерь.

Тогда госпожа Элеонора Рузвельт создала фонд, выкупающий у Гитлера евреев из лагерей за золото. Бетельхайм был выкуплен и, едва приехав в Америку, опубликовал работу, которую он творил в своем уме и запомнил в лагере.

С: Что открыл Бруно Бетельхайм?

Я.М.: Бруно в лагере стал замечать (а был он высоко интеллектуальным и себя осознающим человеком), что его собственный характер и даже личность начинают деградировать. И он стал исследовать причины этого явления: как условия лагерного режима низводят человека сначала до уровня сознания все более младшего ребенка, а потом — до уровня сознания животного. Он стал изучать этот процесс и впоследствии написал замечательную книгу. Мне интересно именно то, что он, чтобы не погибнуть в лагере, проделал огромную творческую, исследовательскую работу. Вот

один из методов того, как можно выжить благородному человеку в подлом мире. Но у меня есть и другие примеры... как не выживают благородные люди.

С: «Несчастливый» может бороться?

Я.М.: Смотря какой человек. У моего деда, Самуила Маршака, есть стихотворение:

*Но жизнь бывает к нам подчас сурова /
Иному век случается прожить /
А он не может значащего слова /
Из пережитых горестей сложить.*

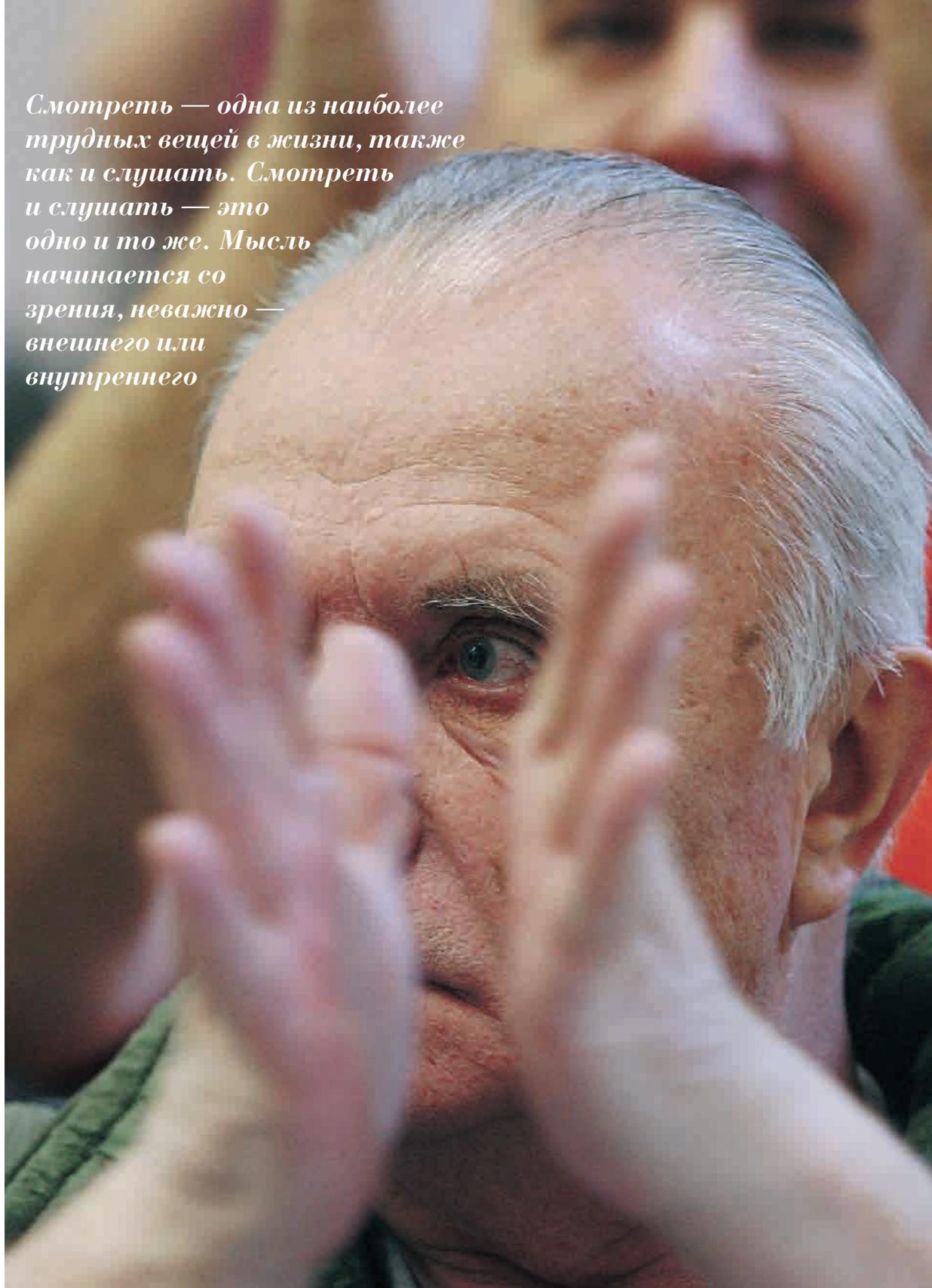
Кому-то удается справиться с «врожденным несчастьем», кому-то нет. Замечательная цитата из Генриха Гейне: «Мы маскируем даже свое страдание и, умирая от сердечной раны, жалуемся на зубную боль... У меня же была зубная боль в сердце. Это тяжелый недуг, от него превосходно помогает свинцовая пломба и тот зубной порошок, что изобрел Бертольд Шварц». Ему удалось, не зная генетики, так точно, красиво и тонко рассказать, что такое «синдром дефицита удовлетворенности». Гейне, это для меня очевидно, страдал этим. Многое зависит от генетики. Но и от окружения, в котором человек родился и рос. Как всегда в биологии, речь идет о соответствии генотипа и фенотипических условий.

С: Способен ли человек изменить свой генотип?

Я: Нет пока что. Но можно нивелировать некоторые недостатки за счет тренировок.

Беседовала
Сона Тамамян

Смотреть — одна из наиболее трудных вещей в жизни, также как и слушать. Смотреть и слушать — это одно и то же. Мысль начинается со зрения, неважно — внешнего или внутреннего

Тонино Гуэрра:

Мы уже побывали в Лаю...

Посмотреть и полюбить «Амаркорд», «Блю-ап», «Ностальгию» и не встретиться с приехавшим в Москву Тонино Гуэррой?.. Итальянский поэт и художник, сценарист фильмов Феллини и Антониони, Тарковского и Ангелопулоса рассказывает о нескольких неизменных вещах...

Я работал над очень многими фильмами в кино. И может быть, над очень хорошими фильмами. Но моя страсть — это писать.

Когда я был маленьким, я был ребенком, как все дети, в бедном городке с неасфальтированными улицами, где свободно бегали лошади и где женщины на улицах продавали вареные груши. Я дружил, ходил в кино, читал, закончил школу, потом университет. Когда мне было около двадцати лет, фашисты отравили меня в германский лагерь. В лагере было много людей из моего городка. Они часто просили меня, чтоб я им, голодным, замерзшим и усталым, рассказывал какие-нибудь истории. Однажды в лагерь не привезли и тот единственный котел с горячей водой и несколькими листьями капусты в нем. Людям в этот вечер нечего было есть, и меня попросили, чтобы я рассказал, как готовится «таретелли» (это типа спагетти, но ручным способом сделанная итальянская паста). Я должен был так рассказать, чтобы люди могли наестся, и я стал вспоминать. Я никогда не думал, что это помню... И наш буфет, и то, как мама горкой сыплет муку на стол. И я начал с малейшими деталями, очень точно воспроизводить

все жесты, которые делала моя мама, готовя тесто. Я раскатывал, добавлял немножечко соли, готовил соус, разрезал тесто. Я бросил спагетти в кипящую воду и наконец все было готово. Тогда я стал пармезаном посыпать пасту и очень серьезно спрашивать, кто какую приправу предпочитает. Когда уже все

***Я не ищущу богатства,
потому что оно никогда
не сможет утешить меня***

«наелись», и я не знал, что же дальше делать, один человек подошел ко мне и попросил добавки...

Мне приснилась Площадь, такую, какая она теперь, но на одно дерево больше. Вишня стояла на углу Площади. За короткое мгновение на ветках появились листья, потом цветы, и ягоды, чтобы вновь дерево обнажилось, и ветви стали готовыми превратиться в снежные кружева. Тогда я сказал себе: это возможно. Как и другие маленькие поправки. Серьезные мрачные деревья могли бы ожить на Рождество от маленьких светящихся искр, похожих на светлячки, и тогда, возможно, сказали бы, что на Главную Площадь упали звезды. Но не эти цветные шары из пластика, которые подражают ядовитым плодам. И многое дру-

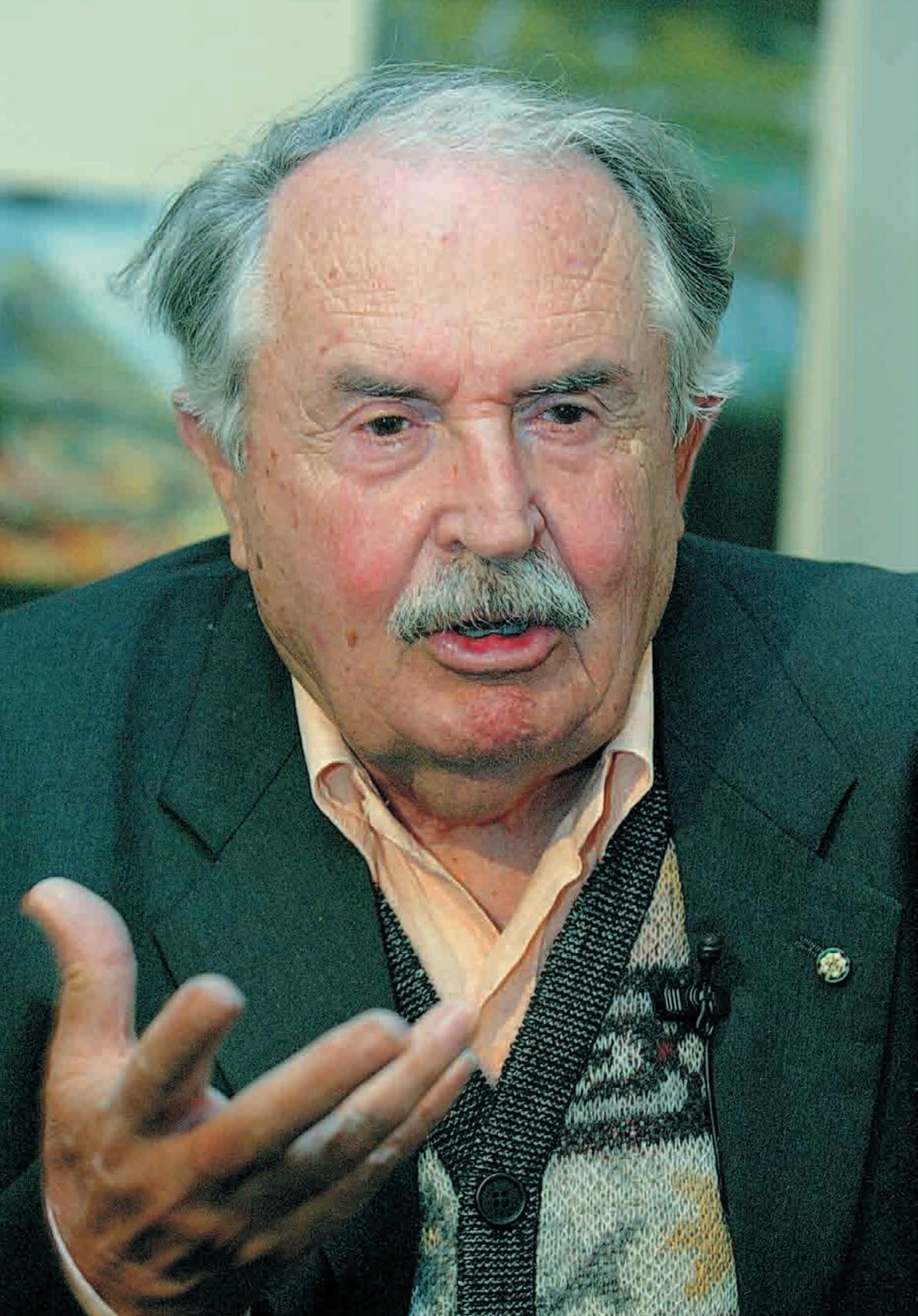
гое. Музыка, к примеру. Хотя бы каждый в воскресные утро в одиннадцать — а, может быть, и каждый день, когда вечер приходит с одинокими ботинками прохожего и туман окутывает своим шарфом фонари, — пусть вальс Фаини или Штрауса прозвучит из громкоговорителей, спрятавшихся в деревьях.

Необходимо вновь сделаться детьми, чтобы править.

Всякий раз, когда безысходно тоскливо, мне нужна бедность, необходимо ощутить запах подгнившего дерева или вяжущий вкус плодов, сорванных тайком раньше времени. Представляю себя сидящим в сарае и стерегущим гору картошки. Как прекрасно дать увести себя далеко, следуя запаху. То я иду по мощеной дороге, то подставляю рот падающим каплям дождя. Я не ищущу богатства, потому что оно никогда не сможет утешить меня. Я не имел его ребенком, и поэтому оно не может принадлежать мне. Единственное, чем ты обладаешь навсегда, — это те вещи, которые были у тебя в детстве.

Мы уже побывали в Раю. И часто, во всяком случае, я, возвращаясь в него, когда вхожу в лабиринты памяти, где живет мое детство.

**Подготовила
Маша Михайлова**

устройство ПРИШЕЛЬЦЕВ*

*Немедленно вернись!
Куда ты полезла?
Ты упадешь в воду!
Ты вся намокнешь!
Нам пора! На кого
ты похожа?*

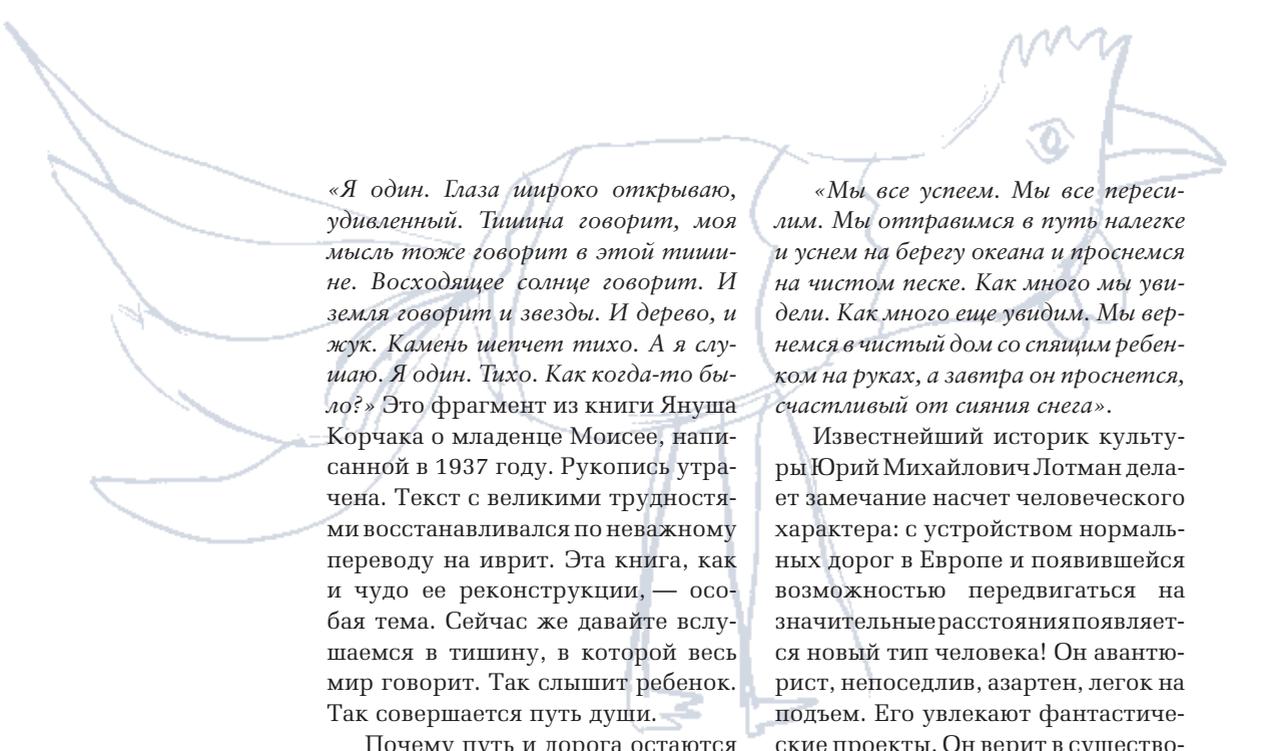
(бабушка)

бегущие в будущее

***** *Выражение «дети — пришельцы из будущего» принадлежит Янушу Корчаку. Это не мысль, не метафора, а открытие. И оно существует, пока снова и снова делается каждым. Организовывая в журнале раздел, посвященный детям, мы сознательно уклоняемся от дидактических советов, рекомендаций и привлечения к участию в нем безапелляционно убежденных в своей правоте лиц — экспертов по детям. Мы будем просто пытаться в той или иной форме разбудить вашу собственную мысль в связи с той или иной темой*

«Я один. Глаза широко открываю, удивленный. Тишина говорит, моя мысль тоже говорит в этой тишине. Восходящее солнце говорит. И земля говорит и звезды. И дерево, и жук. Камень шепчет тихо. А я слушаю. Я один. Тихо. Как когда-то было?» Это фрагмент из книги Януша Корчака о младенце Моисее, написанной в 1937 году. Рукопись утрачена. Текст с великими трудностями восстанавливался по неважному переводу на иврит. Эта книга, как и чудо ее реконструкции, — особая тема. Сейчас же давайте вслушаемся в тишину, в которой весь мир говорит. Так слышит ребенок. Так совершается путь души.

Почему путь и дорога остаются главными и единственно точными метафорами жизни? Почему не время?

Но что есть время, если нет пути? Бездушный метроном, отсчитывающий неподвижность существования, вот что. Что остается не пустившемуся в путь, как не играть с часами?

Который час? О, пора вставать! Пока обедать. Пора отправляться на работу, с работы домой, из дома в магазин. День кончился, и хорошо. Спать, спать! О, пора вставать. Пора ехать в отпуск. Как еще не собрались? Пора возвращаться. Зима...

По отношению к ребенку: скорее пробежать все пункты режима дня. При этом неважно, чем он занят, о чем задумался, что слышит, что собой представляет.

Какая скучная игра в жизнь.

Никто не против режима и расписания. Но как бы сохранить смысл?

«Мы все успеем. Мы все переселим. Мы отправимся в путь налегке и уснем на берегу океана и проснемся на чистом песке. Как много мы увидели. Как много еще увидим. Мы вернемся в чистый дом со спящим ребенком на руках, а завтра он проснется, счастливый от сияния снега».

Известнейший историк культуры Юрий Михайлович Лотман делает замечание насчет человеческого характера: с устройством нормальных дорог в Европе и появившейся возможностью передвигаться на значительные расстояния появляется новый тип человека! Он авантюрист, непоседлив, азартен, легок на подъем. Его увлекают фантастические проекты. Он верит в существование иных и не открытых миров. Он хитер и ловок. Он смел в убеждениях и искусен в соблазнении. Он «проныра». Он царедворец, он пират... Он литератор, артист, философ. И он наивен, как ребенок, и верит в чудеса, и сам их совершает от нетерпенья. Он пылко влюбчив, преданно верен. Вспыльчив, великодушен.

И его все время куда-то тянет...

Есть предположение, что идея другого пути в Индию была придумана Колумбом с тем, чтобы было легче соблазнить к поддержке королеву испанскую, а на самом деле ему нестерпимо хотелось отправиться в экспедицию вообще.

Скажу по-другому: азартные фантасты рождаются всегда. Дети приходят из будущего и, прихватив нас, бегут вперед. Вся проблема в нас, взрослых.

«Плывать по морю необходимо». Древние греки. Необходимо.

Н. Ч.

Игра

Что тут происходит?

Игра в самолетики.

Да это пустая беготня без правил! Это состязание в беге, соперничество братьев? Да нет же, нет, просто бежим и бежим изо всей силы.

Стойте: где правила? Нет правил.

Играли в самолетики весь день

«Догоняешь ли, убегаешь ли — все равно! Быстрее! Я упал. Разбил коленку. Больно. Звонок. Жаль. Еще бы немножко. Еще бы минутку.

— Кто скорее, я или ты?

Нога уже не болит. Ветер снова хлещет в глаза, в лицо, в грудь. Снова мчусь стремглав, чтобы быть первым. Чудом не натыкаюсь на ребят, преодолеваю преграды. Порог школы, хватаюсь рукой за перила — и вверх по лестнице. Не оглядываюсь, чувствую, что оставил его далеко позади. Победа! И со всего размаха в узком коридоре — бац на директора! Директор чуть не упал. Я видел директора, но остановиться уже не мог. Совсем как машинист, шофер или вагоновожатый. В эту минуту я понял, что детей обвиняют несправедливо...»

Януш Корчак.

«Когда я снова стану маленьким»

ДОБРОВОЛЬНЫЕ ОГРАНИЧЕНИЯ?

В советское время среди педагогов и воспитателей торжествовало особое понимание детской игры. Дети, играя в дочки-матери, продавца и покупателя, больного и врача, обязаны были воспроизводить отношения взрослых и постепенно «исчерпывать» в себе детство (мамы не бегают, милиционеры не кричат, а часовой не может покинуть пост). Педагогов радовало, что «ограничения, которые малыши добровольно накладывали на себя в игре, постепенно входили в их повседневную жизнь, и семилетние дети уже умели управлять своим поведением, то есть были психологически готовы к школе». Методические пособия, правила, сценарии игр закрепляли и в сознании родителей понимание игры как удачного приема ограничения свободы ребенка. Эти представления дошли до нашего времени

«Там море было неудобное для купания. Мы там видели краба. Там был бассейн. И на нем стояла вышка. Мама сказала, что она невысокая, всего два метра или пять, и что я могу с нее прыгнуть. Я пошел наверх. Но потом я испугался, потому что я не знал, как с нее спрыгивать. И я все стоял и стоял. А мама смотрела и улыбалась. А потом я прыгнул. А потом я вышел из воды и посмотрел на свои ноги увидел их далеко-далеко внизу. И я тогда понял, что я сразу вырос в этот день».

Из дневника ребенка

Гарри Ландрет. Смысл игры:

Для того, чтобы легче было принять детскую игру, некоторые взрослые пытаются найти ей для себя смысл, назвав ее работой. Стремясь ускорить процесс превращения ребенка во взрослого, многие взрослые не выносят, «когда ребенок теряет время на игру». Им кажется, что ребенок должен упорно работать, чтобы достичь какой-то цели, которая ему взрослому кажется достойной. К сожалению, во многих исследованиях игра определяется как работа ребенка. По-видимому, это попытка хоть каким-то образом «узаконить» игру, показать, что игра может быть важной только тогда, когда она совпадает с тем, что считается важным в мире взрослых. Точно так же, как детство имеет свой внутренний смысл и не является просто подготовкой ко взрослости, точно так же игра имеет свою внутреннюю ценность и важна независимо от того, к каким последствиям она может привести.»

Януш Корчак.

«Грозная проблема — как делить завоеванные пространства, какие и кому давать задания и вознаграждения, как освоить покоренный земной шар. как удержать человеческий муравейник в повиновении и порядке, как застраховать себя от злой воли и сумасбродства личности, как наполнить часы жизни действием, отдыхом, развлечениями, уберечь от апатии, пресыщения, скуки. Как спланировать людей в дисциплинированные союзы, облегчать взаимопонимание; когда разъединять и делить. Здесь подгонять, ободрять, там сдерживать, здесь разжигать пыл, там гасить. Осторожно действуют политики и законодатели, да и то часто ошибаются. И о ребенке взрослые совещаются и решают; но кто станет у наивного спрашивать его мнения, его согласия: что он может сказать?»

Гарри Ландрет. Смысл игры:

Дети смущаются присутствием взрослых и посторонних. Сколько в детских играх горького сознания недостатков реальной жизни, сколько болезненной тоски по другой реальности! Не следует рассматривать их как маленьких взрослых. Их мир реально существует.

...Я был и эскимосом и собакой, победителем и невинной жертвой случая, артистом и философом,— жизнь моя звучала, как оркестр. И я понимаю, почему ребенок может быть зрелым музыкантом. И когда мы присмотримся внимательнее к его рисункам, прислушаемся к его речи, когда он наконец поверит в себя и заговорит,— мы достигнем его огромную своеобразную ценность. Мы обнаружим в нем поэта, художника, мастера чувства. Это будет. Но мы еще не доросли до этого. ... Я забыл рассказать, что в углу подвала мне померещилось что-то белое, вроде человека без головы, в саване. И когда я бежал из подвала, то одно мгновение я не зайца гнал, а убегал от привидения. Это длилось всего секунду, но у меня колотилось сердце, а в глазах мелькнули три черные молнии. И еще я не рассказал, как мне на уроке хотелось пить. А учитель выйти не позволил. Скоро будет звонок, тогда напишешь!

Януш Корчак.

«Когда я снова стану маленьким»

ПЫТКА НЕПОДВИЖНОСТЬЮ

Примером происшедших изменений служит опыт, поставленный в 1948 году и в наши дни. Детишки должны были как можно дольше удерживать определенную позу — или по просьбе взрослого, или выполняя роль часового (в современном варианте — охранника). Полвека назад малыши в игре справлялись с этим сложным для них заданием гораздо лучше, чем вне игры. В пять-шесть лет разница составляла около 7 минут, но к семи годам дети в любой ситуации могли замереть уже минут на 12 — приобретенный в игре навык вошел в повседневную жизнь. Современные же дети вообще не способны долго удерживать одну позу: и в пять, и в семь лет им трудно протянуть больше трех минут даже в игре, при этом лучшее время показывают те, кто хорошо играет в ролевые игры. Отсюда психологи делают вывод, что способность к произвольному поведению даже к концу дошкольного возраста сохраняется только в игре и не становится внутренним качеством личности.

В качестве примечания приводим простое суждение американского психолога Уолтмана (Woltmann, 1964): «До 10–11 лет большинству детей трудно сидеть спокойно в течение продолжительного времени. Маленькому ребенку для того, чтобы сидеть спокойно, требуется значительное усилие».

И как это прервать вдруг игру, когда не знаешь, чем она кончится? Наладить игру нелегко, и, если она удалась, жалко ее портить.

*Януш Корчак
Когда я снова стал маленьким*

...Или возьму да опять придумаю все совсем по-другому. Буду учителем. Соберу всех людей и скажу: Надо построить хорошую школу, чтобы не было так тесно, чтобы дети не толкались и не наступали друг другу на ноги.

Приходят дети в школу, а я спрашиваю: — Угадайте, что мы сегодня будем делать? Один скажет: — Пойдем на экскурсию. — А другой:

— Диапозитивы будем смотреть. Кто одно говорит, кто — другое. А я отвечаю: — Нет, все это тоже будет, но есть у нас дело и поважнее. И только когда все успокоятся, скажу: — Я вам новую школу построю.

А потом я выдумываю разные препятствия. Будто бы школа уже почти готова, а тут вдруг стена обвалилась или пожар. Надо все сначала начинать, но мы назло строим еще лучше. У меня всегда все было с препятствиями. Если плыву на корабле — то буря. Если я полководец — то сперва проигрываю все сражения, и только под конец победа. Потому что скучно, когда все с самого начала удается.

Януш Корчак.

«Когда я снова стану маленьким»

декларация прав игры

Игра — это единственная центральная деятельность ребенка, имеющая места во все времена и у всех народов. Детей не нужно учить играть; не нужно заставлять их играть. Дети играют спонтанно, охотно, с удовольствием, не преследуя никаких определенных целей.

1. В отличие от работы, игра внутренне сложна, не зависит от поощрений и приводит внешний мир в соответствие с имеющимися у ребенка представлениями.

2. Игра для детей — способ научиться тому, чему их никто не может научить. Это способ исследования и ориентации в реальном мире, пространстве и времени, вещах, животных, структурах, людях.

3. Дети более полно и более непосредственно выражают себя в спонтанной, инициированной ими самими игре.

4. Дети общаются посредством игры, игра является для ребенка тем же, чем речь является для взрослого.

5. Большинство нормально развитых детей сталкивается в жизни с проблемами, которые кажутся неразрешимыми. Но, проигрывая их так, как ему хочется, ребенок может научиться постепенно справляться с ними.

6. Ребенок часто использует символы, которые он сам не всегда может понять, так он реагирует на процессы, происходящие во внутреннем плане, корни которых могут уходить глубоко в бессознательное. В результате может получиться игра, которая кажется нам не имеющей смысла... попытки помочь ему в его усилиях, хотя и делаются с добрыми намерениями, могут помешать ему.

Гарри Лэндрет.

«Игровая терапия: искусство отношений»

«Повторяю: основным лейт-мотивом, содержанием психической жизни ребенка является стремление овладеть неведомыми стихиями, тайной окружающего мира, откуда плывет к нему доброе и злое. Желая овладеть, он стремится познать».

Януш Корчак

В КИНОТЕАТРАХ С 28 ДЕКАБРЯ

Гадкий утенок и Я

AN A.FILM, MAGMA, FUTURIKON, ULYSSES PRESENTS AN ANIMATED FILM BY TV2/DENMARK
PRODUCED BY M6, WDR, DISNEY TELEVISION FRANCE, ANDERS MASTRUP, RALPH CHRISTIANS, PHILIPPE DELARUE, DAIRA SACCO
DIRECTED BY IRENE SPARRE HUORTHOL, MOE HONAN, GLADYS MØRCHØRNE WITH JACOB GRØTH AND GOTTHARD & FLURENVR, JACOB GRØTH & MISEN ØSTBY
BASED UPON THE STORY BY HANS CHRISTIAN ANDERSEN SCREENPLAY BY MARK HODKINSON DIRECTED BY MICHAEL HEGNER, KARSTEN KILLERIKK

ULYSSES

MAGMA

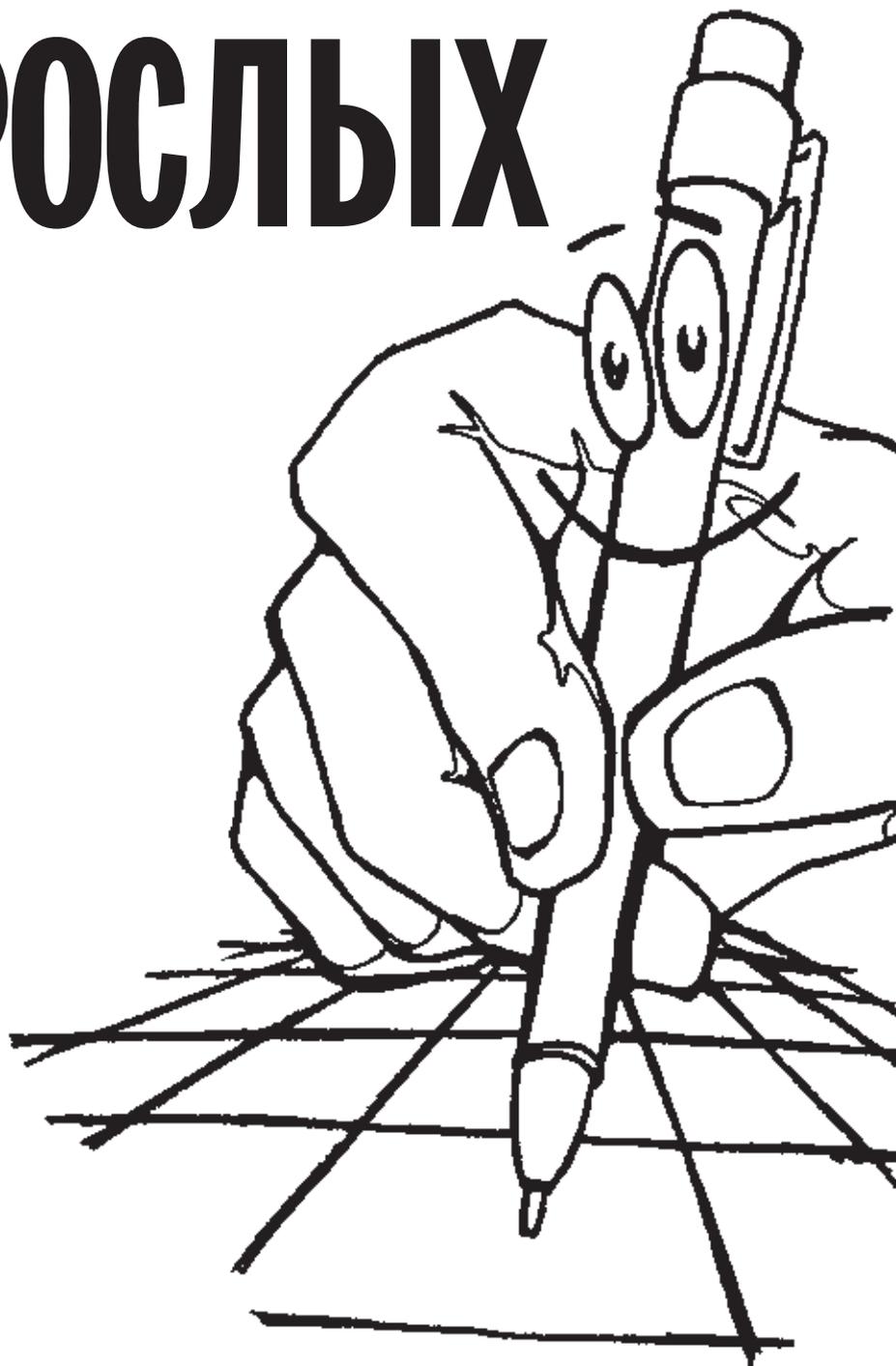
FUTURIKON

www.gadkiyutenok.ru

ИГРЫ ВЗРОСЛЫХ

И НЕ ТОЛЬКО...

Головоломки народов мира: палиндром

Палиндром (от греческого «palindromos» — «бегущий обратно», «возвращающийся»), или перевертыш, — это слово, фраза, стихотворная строка, вообще любой текст, который одинаково читается в обе стороны: — слева направо и справа налево. Начнем со слов-палиндромов: *мим, дед, наган, заказ, шалаш, ротатор*. Вероятно, семь букв — рекорд для русского языка.

Даже самый первый крик новорожденного легко переводится на язык палиндрома:

Я вижу маму — жив я!

А вот двустигийе Д. Авалиани, написанное безупречным гомеровским гекзаметром, с обращением к великому эллину (обе строки — палиндромы):

*Море могуче. В тон ему, шумен,
ответу Гомером:*

*Море, веру буди — ярок, скор, я
иду буревером...*

Палиндромы придумывали многие знаменитые поэты. Автором распространенного перевертыша является великий русский поэт А. Фет.

А роза упала на лапу Азора.

Другой классик, Г. Державин, однажды воскликнул:

Я иду с мечем, судия!

У гениального словесного экспериментатора В. Хлебникова есть длинное стихотворение «Перевертень», в котором все строчки можно прочесть и в обратном порядке. Написанное в 1913 году, оно является первым палиндромным стихотворением на русском языке. А вот другой образец его палиндромной поэзии:

Кони, топот, инок.

Но не речь, а черен он.

Идем, молод, долом меди.

Чин зван мечем навзничь.

Великолепный стихотворный образчик принадлежит перу В. Скорцова, причем довольно трудный, ибо «наизнанку» читается не каждая строка в отдельности, а все стихотворение целиком (и название палиндромично!)

Уведу деву

*О, вижу деву! Но — коли не
жена?*

Шорох... Она не жена ведь!

Тяну за руку к себе

Скужу раз унять:

Дева не жена, но хороша!

Нежен и локон... Уведу живо!

Краткий, но вместе с тем глубокий отзыв-палиндром написан на роман Бориса Пастернака «Доктор Живаго»:

У «Живаго» Бога вижу.

Многие современные поэты также увлекаются палиндромами. У Андрея Вознесенского даже один из сборников стихов имеет палиндромное название: «Аксиома самоиска».

Давно стали классическими такие «афоризмы»:

Аргентина манит негра (а в ответ аргентинец ценит негра); торт с кофе не фокстрот; кит на море романтик; не гни папин ген; Лёша на полке клопа нашёл.

Любители словесных игр составляют не только предложения, но и маленькие рассказы и стихи, которые одинаково читаются, с какой бы стороны за них ни взяться. Приведем несколько смешных фраз-палиндромов:

А закусили с указа; и любит Сева вестибюли; удавы рвали лавры в аду; лилпут сома на мосту пилл; лимузин изумил; а луна канула; лихач, а хил; ах, у печали мерило, но лире мила чепуха; да, искать такси—ад; огонь—лоб больного; ишак ищет у тещи каши; осело колесо; ежу—хуже!; ковал поп поплавок; фрау и леди сидели у арф; я сличил то и то—вот и отличился; и ломбард—раб моли; пил вино он и влип; ад я лишил яда!; я или суетен, или не те усилия?; мир, о вдовы, водворим!; у тени или мафиш фамилиш нету; уж редко рукою окурок держу; СОС! Около меня молокосос; увижу бабу—живу.

Фольклорные анаграммы когда-то звучали в балаганных представлениях. «На в лоб, болван!»—говорил один скomorox другому, уда-

ря того по голове. «На в лоб, болван!»—отвечал другой, симметрично отражая, возвращая первую как удар, так и фразу.

Самый короткий палиндром—междометие или восклицание—состоит из одной буквы—О! Это, очевидно, абсолютный рекорд. А самое длинное слово-палиндром на русском языке, как мы знаем, содержит семь букв. На английском языке есть палиндром из 11 букв: *kinnikinnik* (разновидность табака). Самым длинным палиндромом мира является финское слово *saippuakivikauppias*, которое означает «торговец золотом». Следующую латинскую фразу-перевертыш из 25 букв и сейчас можно увидеть на некоторых купелях для крещения младенцев в Греции и Турции: *Nifon anomhmata mh tonan ofin* («Не только омой лицо, но и смой грехи мои»).

Самая длинная палиндромная композиция составлена в 1987 году американцем Эдвардом Бенбоу и содержит 100 тысяч слов. Она начинается словами «*Al, sign it, Lover!...*» и заканчивается, естественно, так: «*...revolting, Isla*». Сэкономим место и не станем целиком приводить этот монстр.

И еще один рекорд. Самый длинный палиндромный роман «Доктор Оквард и Олсон в Осло» содержит 31594 слова, он был написан Лоренсом Левиным, тоже американцем, в 1986 году.

Прочтите теперь такой замечательный палиндром:

Madam, I'm Adam.

Между прочим, этой фразой могли завязать знакомство Адам и

Ева, если бы, конечно, владели английским.

А легендарный Ной на борту своего ковчега однажды от удивления воскликнул языком палиндрома:

*Дед!
А
Тут
Потоп!*

Многие газеты и журналы проводят конкурсы на лучший палиндром, и в них участвуют сотни людей, охваченных этой необычной болезнью — палиндроманией.

Некий читатель умоляет: «*Я нем и нежен, не жени меня!*» Другой жалуется: «*Нам рак влетел в карман*», третий призывает: «*Цени в себе свинец*». Кто-то подсмотрел, как «*Йоган леди видел нагой*», а кто-то, обращаясь к своему приятелю, внес бесценный вклад в биографию великого немецкого поэта: «*Ведь Шиллер, Том, смотрел лишь дев*». Патриот признается: «*Город дорог*», философ замечает: «*Миру — мир, Риму — Рим*», шутник шутит: «*Я несу чушь! Шучу, Сеня!*» Следующие два «опасных» палиндрома поступили на конкурс без подписи: *Ленин Нин ел, Лидер Боря яро бредил*. А один видный мастер перевертышей издал сборник своих творений, который и назвал палиндромно: «*Мухи и их ум*».

Перевертыши, как утверждал Велимир Хлебников, это своеобразная поэтическая машина времени, заставляющая нас двигаться не только из прошлого в будущее, но и из будущего в прошлое, от конца строки к ее началу. Древнейший из сохранившихся палиндромов на-

писан на латыни приблизительно в IV веке нашей эры. Это фраза *Sator Arepo tenet opera rotas*, что значит «*Сеятель Арепо с трудом держит колеса*». Обычно ее записывают в форме квадрата (рис. 1-2). В таком виде палиндром читается четырьмя способами: слева направо, справа налево, сверху вниз и снизу вверх.

Этому квадрату в древности приписывали некую магическую силу. Некоторые люди до сих пор верят, что загадочные слова, заключенные в нем, спасают от болезней и защищают от злых духов. Квадраты с «сеятелем Арепо» высекались на стенах храмов и дворцов, а в Средневековье появлялись и на фасадах христианских церквей.

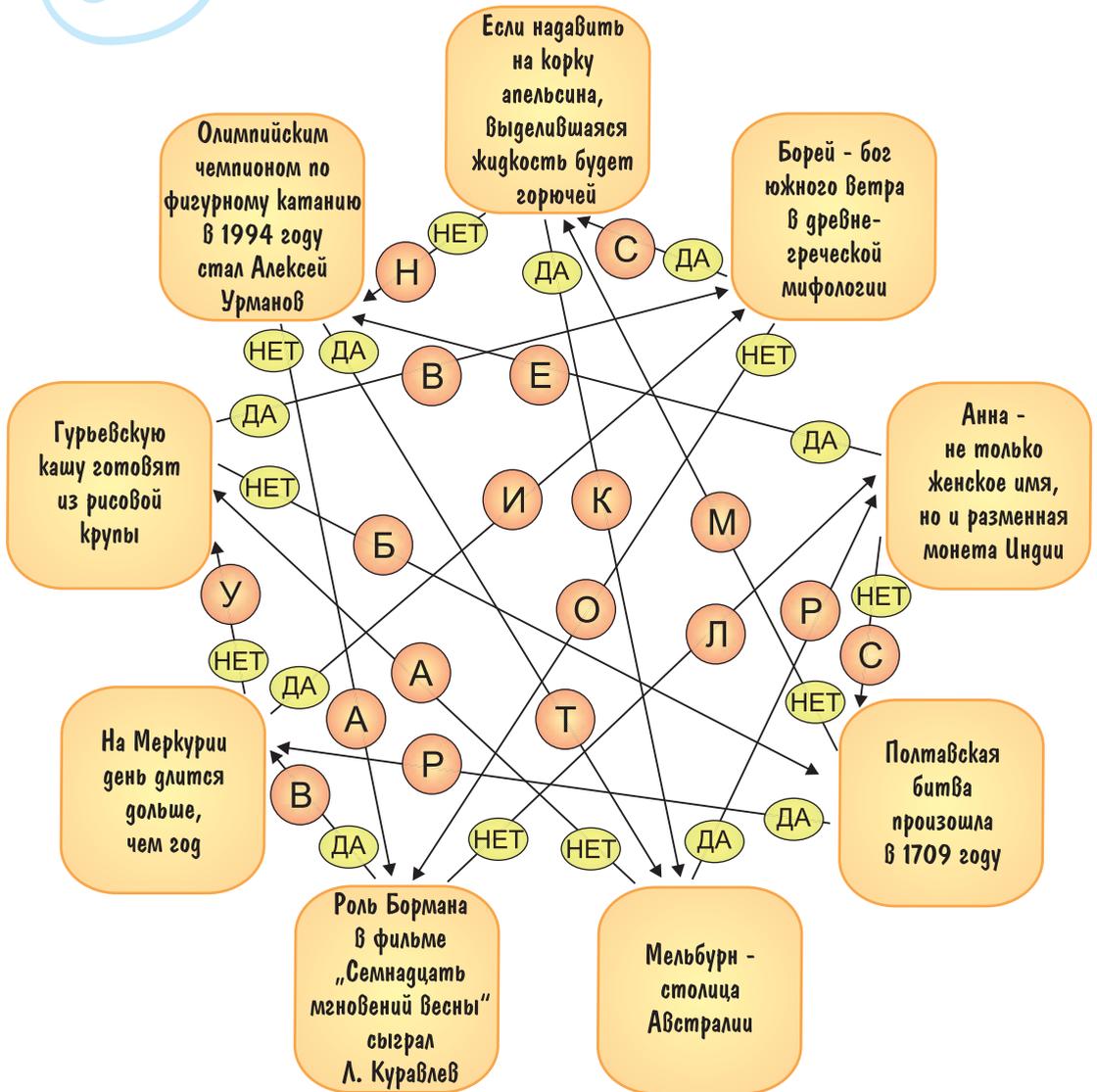
Говорят, что в составлении перевертышей пробовал свои силы и сам Наполеон. Во всяком случае, ему приписывается замечательное признание на английском языке: *Able was I ere I saw Elba* («*Я был силен, пока не увидел Эльбу*».) Вот еще один английский палиндром (не для детей): *Sex at noon taxes*, что в переводе значит — внимание правоохранительных органов! — «*Секс в полдень облагается налогом*». Кстати, имейте в виду: *А путана туна*. После таких дел в самый раз воспользоваться следующим палиндромом: *Мыло голым!*

Время неумолимо, и старые палиндромы уходят на покой, уступая дорогу новым: *Мы доломались, сила — молодым*.

Подготовил Артем Метра
www.xword.ru

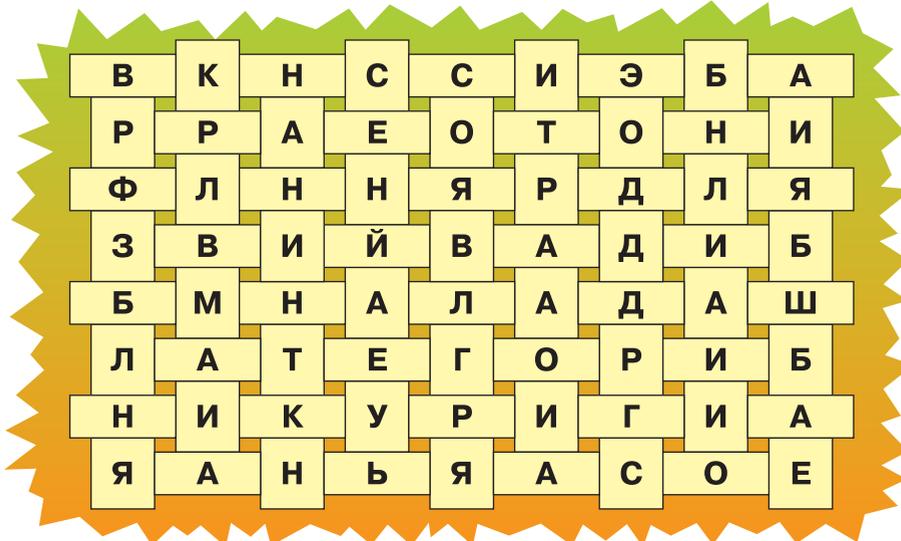
Начав с самого верхнего вопроса, в зависимости от правильного ответа **ДА** или **НЕТ**, переходите по стрелке к следующему, и так до тех пор, пока путь не заикнется. Буквы, встретившиеся на стрелках, помогут вам прочитать ключевое слово.

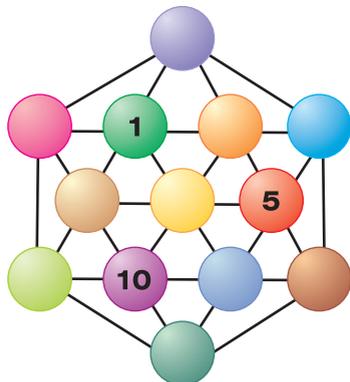
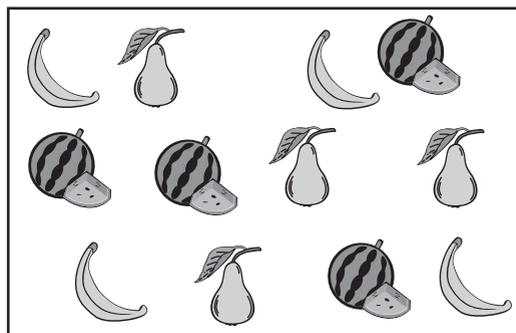
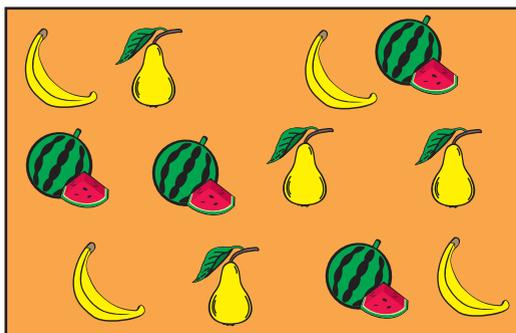
МОЙ ОТВЕТ:

□ □ □ □ □ □ □ □ □

В этом задании переплетены названия 17 государств. Найдите их.

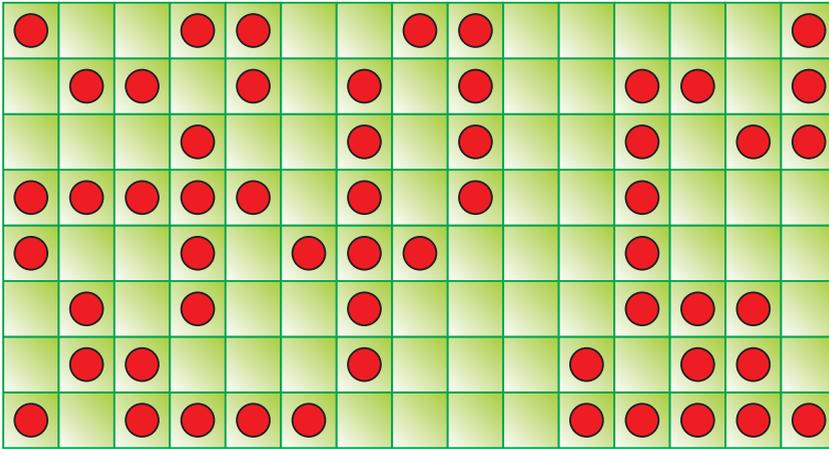

Разделите рисунок на четыре равные части так, чтобы в каждой части оказалось по одному цветочку каждого вида.

Расставьте в кружки числа от 1 до 13 (каждое используйте один раз) так, чтобы в кружках, соединенных линией, числа отличались не меньше, чем на 3. Например, рядом с цифрой 5 не могут стоять 3, 4, 6, 7, но могут находиться 8, 2, 1, 9. Чтобы облегчить выполнение задания, некоторые числа мы расставили на свои места.

Проведите линию, состоящую из горизонтальных и вертикальных отрезков через центры всех клеток. В каждом кружке линия должна делать поворот. Линия не должна пересекать себя.

4	0	1	3	1	1	2	6	0	2
							≈		
				≈		≈		≈	
≈			◐		≈				
≈						≈			
≈					≈				
			◑		≈				
				≈					
				≈					

6 **ЛИНКОР**

0 **КРЕЙСЕРЫ**

1 **ЭСМИНЦЫ**

3 **ПОДВОДНЫЕ ЛОДКИ**

Ваша задача — определить расположение кораблей противника. Цифры по краям поля показывают, сколько клеток занято вражескими судами в данной строке или столбце. Используйте как подсказку и некоторые фрагменты вражеской акватории, отмеченные на поле. Не забудьте: клетки с кораблями не должны соприкасаться между собой даже по диагонали.

Расставьте комплект домино в фигуру в соответствии с правилами игры (у соприкасающихся половинок домино должны быть одинаковые значения). Числа сверху и справа от фигуры указывают, что на половинках домино в соответствующей строке или столбце встретятся только эти значения.

2 2 2
4 6 4

1 1 2 2 3 3 4 4 5 5 6 6
1 2 2 3 3 4 4 5 5 6
1 3 2 4 3 5 4 6
1 4 2 5 3 6
1 5 2 6
1 6

2 4 5 3

ПАРЫ СЛОВ:

Каждой букве слова АВТО-КЛУБ сопоставьте цифру от 1 до 8, чтобы числа слева означали сумму цифр для букв соответствующего слова. А затем по цифрам прочитайте слово-ключ:

ПРИМЕР:

Д	З	О	В
У	А	Т	Е
Х	В	А	Л
О	П	Л	Ь

КЛЮЧ К ИНСПЕКТОРУ

В обоих заданиях впишите в клеточки квадратов указанные слова, так чтобы оба слова можно было прочесть, переходя от буквы к букве через сторону клетки.

Б	У	Л	К	А	
					22
Б	У	Л	А	Т	
					20
К	О	Л	Б	А	
					23
В	О	Б	Л	А	
					25
К	В	О	Т	А	
					19

	А
	В
	Т
	О
3	К
	Л
	У
	Б

4	2	1	7	3

КЛЮЧ:

ВОЗДУХОПЛАВАТЕЛЬ ПЛАТО

		Т	
			Х

ЧЕТЫРЁХУГОЛЬНИК РЕЛИКТ

		Д	
		З	

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ РЕЗИНА

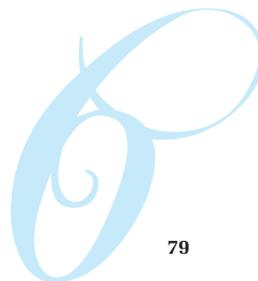
Расставьте цифры от 1 до 9 в клеточки квадрата так, чтобы в каждой строке, в каждом столбике и в каждом выделенном квадрате 3x3 все цифры были различны.

	6	4	7		2	8		1
7		3		5		9	4	
8	5		6	4			7	2
		7		2		4	1	
5	1		4				9	7
	4			7		5	6	
	8	6		9	7		3	
	9	2		1		7		4
1			3		4		2	

	1	7	6		2		9	
4		9			1	3		
		8		9				1
5	9	3	4			1	8	
				6	5	7		
	6			3	8		4	5
	7			4		9	1	
1		6	5			8		4
9				1	3			

Впишите ответы на вопросы в клеточки. Одинаковые цифры в клетках означают одинаковые буквы. Из букв, выделенных разными цветами, составьте афоризм Козьмы Пруткова и впишите его в клеточки соответствующих цветов слева от задания.

2		11	2	1			17	
13	2		11	19	2			
3		20	25	9			8	
19	2	20	11	1			2	
19	2	4	21	7	20			
	21	17	2		14	10		
17		21	2	20	19	2		
17	14		1	11	8			
8	7	19	1		17	8		
12		20	14		7	23		
19	6	19		24	19	2		
	17	2	9	11	8			
21	6	19		2		25		
	17	2	4		2	5		
12		1	2		3	2		
10		18	2	8	19	2		
17	14			15	7	17		

БЫТЬ ОВИДИЕМ

«Большие поэты не повторяют своих предшественников, но каждый помнит обо всех остальных. В них всегда живет память о вселенской поэзии прошлого. Память о том, что уже было в поэзии, как правило, неосознанна, но как бы химически растворена в художественной крови поэта, и он не может избавиться от этой памяти, даже если бы захотел». (Владимир Орлов). Темой «русских Овидиев» мы начинаем новую рубрику. Публикации, надеемся, будут содержать достоверные сведения, опасные для стереотипных суждений

Что значит быть Овидием? Писать элегии и творить мифы в эстетике метаморфоз, по воле рока оказаться вдали от родины, стать узником, изгнанником, чужеземцем?

Что значит быть русским Овидием? Быть поэтом, видеть во сне Золотой век России и ежедневно умирать от тоски и одиночества?

Кто он — Овидий? Придворный певец, развратник, предатель, льстец, невинная жертва? Миф. Тайна. Загадка. А может...

Да, он был «придворным певцом», он прославлял Августа и Рим, но искренне. Всем сердцем любя свое государство, он трезво смотрел на положение дел в нем, замечал и червоточины, а как без них, ведь это жизнь. Для Овидия, как и для большинства его сограждан нет и не могло быть другой отчизны, кроме Римской империи (*Рим—Мир*, неслучайная анаграмма). Таково уж было в те времена воспитание. И для Овидия, выходца из семьи почетных

ПУБЛИЙ ОВИДИЙ НАЗОН

Родился в 43 г. до н. э. в пригороде Рима (г. Сульмона). В начале творческого пути Овидием были написаны поэмы эротико-философского, нравоучительного содержания «Наука любви» и «Любовные элегии». Спустя 8 лет после публикации произведений, в 8 г. н. э., Овидий был выслан императором Августом за якобы развращающее молодежь содержание поэм в варварский г. Томы близ Черного моря (ныне г. Констанца в Румынии). До своего изгнания, находясь в Риме, считался придворным поэтом, прославляющим в своих стихах императора и действующий режим. Также написал поэму эпического характера «Метаморфозы» — литературная обработка известных мифологических сюжетов. На чужбине Овидий создал элегические поэмы-послания «Письма с Понта», «Скорбные элегии», «Фасты» и некоторые другие произведения.

всадников, это мировоззрение было впитано с молоком матери. Да и не могли римляне иначе относиться к своей родине, ведь Рим — это цивилизация, библиотеки, поэты, писатели, музыканты, архитекторы. Рим — это яркий солнечный свет в темном царстве многочисленных варварских не образованных племен, состоящих почти первобытных людей, живущих по звериным законам. Разве

Римом, этим непревзойденным человеческим творением, можно не восхищаться? Разве можно не любить свою родину, если она — часть тебя. И Овидий любил. Искренне. Взахлеб.

Он дышал этой жизнью и не мог надышаться. Порой казалось, что кислорода не хватит... И однажды кислород был перекрыт — Назона сослала в варварские, леденящие душу и тело (по сравнению с Римом в те времена на Черноморском побережье действительно было холодно) земли, к необразованным, диким, звероподобным существам. Но воздуха не хватало еще до ссылки, там, на родине. Слово затхлый запах невымытых тел, населяющих далекие неизвестные берега, проникая сюда, в этот земной рай, преодолевая неведомым образом огромные расстояния. Но нет, вонь распространяли сами римляне, причем достойнейшие граждане почетного государства.

Провозглашенный Августом режим, именуемый Восстановленной республикой, отчаянно не соответствовал действительности. Расцвет культуры и искусства, прекращение войн, материальный и духовный рост, все то, что принято называть «Золотым веком», обернулось «падением нравов». И членов императорской семьи оборотная сторона медали «повышения качества жизни» коснулась в первую очередь. Разгорелась нешуточная борьба за власть. В средствах достижения цели не стеснялся ни Август, действующий император, желавший оставить престол за Юлиями, ни его супруга Ливия, намеревавшаяся привести к трону Клавдиев. Вскоре достоянием общественности стали сведения о развратном образе жизни членов императорской семьи. Старики давно поговаривали о бесстыдстве молодежи, ну а уж если сама дочка императора пустилась во все тяжкие... Пришлось наспех отводить подозрения от «достойнейших». И Август отвел их ловким

Кто он — Овидий? Придворный невец, развратник, предатель, льстец, невинная жертва? Миф. Тайна. Загадка.

движением руки, издав приказ, предписывающий Овидию покинуть Рим в 24 часа. Пунктов обвинения было два — стихи и проступок. Под стихами подразумевалась поэма «Наука любви», написанная 8 лет назад (!), якобы развращающая молодежь и подрывающая установленный режим. Что подразумевалось

под проступком подлинно до сих пор не известно. Овидий и сам строил предположения о совершенном им злодеянии и никак не мог найти ответ. Общественность тут же позабыла об императорской семье и живо принялась обсуждать ссыльного поэта...

Официального суда над Овидием не было. Приказ обсуждению не подлежал. Уже на следующее утро после «смертного приговора» растерянного, не верящего в происходящее, раздавленного горем Овидия корабль уносил прочь от родных берегов в чудовищные варварские края, в мрачный городок Томы, где ему суждено было томиться до конца своих дней. Ужасающая несоразмерность вины и наказания сковывала душу Овидия, быть может, даже больше, чем лед сковывал чужеземное море. Странно, но несправедливое наказание не вызвало бурю гнева и ненависти к Риму и его императору в душе сосланного римлянина. Пытаясь найти прибежище в поэзии, он и здесь, на чужбине, продолжал писать, и ему даже удалось отослать на родину некоторые из своих новых книг. Как изменился Назон-поэт! Летящее на всех парусах время здесь, на окраине мира, превратилось в тянущийся кисель. Бодрость духа сменилась отчаянием, дифирамбы Августу — молениями о помиловании. Казалось, будто пишет покойник из загробного мира и просит о помощи. Но помо-

Официального суда над Овидием не было. Приказ обсуждению не подлежал. Уже на следующее утро после «смертного приговора» растерянного, не верящего в происходящее, раздавленного горем Овидия корабль уносил прочь от родных берегов в чудовищные варварские края, в мрачный городок Томы, где ему суждено было томиться до конца своих дней. Ужасающая несоразмерность вины и наказания сковывала душу Овидия, быть может, даже больше, чем лед сковывал чужеземное море. Странно, но несправедливое наказание не вызвало бурю гнева и ненависти к Риму и его императору в душе сосланного римлянина. Пытаясь найти прибежище в поэзии, он и здесь, на чужбине, продолжал писать, и ему даже удалось отослать на родину некоторые из своих новых книг. Как изменился Назон-поэт! Летящее на всех парусах время здесь, на окраине мира, превратилось в тянущийся кисель. Бодрость духа сменилась отчаянием, дифирамбы Августу — молениями о помиловании. Казалось, будто пишет покойник из загробного мира и просит о помощи. Но помо-

щи не последовало. Овидий умер на чужбине спустя 6 лет после изгнания. Местонахождение его могилы не известно.

Русские поэты не могли пройти мимо гражданина, до последнего дня своей жизни преданного Риму и императору, мимо изгнанника, умирающего в тоске по родине, мимо собрата по перу, чья судьба оказалась столь схожей с судьбами многих «наших». Кто же он, русский Овидий?

Отечественный портрет Назона писался на протяжении нескольких столетий и пишется до сих пор...

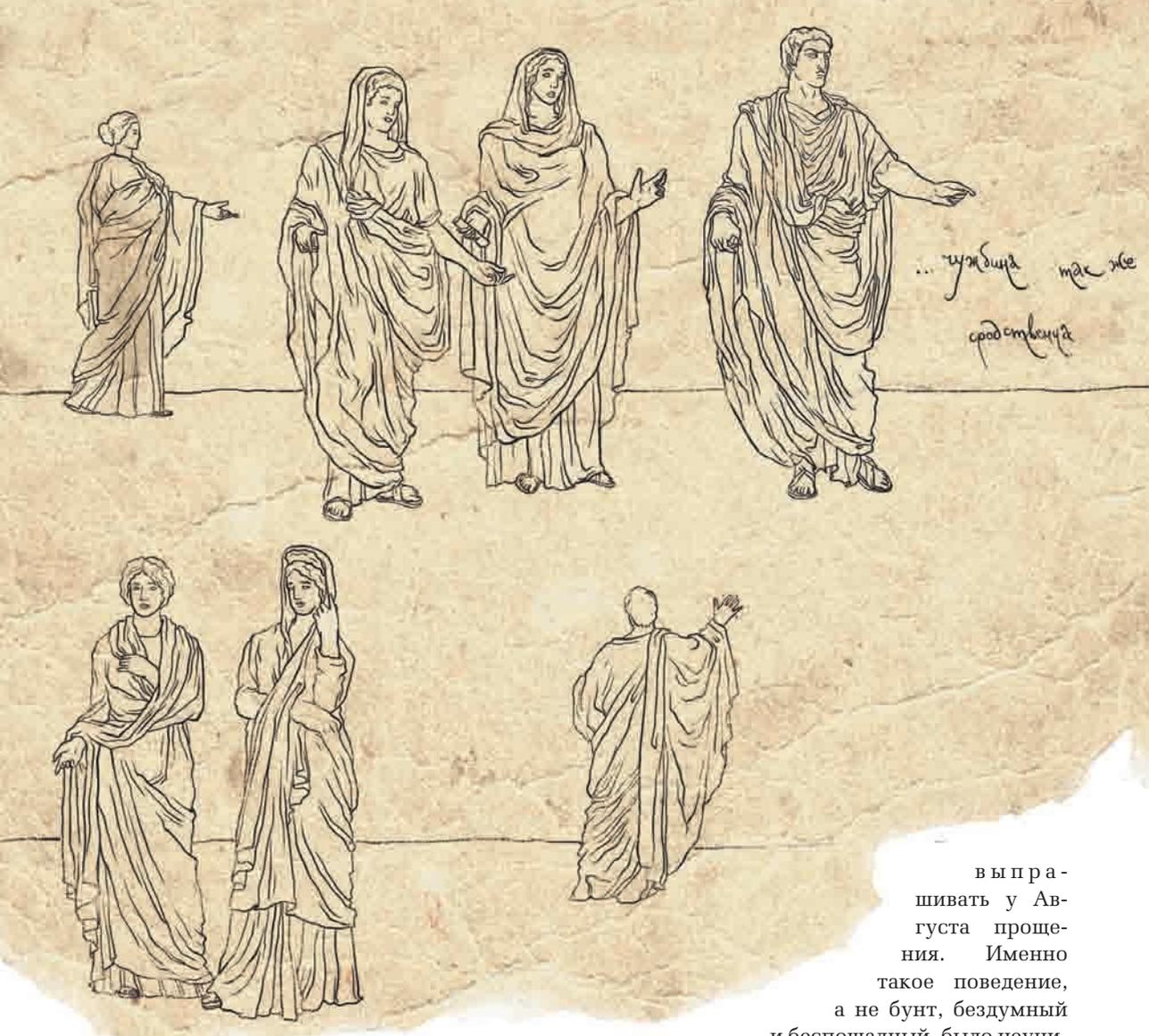
С произведениями великого римского эпика и элегика в России были знакомы задолго до национального осмысления ментальной общности Рима и Москвы, Овидия и русских писателей. Правда, в то время чтение произведений Назона сводилось к изучению в духе схоластики. Но уже проводимые в XVIII веке Петром I реформы и преобразования сделали Овидия одним из самых популярных античных авторов. Мифологические сюжеты, источником которых были «Метаморфозы» Овидия, послужили основой для создания скульптур, фресок, витражей и прочей росписи. Немногим позже такие светила, как Ломоносов и Тредиаковский, обратились к произведениям Овидия и использовали их в качестве образца для совершенствования русского языка и создания системы российского стихосложения. Судьба Овидия-изгнанника их интересовала мало, да и не могла заинтересовать, ведь между властью и поэтом в XVIII в. не существовало разногласий и «придворный поэт» Ломоносов искренне посвящал оды восходящей на престол Елизавете. Чтобы понять автора «Скорбных

элегий», нужно было самому оказаться в изгнании. XVIII же век видел в Овидии лишь галантного, шутиwego певца любви и изящного мифологиста — не более.

Зато восстание декабристов 1825 г. и последовавшие за ним репрессии «вольнодумцев», среди которых было немало поэтов, в том числе и Пушкин, сделало Овидия, первого поэта-изгнанника, культовой фигурой XIX в. В это же время историки и археологи активно занимаются поисками могилы Назона, желая узнать истинную причину его изгнания (существовало более 100 версий!).

Пушкин познакомился с творчеством Овидия еще в Лицее, но в те юные годы признал в давно почившем римлянине исключительно поэта «сладостных утех». Что означает «быть Овидием», он смог понять, лишь оказавшись в ссылке в непосредственной близости к месту изгнания Назона. Легенды о римском изгнаннике, коими была пропитана молдавская земля, захватили Пушкина целиком. Первой книгой, взятой им у Липранди (знатока Бессарабии), были «Скорбные элегии» и «Письма с Понта» на латинском языке с французским переводом. Он даже совершает своеобразное паломничество по местам, где некогда томился собрат по перу и по участи. Судьба Овидия, схожая с судьбой самого Пушкина, не могла оставить его равнодушным. Оба оказались сосланными деспотами-самодержцами в одни и те же края, оба прежде жили в мире расцвета науки, искусства и культуры — Овидий в Риме, Пушкин в Петербурге, оба были сосланными поэтами. Ища и находя сравнения, детально изучая произведения, написанные Овидием вот в этих самых местах, где сейчас пребы-

Несправедливое наказание не вызывало бурю гнева и ненависти к Риму и его императору в душе сосланного римлянина

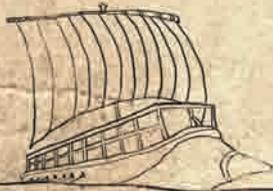
вает он, Пушкин написал в стихах свою правду о римском изгнаннике. Знаменитое послание «К Овидию» стало открытием для многих соотечественников. И не удивительно, ведь он сумел написать подлинный психологический портрет великого римлянина. Это была сенсация! Взгляд художника нового времени был сопоставлен со взглядом античного, сопоставлен обдуманно и целеустремленно, но с сердечным вниманием к собрату по музам, с бережностью и восхищением. Пушкин понимал, что Овидий не мог не умолять, не мог не

выпрашивать у Августа прощения. Именно такое поведение, а не бунт, бездумный и беспощадный, было неунизительным для римлянина. Но, как говорит герой Пушкина, он бы так не смог, потому что его изгнание было не только вынужденным, но и отчасти «самовольным». Бегство от напыщенного света, отказ от уютных балов и пристального надзора жандармов делали южную ссылку Пушкина в некотором смысле долгожданным и спасительным событием. Оказаться в изгнании, но на свободе. Не всегда заточение физическое оказывается темницей духовной, бывают тюрьмы без решеток, а кандалы без оков. Иногда жизнь превращается в смерть, родина — в чужбину. Так

отлично,
как Пушки

сообщает пространство...

случается,
когда рядом
нет любимой...

Пушкин и Жуковский.
Учитель и ученик. Гений и ге-
ний. Два сообщающихся сосу-
да, открывшие русскому читателю

душу Овидия. Пушкин — вечную
тему изгнания, Жуковский — вечную
тему любви, и оба — одиночество и
безграничную любовь к этому миру,
к себе, к той единственной, без кото-
рой жизнь — что смерть, свобода —
что неволя.

История любви Маши Протасовой
и Василия Жуковского достойна ху-
дожественного воплощения: не уга-
сающее в течение восемнадцати лет
взаимное чувство, отягощенное нежеланием
матери Маши дать согласие на брак влюб-
ленных. Несмотря на нежелание невесты,
Машу все же выдали замуж за нелюбимого ей
человека — Иоганна Мойера. Пять лет брака
закончились смертью Маши во время родов.
Сильный драматический сюжет для романа!
И Жуковский его написал, рассказав о любви
Цейкса и Гальционы — героев поэмы Овидия
«Метаморфозы».

О ж и -
вить античность для
современни-ков — такую
цель поставили перед собой поэты
XIX века во главе с Василием Андрееви-
чем Жуковским. Они понимали, что чтение
многотомных сочинений древнегреческих и
римских классиков — занятие, требующее не
только времени, но и специальной подготов-
ки (к этому времени русская словесность по
сравнению со схоластическими переводами
прошлых столетий ушла далеко вперед). Идея
Жуковского была проста — выбрать отрывок
для перевода из объемных эпических поэм

*Пытаясь найти прибежище
в поэзии, он и здесь, на чужбине,
продолжал писать, и ему даже
удалось отослать на родину
некоторые из своих новых книг*

Вергилия, Овидия и Гомера таким образом,
чтобы он (отрывок) смог продемонстриро-
вать русскому читателю всю яркость сло-
весных красок античного автора, всю силу и
мощь образов.

Из Овидия Жуковский не выбрал ни опи-
сание жизни олимпийских богов, ни советы
науки страсти нежной, ни стенания изгнан-
ника. Его заинтересовала история влюблен-
ных — Цейкса и Гальционы. Совершенно не

классический с точки зрения лицейской программы сюжет, но в этих 338 строках отразилась не только вся сила чувств Жуковского, но и все творческое наследие Овидия. Сюжет истории прост: юноша Цеикс отправляется в далекий поход, но обещает своей возлюбленной Гальционе вернуться живым и невредимым. Однако корабль терпит крушение, и вскоре погибшего Цеикса прибывает волной к берегу, на котором ожидает возвращения своего ненаглядного прекрасная Гальциона. Скорбя об участи

несчастной вдовы и не желая дольше жить, она бросается с обрыва в морскую пучину, но, вопреки ожиданиям, не погибает, а вместе с Цеиксом превращается в зимородка. Ах, как бы хотел Василий Жуковский оказаться на месте Цеикса, чтобы вместе со своей Гальционой — Машей также превратиться в чудесных птиц, чтобы, пусть и не в человеческом облики, но быть вместе, и уже никогда-никогда не расставаться...

Время уносит нас прочь от дам в кринолинах и галантных мужчин в XX век. Блок, Брюсов, Маяковский, Мережковский, Бунин, Цветаева, Кушнер, Соснора, Бродский — все они волею судеб стали русскими Овидиями. Никто из них не смог пройти мимо величайшего поэта древности, оказавшегося столь современным и России XX века. Вспоминая об Овидии Пушкина и Жуковского, задаваясь все теми же вечными вопросами свободы и воли, русские Овидии XX века и вовсе начинают сомневаться в наличии этих категорий. Миф, все миф. Цивилизация создала миф о свободе — миф об утерянном Рае, который она безрезультатно пытается вернуть. Неуже-

ли понятие цивилизованного мира определяется наличием в магазинах колбасы и туалетной бумаги (в 90-е годы XX века это были насущные вопросы)? Неужели музеи, библиотеки, поездки за границу в прекрасные маяющие капстраны — это тоже непременно

атрибуты цивилизованного общества и цивилизованного человека? Но вот странность, почему-то ни «мое» нецивилизованное, ни «чужое» цивилизованное нельзя назвать домом, ну или хотя бы долгожданным пристанищем. И приходят

властелины русского слова к выводу: все эти цивилизации и не-цивилизации — все это иллюзии, созданные человечеством для облегчения собственной участи «крестonosца». В отличие от Овидия, для которого мир четко делился на свой и чужой, русские Овидии XX века децентрализованы в понимании мира. Убежать нельзя, потому что убежать некуда.

Но не смерть выбирает русский Овидий XX века, а жизнь, но жизнь без иллюзий.

Русские Овидии закономерно, почти логически, возникали и не могли не возникнуть в XVIII, XIX, XX веках. Но что мы можем сказать об Овидии XXI века? По какому далекому берегу, по какой отчизне плачет он? Уж не по себе ли? Плач безнадежного, живущего, чтобы... Чтобы? Чтобы быть Овидием XXI века?

Надежда Болгова

Данная публикация является результатом самостоятельных исследований автора

КРИСТАЛЛ

ПРОИЗВОДСТВО
БРИЛЛИАНТОВ
С 1963 ГОДА

www.kristallsmolensk.ru

kristallsmolensk

Ирина Опимах

История часов

Сегодня наша жизнь немыслима без часов – это – неизменный атрибут среди постоянно окружающих нас вещей. Сейчас существует множество самых разнообразных их видов: и механические, и электронные, работающие на батарейках, и атомные, основанные на ядерных процессах. Они есть в телевизорах и радиоприемниках, в компьютерах и в мобильных телефонах. А когда же появились на свет самые первые часы, и как менялось представление человека о них с древнейших времен и до наших дней?

Первые часы возникли, когда человек осознал, что такое время, и понял, что ему необходимо за ним следить. А удобнее всего было следить за временем с помощью солнца, каждый день проходившего по небу один и тот же путь. Традиционно считается, что первые солнечные часы появились в Китае, и случилось это около 1100 года до н.э. Потом такие часы возникли в Египте, и представляли они вертикальный обелиск, гномон, с наземной шкалой, по которой измеряли длину тени от гномона. Эти обелиски, как правило, ставили у входа в храмы, посвященные богу солнца Ра. Египтяне умели делать гномоны поразительной высоты, даже с точки зрения современной техники. До сих пор сохранился обелиск высотой 34 метра.

Измерение времени с помощью длины тени сохранилось в некоторых странах и у некоторых народов вплоть до Средних веков. Однако у солнечных часов, несмотря на их гениальную простоту,

был один недостаток – уж очень они зависели от погоды, а при облачном небе или ночью вообще не работали. И тогда люди придумали водяные часы – вода

равномерно капала через отверстие, а потом свечные – медленно таяли отметки на горящей свече, и песочные – песок тонкой струйкой перетекал из одного сосуда в другой.

Древние мастера изобретали самые разные часы: часы-малютки, будильники и часы-театры марионеток. На старинных арабских миниатюрах можно увидеть часы, созданные для мусульманских султанов, где каждые полчаса птички издавали мелодичный свист, человек заставлял сокола ронять шарик в пасть дракона, который, в свою очередь, начинал извиваться, а погонщик заставлял слона отбивать ритм.

В XIII-XIV веках многие часы были еще водяными.

В 1286 году такие хронометры соорудили для собора Святого Павла в Риме, в 1288 году – в Вестминстере, в 1300 – в Пале-Ро-

яле. Часы играли все большую роль, их даже Данте в своей «Божественной комедии» описывает!

Первым идею механических часов, приводимых в движение медленно опускающейся гирей с замедлителем, выдвинул француз Вияр де Гонкур в своем трактате, который появился в 1250 году, а первые механические часы с гирями сделал француз Жербе, монах, ставший потом папой Сильверстром II. Ученые, изобретатели и инженеры совершенствовали схему, и к 1300 году механические часы уже очень точно отмеряли время.

Как правило, часы устанавливали у церквей и соборов – люди жили по расписанию церковных служб. Но в 1370 году, по заказу Карла Пятого, немецкий инженер Генрих фон Вик сделал часы для парижского Дворца Правосудия, и с тех пор парижским храмам запрещалось звонить в колокола по своему усмотрению – все французские звонари начинали свою работу в строго опре-

деленные моменты. Так время из рук церкви перешло под контроль светских властей.

В XIV веке происходит еще одно важное событие – стандартизация времени: утверждается длительность часа и суток.

В следующем веке в Нюрнберге открылись часовые мастерские, где стали делать комнатные, а потом и карманные часы. В XVII веке часы получили маятник.

В 1656 году голландский физик Христиан Гюйгенс, наблюдая за колебаниями маятника Галилея, заметил, что они повторяются через равномерные промежутки времени. Разработав способ управления колебаниями маятника и связав его движения с вращением стрелок, Гюйгенс сделал первые маятниковые часы.

Жизнь человека ускорялась все больше, и теперь некоторые часы звонили каждые четверть часа. Но пока еще потребности в минутной стрелке не было – обходились часовой. На минуты жизнь принялись считать лишь в 1675 году, а секунды стали важны в 1700-м! Тогда же на циферблате появились и соответствующие стрелки.

Развитие часового дела дало импульс развитию самых разных отраслей знания, где необходимо было измерение длительности процессов, например, астрономии, – недаром на многих ратушах мы и сейчас видим часы, изображающие небесный свод и движение светил.

К началу XVIII века часы с заводным механизмом были уже похожи на современные. Исторически так сложилось, что самые точные часы – и самые дорогие – делали и делают в Швейцарии. «Идут, как швейцарские часы» – так и сейчас говорят о хороших

хронометрах.

Постепенно часы становились все более необходимым атрибутом жизни. Они уже были не только на церковных башнях и ратушах, но и в каждом доме, да не одни. Деловые мужчины носили карманные часы на цепочке, а светские дамы предпочитали наручные – изящные, порой украшенные драгоценными камнями, такие часики были не только полезной вещью, но и элегантно украшением. А потом, во время Первой мировой войны, и мужчины поняли, что наручные часы – вещь чрезвычайно удобная.

В наш век появились самые разные часы, основанные на самых разных механизмах. Тут и электронные, работающие на батарейках, и атомные, основанные на ядерных процессах, – они – сверхточные, за 50 тысяч лет могут отставать лишь на одну секунду!

Как и в прошлые столетия, часы не только дают возможность узнать время, но и демонстрируют публике социальный статус их обладателей. В обществе богатых и сверхбогатых людей, крупных политиков и деятелей шоу-бизнеса прежде всего рекомендуется, чтобы стать «своим», обзавестись часами дорогой фирмы.

Современному человеку – не важно, беден он или богат – часы необходимы. Так много нужно успеть и так важно не потерять время. Поэтому не забывайте посматривать на свои часы... ■

Сальваторе Адамо Шансонье

падающего снега

Он родился на Сицилии, вырос в Бельгии, прославился во Франции. Он поет на всех языках мира, и песни его понятны, потому что воспринимаются они душой. Рядом с ним были Брель, Брассанс, Азнавур, но таким хрипло-романтическим шармом никто из его современников не обладал. Известность его – безгранична. Десять лет подряд Сальваторе Адамо оставался самым популярным певцом не только Европы. Ему принадлежит своеобразный и до сих пор никем не превзойденный рекорд: одна из его композиций продержалась в хит-параде самой популярной песни 72 (!!!) недели.

Нет нужды говорить, что это был знаменитый «Падает снег», под который в России влюблялись несколько поколений...

Tombe la neige

Да, я помню много неожиданных историй, связанных именно с этим «снегом». Однажды, подлетая к Токио, я услышал по бортовому радио «Tombe la neige» на японском языке. Вежливая бортпроводница, предвзвременно поинтересовавшись, как меня зовут, сообщила: «Это, месье Адамо, наша народная японская баллада про «Прекрасную сакуру под снегом».

Свою первую песню я спел в 14 лет, исполнил ее под простенькую гитару, подаренную мне влюбленной девчонкой. На гитаре был и остался навсегда маленький белый цветок. Сейчас – это самый главный талисман в моем доме.

Отец мой любил петь, а мне в ту пору очень нравилось писать стихи. Наверное, у меня были и голос, и слух, иначе меня не взяли бы в школьный церковный хор. Но в колледже «Святого Луки» я так и не доучился. Сцена, зрители, которым я нравился, и известность, которая нравилась мне, увели навсегда от тесных парт, учебников, бесконечных молитв и наказаний за непослушание. Сначала пел, в основном, для радио, а в 1965 году получил приглашение выступить в парижском концертном зале «Олимпия».

Только сейчас я понимаю, какой грандиозный успех выпал на мою долю после первой пластинки. Она называлась: «Вы позволите, месье?» и, к немалому удивлению, разошлась тиражом почти в миллион экземпляров! Меня узнали не только в Европе.

Вы не поверите, но когда я прилетел на концерты в Южную Америку, в аэропорту собралось 35 тысяч поклонников, каким-то образом узнавших о моем прилете!

Через два года газеты сообщили, что я стал первым французским шансонье, альбомы которого купили 80 миллионов человек.

А секрет успеха, я думаю, был в том, что я никогда не выбирал свои песни. Это они выбирали меня, и мне оставалось только их спеть.

Правда, критики единодушно уверяли, что гигантские тиражи и миллионы слушателей – это пик, за которым последует неизбежное расставание со славой.

К счастью, этого не случилось. У меня – 7 золотых пластинок и один платиновый диск,

а общее количество дисков перевалило за сто миллионов. А сколько их разошлось в России, точно не знает никто.

Я впервые приехал в Москву в 1971 году. Мои концерты имели невероятный успех, хотя я точно знал, что далеко не все слушатели понимали, о чем же я все-таки пою.

И я просто покорен тем, как относились и до сих пор относятся ко мне в России. Между моими концертами был двадцатилетний перерыв, но поверьте: я каждый день получал от своих поклонников письма.

Конечно, рука судьбы водила меня не только по светлым дорогам. После смерти отца я не появлялся на сцене и не пел почти 10 лет. Потом попробовал вернуться, но неудачно. Новые зрители, увлеченные модным стилем «диско», меня не поняли. И я снова замолчал. Скорее всего, эти переживания привели меня к инфаркту, и казалось, что все песни остались в прошлом.

Но, после того, как я оправился от болезни, друзья уговаривали дать «хотя бы один маленький концерт».

Это было неизбежно! А самое главное – я понял, что еще многое могу сделать, что я совсем не постарел, а просто чуть-чуть повзрослел, хотя и остался таким же восторженным, как прежде. После концерта я еще целый час пел на бис под овации переполненного зала и окончательно севшим голосом со слезами благодарности сказал: «Мне вас так не хватало все это время».

Да, мне уже – 63 года. Я благодарен Бельгии, моей тихой и уютной Родине. Мне нравится, что все меня здесь знают, что наш король вручил мне орден «Почетного Легиона», и что под мои мелодии с удовольствием танцуют принцы и принцессы.

И я всегда буду помнить тепло встреч, любовь зрителей, переполненные залы и бесконечные аплодисменты на моих концертах в Москве. Спасибо вам за то, что вы мои песни слушаете не столько умом, сколько сердцем.

В преддверии Нового года хочу пожелать моим российским поклонникам и зрителям, а также всем читателям журнала «Смена» большой любви, светлого счастья и удачи, удачи во всем!

И еще мне очень хочется, чтобы от моих песен у вас всегда таял на сердце первый снег... ■

Дональд Уэстлейк

Рождественский

ПОДАРОК

Открыв дверь после настойчивой трели звонка, О'Брайен оказался лицом к лицу с патрульным Кинаном.

– Только не это! – воскликнул О'Брайен. – Только не в канун Рождества! Я ничего не сделал!

– Расслабься, О'Брайен, – улыбнулся Кинан. – Я не собираюсь тебя арестовывать.

– Не собираешься?

– Может, пригласишь меня зайти?

– Заходи. – О'Брайен отступил в сторону, как только патрульный переступил порог, и захлопнул дверь.

Кинан оглядел чистенькую, но бедно обставленную гостиную.

– Н-да, – покачал он головой. – Преступления, похоже, дохода не приносят.

– Поэтому ты и пришел? Чтобы поведать мне эту истину?

– Нет, О'Брайен. Мы ведь знакомы много лет.

– Хочешь сказать, что все эти годы ты меня арестовывал. И много раз понапрасну.

– Я делаю свою работу, ты – свою. – Кинан пожал плечами. – А теперь мне нужна твоя помощь.

– Закладывать никого не буду, – резко отреагировал О'Брайен.

– В определенной ситуации заложил бы, как миленький, – усмехнулся Кинан, – но я пришел к тебе не за этим. Ты, возможно, не в курсе, но я несколько лет встречаюсь с одной женщиной.

– Что-то я не заметил ее благотворного влияния.

– Пожалуй, ты прав, потому что две недели назад мы поссорились, разругались вдрызг и разбежались. И вина в этом – исключительно моя.

– Мне тебя жаль. – Иронией в голосе О’Брайена и не пахло.

– Я знал, что ты поймешь. Всегда это в тебе чувствовал. – Кинан вздохнул. – А час тому назад она мне звонит. Сожалеет о том, что мы поссорились, думает обо мне, предлагает встретиться вновь. Я, конечно, на седьмом небе от счастья. Две недели ходил сам не свой и не ожидал, что мне представится второй шанс. Она работает официанткой в одном из ресторанов в центре города, и взяла рождественскую смену, зная, что дома никто ждать ее не будет. Она заканчивает работу в половине двенадцатого и хочет, чтобы я подъехал к ней в полночь.

– То есть через час.

– В этом и проблема. Лори говорит... это ее имя, Лори, что все две недели думала только обо мне, а я, полный идиот, думал о чем угодно, только не о ней, отчего на душе становилось только горше. Отсюда следует, что она наверняка приготовила мне роскошный рождественский подарок, который ждет меня у нее дома. Я же ей ничего не купил, все магазины закрыты, и я буду так глупо выглядеть, когда приду с пустыми руками. Учитывая, что мы решили помириться.

– Тяжелый случай, – согласился О’Брайен.

Кинан откашлялся.

– Тут неподалеку ювелирный магазин. «Хендерсон».

– Эй, подожди! – воскликнул О’Брайен. – Мы так хорошо беседовали.

– Не кипятись, не кипятись. Как я понимаю, этот магазин ты хорошо знаешь.

– Что тебе до этого?

– Я уверен, что за последние несколько лет ты не раз бывал там без ведома владельца.

– Докажи.

– Я ничего не хочу доказывать, – покачал головой Кинан. – Во всяком случае, этим вечером мне нужно другое: попасть в «Хендерсон» в ближайшие полчаса.

О’Брайен молча смотрел на него.

– Нет, не для того, чтобы что-то украть, – уточнил Кинан. – На Рождество дарить краденое нельзя.

– Ты уверен?

– Да, – кивнул Кинан. – Я только хочу попасть в «Хендерсон», выбрать что-нибудь красивое и оставить деньги.

– И ты хочешь, чтобы я помог тебе попасть в магазин.

– Ничего не взламывая. Аккуратно, как ты всегда делаешь.

– Кинан, – О’Брайен пристально посмотрел на копа, – это очень уж похоже на ловушку.

– Я бы не стал тебя подставлять, – ответил Кинан. – Перестань, О’Брайен, ты же меня знаешь. Я всегда старался честно тебя поймать, а ты стремился хитростью избежать наказания. И меняться мы не собираемся. Более того, если ты мне поможешь, за мной будет должок. И будь уверен, наступит момент, когда я за добро отплачу добром.

– Позвони владельцу, он откроет магазин.

– Он уехал на рождественские каникулы. Ты – моя единственная надежда.

О’Брайен задумался.

– Хочешь, чтобы я открывал замки у тебя на глазах?

– Я буду стоять к тебе спиной, пока дверь не откроется.

– Коп будет спокойно наблюдать, как вор лезет в ювелирный магазин?

– Речь идет о моем будущем счастье, О’Брайен.

– Так у меня нет выбора, да?

– Конечно же, есть. – О’Брайен все еще колебался, и Кинан неожиданно спросил: – У тебя есть подружка?

– А что?

– Пока мы там будем, возьми что-нибудь и для нее.

О’Брайен встрепенулся.

– Можно?

Кинан коротко глянул на него.

– И заплати.

– Понятно, – кивнул О’Брайен. – На Рождество краденое не дарят.

– Именно так.

– Это так трудно, – прошептал Кинан, – подбирать что-нибудь красивое в темноте.

– Обычно в такой ситуации берешь пару горстей того, что попадает под руку, и уходишь, – ответил О’Брайен.

– Это – не обычная ситуация, – возразил

Кинан. – Неужели нельзя зажечь что-нибудь поярче этого фонарика?

– Хочешь провести Рождество в полицейском участке, объясняя нюансы своей любовной жизни?

– Тогда целься точнее.

Кинан наклонился над прилавками с брошками и кольцами, а О'Брайен наклонился над Кинаном и направлял фонарик на подносы с драгоценностями. Две полоски изоленты оставляли только узкую щель, через которую и выходил слабый янтарный свет. Понятное дело, золото, серебро, полудрагоценные камни при таком освещении блестели не так ярко.

– Может, на другой стороне, – пробормотал Кинан, и они перешли к противоположному ряду прилавков.

– Как ты собираешься расплачиваться? – прошептал О'Брайен, направляя фонарик на очередные подносы. – После закрытия магазина кредитки они не принимают.

– У меня наличные. Занял у ребят в участке.

– Заранее все спланировал?

– Да. Ой! Ты отдал мне ногу, О'Брайен.

– Извини.

Наконец, проведя в ювелирном магазине гораздо больше времени, чем обычно проводил О'Брайен, Кинан выбрал золотой браслет с гранатами, мягко поблескивающими в янтарном свете, и прочитал на бирке:

– Шестьсот баксов. Хорошо, я думал, он стоит больше. Я оставляю деньги там, где лежал браслет. – Он положил банкноты на черный бархат и повернулся к О'Брайену. – А как ты? Подобрал что-нибудь для своей дамы?

– Мне понравилась одна вещица на другой стороне. Подержишь фонарик?

– Хорошо. Ой!

– Извини.

– Я и не думал, что ты в темноте видишь лучше. – Кинан потер ушибленную голень.

– Ты считал, что у воров зрение, как у кошки? Это не так. Посвети сюда, Кинан.

О'Брайен быстро нашел, что хотел, – красивую брошь.

– Как раз под цвет глаз Грейс. Сколько она стоит?

Кинан, прищурившись, всмотрелся в бирку.

– Четыреста пятьдесят.

– Думаю, я могу позволить себе такой подарок. – О'Брайен достал из кармана пачку денег, пересчитал. – Да. И еще останется тридцать баксов.

Он положил деньги на поднос, а перед тем, как они покинули магазин, подключил сигнализацию.

– Я тебе очень признателен, О'Брайен, – поблагодарил вора Кинан.

– Работенка – не из сложных, – заверил копа О'Брайен.

Когда улыбающаяся Грейс открыла дверь, в свете гирлянд на рождественской елке выглядела она, как ангел.

– Грейс, какая же ты красавица! – воскликнул О'Брайен.

– Спасибо, милый. – Грейс закрыла дверь и поцеловала его.

О'Брайен достал из кармана маленькую коробочку и протянул ей.

– Счастливого Рождества.

Грейс посмотрела на коробочку, улыбка ее поблекла.

– Что ты сделал, Гарри?

– Принес тебе рождественский подарок. Сегодня же Рождество.

– Ты не... Гарри, ты обещал мне. Ты не...

– Не украл его? – О'Брайен рассмеялся. – У меня и в мыслях такого не было. Нельзя дарить краденое на Рождество.

– Это – правильно. – Грейс открыла коробочку, и ее глаза радостно вспыхнули при виде броши с зелеными камнями. – Какая прелесть!

– Совсем, как ты.

– Гарри? – в голосе послышалось сомнение. – У тебя же не было денег. Я знаю, что не было. Как же ты смог заплатить за нее?

– Этим вечером я проконсультировал одного копа, – ответил О'Брайен, – и он мне заплатил. Он не знал, что платит мне, но заплатил. – О'Брайен ухмыльнулся, вспомнив, как Кинан неуклюже передвигался в темноте, с карманами, набитыми деньгами. Даже не знал, сколько их у него. – Дело в том, – продолжил он, прищипывая брошь на блузку своей подруги, – что в темноте я вижу не хуже, чем днем. ■

Перевод с английского Виктора Вебера.

Понять каждого и сохранить внутреннее равновесие – такую задачу всегда ставил перед собой Лев Александрович Аннинский, один из ведущих литературоведов России. Вот и сейчас он пытается объяснить сложные и неоднозначные процессы современной российской литературы: от очевидного явления книжного бума до загадочного феномена женского фактора.

Лев Аннинский

Бум. Бумм! Буммм!!

(из ответов на записки)

Что сейчас переживает российская литература: растворение личности в государстве или бунт личности против государства (по вашей классификации)? Или что-то совершенно иное?!

Совершенно иное.

По «моей классификации», растворение личности в государстве происходит в моменты исторических катастроф. Это – война, ставящая под вопрос само существование государства и народа. Это – революция, переворачивающая жизнь. Бунт личности против государства – взрывной ответ на запредельное давление, импульсивная реакция на «растворение», встречный огонь, который в свою очередь гасится плахой.

А в относительно «нормальные» эпохи (всё в истории относительно) до таких крайностей человек не доходит. Но в повседневной жизни «тела и духа» ощущает постоянный взаимоупор, драматичный диалог «отдельности» и «соборности». Коллектив, дер-

жава, корпорация – держат в напряжении личность – именно личность! При этом особь вынуждена входить в общность, а индивид должен в системах общности функционировать.

В сущности, это противоречие неразрешимо и потому трагично; выявляется оно в настоящей литературе: в «суровой» прозе, в «тяжелой» поэзии, – и именно оно отличает настоящую литературу от «лёгкого чтения», в ходе которого все вопросы непременно разрешаются.

Русская литература сейчас – в распаде, точнее, в раздвоении. Серьёзная часть её работает, но своего читателя не находит. В большей же части читаемой продукции, входящей спрос, происходит... «что-то иное». А именно: коммерциализация. На поверхности процесса – число книгопродаж, размер тиражей и т.п. В глубине расслоение идёт по сверхзадаче. Масса пишущих работает по закону беллетристики: угадать, чего хочется читателю, и именно это ему дать.

Ответить на вопросы, которые занимают читателя, и ответить именно так, как тот ожидает. При таком чтении происходит релаксация, отдохновение, развлечение. Заполнение досуга. Детектив с разгадкой, приключенчество, фантазия, чертовщина, страшилки, счастливые концы, стилистическая изысканность, эстетическое удовольствие.

Можно ли отличить такую комфортную литературу от серьёзной?

Сейчас – по ткани – нельзя. Если, конечно, это – не откровенная графоманья, но дело не в ней. Эпоха ударников в литературе кончилась, внуки тех ударников давно обкатались и научились писать. Советская власть вытянула всё население к образовательному минимуму, и приёмам письма может выучиться каждый, особенно если обладает даром подражательства.

Но тогда как же отличить подлинность от имитации, если приёмы письма гуляют по всей издаваемой словесности, и любой авангардный прикол мгновенно подхватывается всей тусовкой?

По сверхзадаче, только по сверхзадаче! Надо интуитивно различать: где сверхзадача есть, а где отсутствует или профанируется. Допустим, автор объясняет, что сущность человека исчерпывается спермой. У другого автора человек исчерпывается экскрементами. У третьего – наркотой. А человек вообще ничем не исчерпывается, и это в сверхзадаче чувствует настоящая литература.

Литература комфорта на вопросы – отвечает. Литература духовного поиска – не отвечает. Но она ставит такие вопросы, от которых может перевернуться мир.

«Почему престижные литературные премии вручаются, мягко говоря, не слишком популярным авторам? Каковы критерии?»

Литературные премии вручаются по множеству сходящихся и расходящихся соображений, среди которых «популярность автора» и «литературное качество» иногда попросту теряются. Явную чушь на подступах

к наградам, как правило, отсеивают. Но дальше идут вкусовщина и групповщина: кому чего? И чтобы «левые» и «правые» получили по справедливости. Иногда просто рукой махнёшь: кто там что получит. Я входил (и вхожу) во всякие жюри, и вот, после отбора более-менее достойных, видишь в шорт-листе полдюжины равных по достоинствам текстов и голосуешь с одной мыслью: пусть получит кто угодно – хорошо, что потратит человек деньги.

Спрос читательский формируется по совершенно иным закономерностям. Иногда он с премиями совпадает, иногда не совпадает, и уж точно ничего общего с премиями не имеет, хотя современные литменеджеры стараются связать эти концы. Я как-то был приглашён на теледиспут по теме: зависит ли читательский спрос от премий? Выяснили, что в Англии – зависит: там букеровский лауреат мгновенно получает высокие тиражи и «раскручивается» – спрос на его книги подскакивает. Мне задали вопрос: почему в Англии это так, а у нас – не так? Я заикнулся о том, что у нас другая традиция духовного взаимодействия. И что же? Мне просто договорить не дали! Чуть не на смех подняли, в высокомерии обвинили! После чего я благо разумно замкнул уста, а эксперты продолжили подсчитывать, кто из лауреатов сколько экземпляров продал и сколько денег честно заработал.

«Стала ли «Россия читающая» «Россией пишущей» – ведь налицо настоящий бум?»

Бум! Все очень хотят высказаться, но не очень хотят слушать. Пишут, но не читают. Сейчас можно тиснуть любое сочинение, но попробуй сбыть! Чехов когда-то шутил, что надо бы пороть гимназистов, приговаривая: «Не пиши! Не пиши!» Вознесенского преследовал кошмар: сотня поэтов обчитывает единственного слушателя. Теперь вот интернет... Он преобразил сферу литературного обмена, пролив до бесконечности старый добрый забор, на котором самовыражались отверженные. Теперь пиши на здоровье, вот тебе блоги, сайты, сети. Кто это читает, бог весть. Литературный процесс растворён в словоизвержении. Какой-никакой

умелец-бунтарь выскочит с матюгами – да и тот булькнет обратно.

«Россия читающая» – пожалуй, исчезает.

«Россия пишущая» – пожалуй, разгуливается.

Причина? Хотят люди понять смысл своего существования. Раньше для этого существовала молитва. Или серьёзное чтение. Пошел к батюшке, исповедался, успокоил душу. Пошел в библиотеку, взял журнал, прочёл, о чём говорят, поспорил, покричал, отвлёк душу. Теперь... журналы брошены; батюшке... заглянешь в глаза, да и пойдешь от него в писчебумажный магазин, купишь тетрадку потолще – и исповедуйся сам себе. Потом со своими исповедями не знаешь, что делать. Потычешься в редакции – где-то тут была раньше литература.

Была. Сплыла. Превратилась сперва в продолжение пролетарского дела, потом – в гонимое воспроизводство соцреализма, потом – в коммерцию – и сплыла.

Остался бум. Потом другой бум. Потом третий, тридцать третий: бумм-бумм...

Понятно, по ком звонит колокол?

«Стремительное увеличение числа писательниц – что это такое?»

Это – поразительное явление, которое я не умею объяснить, но что оно интересно и знаменательно – чувствую. Не случайно же в массовом чтении женские перья определяют спрос и имеют несравнимую читательскую поддержку: над чувствами (да и над думами, пожалуй) властвуют Маринина, Донцова, Улицкая, Устинова, Арбатова – на «мужской половине» на такой спрос никто сейчас не тянет, разве что Акунин, но и он со своим проектом не отменяет той ситуации, при которой символические фигуры мирового литературного поля, вроде Карлсона или Поттера, вспархивают с женских рук.

Чем это объяснить? Не знаю. Поневоле начинаешь шарить глазами по сторонам, высматривая аналогичную феминизацию в политике, перекидываясь мыслью от Маргарет Тэтчер к Кондолизе Райс и далее к Анхеле Меркель. Может, мир вновь вошёл в фазу, когда дружины разгневанных мужчин, пред-

водительствуемые такими же разгневанными мужчинами, вдруг по какому-то потаённому сигналу природы ставят над собой, то есть во главе этих стай, орд и орав, – натуру более тонкую, хитрую, дальновидную и – по видимости – мягкую. Были же целые эпохи: викторианская в Англии, а за сто лет до того – елизаветинская и екатерининская в России. Какой-то ритм истории тут срабатывал, но причины – столь сложные и «комплексны», что враз не раскусишь.

«Женская» литература сейчас стоит загадкой перед критиками. Если эта литература и впрямь «женская», гендерная, специфическая по углу зрения, – то говорить о ней не очень интересно – пусть их щебечут на своей особой ветке. Если же эта литература по всем параметрам ничем не уступает «мужской» (и никак от неё не отступает), – то какой смысл различать, что она пишется женщинами? Ничем не уступает, стало быть, и ничем в принципе не отличается.

Если же всё-таки отличается, то есть несёт в себе какой-то особенный фермент, – то как удержать её от той самой гендерности?

Я, вообще-то, не различаю. Пишу о поэзии Аллы Ахундовой и о прозе Ольги Кучкиной, не слишком комплексуя по поводу их женской доли (хотя зоркость, тонкость, язвительность и нежность их чувствую). Когда-то среди бунтарей 50-60-х годов слышал Ахмадулину, был поражен неприступной чистотой её стиха и уникальным чувством собственного достоинства, думал: это – от протеста! – чем сильнее хотят личность «растворить», тем надменнее её ответная поза, её бунт! А давление на женскую душу ещё и потяжелее, чем на мужскую, женщина ведь не только на высотах духа сопротивляется, но ещё и «среди убожества всего»... Далее у меня шло: кирхен, кюхен и т.д. Теперь думаю, что это объяснение наивно.

Но без Ахматовой и Цветаевой, без Барковой и Тушновой, без Берггольд и Алигер русской поэзии XX века нет. Так почему на иных поворотах истории женщина выдюживает то, чего не выдюживает мужчина? Я этой тайны объяснить не могу. ■

Mon. 1/2/24

of the
1/2/24

Виктория Токарева

Моя собака

Однажды утром я села к письменному столу, взяла листок бумаги и написала сверху: мои враги. Далее я сосредоточилась и перечислила врагов по именам:

Анька

Танька

Ванька

Шарлотка.

Расшифровываю: Анька – моя домработница,

Танька – жена моего отца,

Ванька – мой сосед по даче,

Шарлотка – галеристка на Западе. Она живет в Германии.

Если учесть, что я – художница и живу только с продажи картин, то становится ясна роль Шарлотки. От нее зависит мой заработок.

Итак: Анька – враг внутри дома,

Танька – враг возле дома,

Ванька – сосед, враг через забор,

Шарлотка рулит моими деньгами.

Мои враги – это самые близкостоящие люди. Значит, я – неблагополучна. Что-то надо делать. Но что?

Уходить в лес, в партизаны? И отстреливать по одному?

В наше время модно ходить по психоаналитикам. Но зачем куда-то ходить, тратить время и деньги? Я могу разобраться самостоятельно. Я – сама себе психоаналитик.

Какое чувство испытывает человек к врагу? Ненависть.

Ненависть – деструктивное чувство. Оно разрушает того, кто ненавидит.

Что можно противопоставить ненависти? Любовь.

Кого я люблю?

Лизу
Фому
Светочку
Расшифровываю:
Лиза – дочь,
Фома – собака,
Светочка – подруга.
Куча народа.
Начну с Фомы.

ома – моя собака, точнее, кобель, пяти лет от роду. Он любит меня ни за что. Просто за то, что я есть в его жизни. И за то, что я его кормлю. И, главное, за то, что ему есть КОГО любить. Без любви собачья душа ссыхается.

Мы каждый день выходим гулять. Без этого он не может. О! Какие просторы... Какие запахи! Сколько свободы! То тут, то там можно найти восхитительные объедки или выпросить что-нибудь у прохожих.

Мой Фома – абсолютно сыт. Он каждый день получает качественную еду в одно и то же время. Но одно дело – получить, и совсем другое – найти самому: разнюхать, раскопать. Или выпросить.

Фома – попрошайка, и с этим ничего не сделать. Невоспитанная собака. Но я не умею воспитывать. Меня никто не слушается. Видимо, внутри меня – рыхлая воля. Дети и собаки это чувствуют.

Фома – трус. Когда к нему приближается серьезная собака, он прячется за мои ноги. Если злобный зверь летит на Фому, как снаряд, я встаю на пути, преграждая путь к Фоме. В сущности, я принимаю охранные функции собаки.

Тут же во мгновение подскакивает хозяин злобной собаки, оттаскивает и остужает ее пыл, а именно, бьет и оскорбляет последними словами. Конфликт улажен. Тогда Фома выходит из-за моей спины как ни в чем не бывало и облаивает обидчика, дескать: «Я бы тебе показал, да неохота связываться».

Я с укором гляжу на Фому. Спрашиваю:
– Не стыдно?

Фома смотрит на меня рыжими глазами, часто дышит, раскрыв рот с чистыми молодыми зубами, говорит хвостом. Я не могу на него разозлиться. Да и что злиться, если все обошлось.

Фома прижимается к моим коленям в знак примирения. Он – такой открытый, наивный, бесхитростный и обаятельный... хочется добавить «человек», но он не человек. Он лучше. Собачья душа – это высшая ступень развития.

Я учусь у Фомы, беру уроки жизни. Он любит общаться с себе подобными, буквально кидается в дружбу. Не ждет от собак ничего плохого. Завидев незнакомку, медленно направляется, крутя хвостом, давая знак о добрых намерениях. Для него главное – прогулка и еда, высокая любовь к хозяйке и низменная любовь к сучке. Долг – охранять двор, облаивать проходящие машины. И – просто жить. Радость бытия. Счастье – это сама жизнь. У Фомы – всегда довольная морда. Он умеет быть счастливым.

Но иногда Фома воеет по ночам. О! Какое безысходное отчаянье исторгается из его глубин. Я просыпаюсь и слушаю. Что он хочет? Может быть, у

собак тоже бывает депрессия? Но Фома – дворняга. Простой парень. Откуда в нем такая достоинщина?

Может быть, его тревожит Луна? Или он хочет любви соседской сучки?

Я не могу заснуть от этого воя, ледящего душу, но мне лень вылезать из-под одеяла, спускаться на первый этаж, выходить на улицу и делать ему замечание.

А утром – все по-старому. Фома смотрит на меня, спрашивает:

– Когда идем гулять? – и его уши шевелятся. Хвост качается, как метроном.

Все, как было. Жизнь продолжается.

У Фомы есть враг – овчарка Джек. Джек ненавидит Фому лютой ненавистью. Я знаю причину. Однажды хозяин Джека, симпатичнейший Николай, бывший подводник, остановился возле нас и похвалил Фому, даже потрепал его за ушами. На глазах у Джека проявил благосклонность к чужой собаке. Все. Больше ничего.

Что случилось в мозгах Джека? Возможно, он дал себе установку: убить, истребить, уничтожить. Собачья ревность – это не человеческая. Человек, в конце концов, способен заменить предмет своей любви. Взревновал – бросил. А собака не может. Собака верна хозяину до смерти и после. Для собаки хозяин – Бог. Значит, надо уничтожить того, кто стоит на пути.

Фома быстро понял, что случай – особый, за мою спину не спрячешься. Он стал убегать. Но как... Его ноги замелькали так быстро, что их не было видно. Казалось, что Фома низко летит над землей. Ветер отдувал его уши, оттягивал шерсть на морде. Фома понимал: надо рвать ноги, если хочешь жить.

Джек устремился за Фомой с той же скоростью. Мне стало ясно: если Джек настигнет Фому, у меня не будет собаки.

Хозяин Джека Николай орал команды, бежал следом.

Фома тем временем добежал до нашего дома, взлетел, как птица, и перемахнул через высокий забор. Все. Он – дома. Территория – это святое.

Джек остановился, захлебываясь собачьими ругательствами. Он кричал Фоме: «Ну, погоди-погоди, ты еще выйдешь, я тебя еще встречу...»

Фома из-за забора лениво отвечал: «Видали мы таких...»

Однажды Джек все же настиг Фому и успел содрать с его бока лоскут кожи, величиной с ладонь.

Рана воспалилась, Фома не вылезал из будки и дрожал мелкой дрожью. Я совала в колбасу антибиотики – Фома их выплевывал.

Хозяин Джека приходил на участок, лечил Фому своими средствами.

Я сказала ему:

– Николай, не обижайся, но если моя собака сдохнет, я твою пристрелю.

Николай поднял на меня свои голубые глаза. Поверил. Его лицо стало мученическим.

– Пристрелите меня, – предложил он.

Николай любил своего Джека больше жизни. Джек – породистый, умный, красивый. Его можно целовать в лицо. Мой Фома – грязный, замурзанный, непородистый, лохматый, помесь кого-то с кем-то. Но мне не надо другого пса. Мне нужен только этот.

Когда Фома болел и страдал, я поняла, что он и я – одно целое. Моя жизнь

остановилась. Краски померкли. Я присаживалась перед будкой и звала:
– Фомка... Ну, пожалуйста...

Он поднимал морду с затуманенными глазами. Видимо, у него была температура.

Ветеринарный врач приезжал и делал уколы. Фома терпел. Врач говорил, что ему не больно. У собак другой болевой порог, ниже, чем у человека.

Через десять дней Фомка выздоровел. На нем все зажило, как на собаке. Образовалась новая кожа, и на ней выросла новая шерсть.

ома вернулся к радостям жизни и в один прекрасный день привел на участок подружку. Вернее, она сама за ним увязалась. Это была дворняжка, похожая на шакала. Худая, на высоких тонких ногах, с острыми ушками. Я тут же дала ей имя: Эмка. Это имя ей подходило. Она была именно Эмка, и больше никто.

Эмка пребывала в периоде течки. Как мне объяснили: в этот короткий период она должна непременно забеременеть. Это была ее собачья программа.

Эмка и Фома не теряли времени даром. Я их не столько видела, сколько слышала. Эмка постанывала за деревьями, но не от наслаждения, а от того, что Фома был для нее слишком крупным псом.

Фома деловито и подробно исполнял супружеские обязанности. Через какое-то время Эмка от него отходила, встряхивая кургузым задом. Она напоминала мне тощую проститутку, которая выходит из укрытия, оправляя юбочку.

Я все ждала, когда Эмка покинет мой двор. Они с Фомой были не пара, и я испытывала чувства свекрови к презируемой невестке. Но Эмка уходить не собиралась. Приходилось ее кормить.

Эмка оказалась невоспитанной, необаятельной и наглой. Она забежала в мою кухню и воровала еду со стола. Делала это незаметно и стремительно, как профессиональная воровка.

Я понимала: если бы она не была такой наглой, она бы давно сдохла. Эмка увязывалась с Фомой на прогулку. Когда мы выходили к полю, Эмка начинала ловить мышей. Она вставала на задние лапы. Замирала. Потом резко – рраз! Прыжок, и Эмка выходит из травы с мышью в зубах.

Я не знаю: едят ли собаки мышей? Эмка ела. Она жевала эту мышь, как кусок хлеба, вместе с головой, с кишками и с хвостом.

Мне становилось не по себе. Единственное, я не боялась Джека. Мне казалось: если он возникнет, то Фома, напару с Эмкой, справятся с врагом.

Фома и Эмка бежали впереди по изумрудным травам, играя, ласкаясь, я бы даже сказала – целуясь. У меня мелькала мысль: оставить эту Эмку, но душа не лежала. У Эмки был противный голос – скандально-плачущий, отвратительные манеры и неприятная внешность.

Раньше мне казалось: собака не может быть противной. Собака – она и есть собака. Но оказывается, собака собаке рознь. Даже Джек – злобный и беспощадный, вызывал у меня чувство уважения и объективного восхищения. А Эмка... Я все ждала, когда у нее кончится течка, и ее можно будет вымести метлой.

Наконец, брачный период окончился. Фома к Эмке остыл, я бы даже сказала – стал избегать. Прятался от нее в будке.

Эмка уходить не собиралась. Она скорее всего забеременела и собира-

лась вынашивать детей, моих собачьих внуков. Что я буду с ними делать? Топить я не способна, и нанимать кого-то для этой цели – тоже не способна. Что меня ждет? Родятся семь щенков, маленьких шакалов. Через какое-то время – еще семь. Придется открывать питомник.

Я взяла метлу и выгнала Эмку за ворота. Она убежала, но через двадцать минут вернулась.

Я позвала рабочего Семена, он соорудил на Эмкиной шее самодельный ошейник и отвел ее в соседнюю деревню. Эмка вернулась, правда, уже к вечеру.

Я пошла к сторожу Юрке, тридцатилетнему красавцу, и сказала:

– Юрка, вывези мою собаку на сто первый километр. И выпусти ее возле деревни.

– Раньше на сто первый километр проституток вывозили, – напомнил Юрка.

– И посмотри, чтобы там рядом поле было. – Я рассчитывала, что Эмка приспособится.

– А это чья собака? – не понял Юрка.

– Приблудная. Типа проститутки.

– Да чего бензин тратить? Давайте я ее почищу и все, – легко предложил Юрка.

– Как? – Я испытующе глядела на красивого Юрку.

– Ну, как... – начал он и остановился.

– Ты что, с ума сошел? – испугалась я. – Просто вывези и все. Сколько хочешь получить?

Юрка назвал скромную цену.

– Я дам тебе в два раза больше, только бы она не вернулась.

Я вынесла деньги.

– Ладно, – согласился Юрка. – Завтра с утра подъеду.

Всю ночь я не спала. Меня мучили угрызения совести. Выкинуть беременную собаку на произвол судьбы... Но с другой стороны: я не люблю, когда за меня решают. Я Эмку не приглашала. Это она сама решила у меня поселиться. А теперь она решила у меня рожать. Но у меня тоже есть свое мнение, свои желания и свои планы. Получается, что все вокруг меня – волевые и целеустремленные. И даже бездомная сучка диктует мне свои условия.

Но я – тоже волевая и целеустремленная. Я могу чего-то НЕ ХОТЕТЬ.

Я зажмурировала глаза, пытаюсь заснуть. И не могла. Слова – это слова. Доводы – это тоже слова. А в натуре – беспомощная беременная сука.

Утром приехал Юрка.

Я вынесла Эмке сардельки, покормить в последний раз. Эмка есть не стала. Она что-то чувствовала. И я видела, что она нервничает. Переживает. Мне тоже было не по себе.

А Фома? Он вышел из будки, съел Эмкины сардельки и ушел обратно. Вид у него был непрошибаемый. Он как бы говорил: твои дела – это твои дела, моя хата – с краю.

Фома все видел и понимал, но он не защитил Эмку, даже не проявил сочувствия. И это после всего, что между ними было!

Все-таки мужики – сволочи. Это у них в натуре.

А может быть, собака не обсуждает действий хозяина. Хозяин – главнокомандующий. Все остальные – солдаты.

Юрка подхватил легкую Эмку и сунул ее в багажник.

Машина уехала.

У меня было тяжело на душе, хотелось развеять мрак. Я отправилась гулять, широко и ходко покрывая расстояния. Фома бежал впереди, пребывая в прекрасном настроении. Он забыл Эмку. Она превратилась в сизый дым. Я подумала: «Ну, если ему все равно, то мне-то чего...»

Через неделю я встретила Юрку. Он шел в магазин за пивом.

– Ну, отвез? – спросила я.

– А как же ж?

– Чего не позвонил?

– Всю неделю пил.

Я молчала, ждала продолжения.

– Знаете, как она на меня посмотрела?

– Кто?

– Ну, Эмка же ж... Она смотрела, как будто говорила: не покидай меня, моя последняя мечта...

– А деревня там рядом была?

– Ну... – ответил Юрка.

– Была или нет?

– Ну, а как же ж...

– А поле было?

– Само собой. Какая ж деревня без поля?

Мы с Юркой разошлись. Я шла и думала: то почистить собирался, а то неделю пил. «Не покидай меня, моя последняя мечта»... Все-таки Юрка – романтик. Об Эмке я старалась не думать.

Прошло три месяца. Я уехала отдыхать с друзьями на международный курорт. В Словению. Там было много итальянцев. Женщины выходили к ужину в бриллиантах.

Я углядела нескольких наших политиков. Один из них жил по соседству с моим поселком, через речку.

Вечером мы усаживались в холле, играли в лото. Надо было убить время. Между столиками сновали какие-то мутные личности южного типа. Итальянцы приезжали не только отдыхать, но и воровать.

Я вкратце рассказала об Эмке. Она во мне сидела и мучила меня. Хотелось ее как-то исторгнуть, хотя бы словесно.

– А... Я ее знаю, – проговорил Политик. – Бездомная сучка. Коричневая. Да?

– На шакала похожа. Эмка, – уточнила я.

– Мы ее звали Жучка. Она у нас полгода жила. Я одеяло ей отдал. Жена кормила.

– А дальше?

– А дальше стало тепло. Мы ее вывезли. В машину закинули и вывезли.

– А почему не оставили? – спросила я.

– А на фиг она нам нужна? У нас – своя собака.

У меня отлегло от души. Значит, я не одна такая. Значит, мое поведение – практически норма. И слава Богу...

Где-то ходит сейчас бездомная Эмка. Ловит в поле мышей. Никто не хочет стать ее хозяином. Судьба – типично женская.

Интересно, собаки чувствуют свое одиночество? Или у них другой порог восприятия? В конце концов, радость бытия распространяется и на бездомных...

Однажды мы с Фомой гуляли в липовом парке. Смеркалось. Впереди я увидела человека с крупной собакой. Я испугалась за Фому. Мне не нравится, когда его «друт и трепают», – как говорила моя маленькая внучка. Это значит: дерут и треплют.

– У вас собака агрессивная? – крикнула я издалека.

– Идите, не бойтесь, – отозвался хозяин. – Она – старая...

Мы с Фомой приблизились, и я увидела перед собой старую собаку.

На ее морде искрилась седина. Взгляд был суровый, слегка отрешенный. Собачьи колени были величиной с теннисные мячики. Под животом висел еще один теннисный мячик.

– Что это? – спросила я.

– Яйцо опустилось, – ответил хозяин. – Опухоль.

Я сочувственно покачала головой.

– Я вывел ее погулять перед сном. Она протечет. Ей будет легче спать.

– А сколько ей лет? – спросила я.

– Семнадцать. По человеческому исчислению, больше ста.

– Откуда вы знаете?

– Это все знают. Один к семи. Семнадцать надо умножить на семь, будет сто девятнадцать.

Я быстро сосчитала в уме возраст своего Фомы. Ему – пять лет. Значит, по человеческим меркам, пятью семь – тридцать пять. Мужчина в самом расцвете.

Фома осторожно стал обходить собаку в надежде познакомиться и пообщаться, поиграть, например. Но от собаки исходил холод, запах смерти, запах исхода. Она даже не обернулась на Фому. Жизнь была ей уже не интересна. Собака устала окончательно и бесповоротно.

Фома это понял и деликатно отошел. Потом отбежал подальше. Ему хотелось вырваться из этого пространства скорби.

– Вы снимаете дачу? – спросила я. – Или вы здесь живете?

– Мы снимаем дачу для Герды. И живем с ней, – сказал человек. – У моей жены тоже артроз, колени болят. У них с Гердой – одни болезни.

Я сочувственно покивала. Мне хотелось глубоко вздохнуть.

Я отошла и только после этого глубоко вздохнула.

Я шла и думала: неужели когда-нибудь... Потом решила не додумывать эту мысль до конца. Зачем думать раньше времени?

У Маршака есть строчки: «Смерть пришла, как дело, и жизнь завладела».

Приходит срок. Программа переключается на свою заключительную фазу. Человек, равно как и собака, живет по новой программе. И это не страшно. Смерть приходит, как дело.

Если бы можно было заглянуть за черту. Может быть, ТАМ хорошо, и жалеть надо тех, кто остается... ■

Василий Михайлович Головнин.

Любовь Русева

Легендарный *командир «Дианы»*

230 лет назад родился человек,
приключениям которого позавидовал
бы сам Жюль Верн.

В тридцать лет этот прославленный
моряк, исследователь и ученый стал
командиром шлюпа «Диана».

Его именем названы мысы
в Америке и на Ямале, гора
на Новой Земле и вулкан
на острове Кунашир, залив
в Беринговом море и пролив
на Курильских островах...

Герб рода Головниных.

Какой хвост у твоего имени?
Капитан-лейтенант Головнин в недоумении посмотрел на переводчика.
– Я не понял тебя, Алексей.
– Главный начальник города хочет знать твой хвост.
Нелепость настойчивого вопроса непроизвольно заставила пленных русских моряков бросить взгляд на спину своего командира. Наконец толмачу пришла счастливая мысль привести пример.
– Вот меня зовут Алексей, а еще хвост у имени моего – Максимыч. А у тебя какой ич?
– Михайлович я, Василий Михайлович, – облегченно вздохнул Головнин.
Своеобразный перевод растянул допрос русских моряков на часы, а японцы хотели знать все об их корабле, количестве экипажа, об обязанностях каждого офицера, сколькими людьми они «повелевают» на берегу... У каждого пленного спросили: женаты ли, есть ли дети, живы ли родители, их имена, сколько братьев и сестер, родом из какого города да сколько дней пути от него до Петербурга. То, что все чужеземцы родились в разных городах, японцам не понравилось.
– А почему вы все тогда служите на одном корабле?
– Мы не городам своим служим, а всему Отечеству и государю, следовательно, все равно, на одном ли мы корабле ходили или на разных, лишь бы корабль был русский.
Вспоминая об ужасах японского плена, Головнин с горечью писал: «От чистого сердца и от желания им добра поехал я к ним в крепость как друг их, а теперь что они с нами делают? Я менее мучился бы, если б был причиной только моего собственного несчастья, но еще семь человек из моих подчиненных также от меня страдают...»
Как же случилось, что командир военного шлюпа, мичман Мур, штурман Хлебников, четыре матроса и переводчик Алексей попали в плен?

Залив Измены

После описания берега Русской Америки Головнин получил приказ российского правительства исследовать Курильские острова и Татарский берег. Прежде всего, Василий Михайлович изучил все, что сделали его предшественники. Крузенштерн и Лисянский, совершившие первое кругосветное плавание, передали ему составленные ими карты.

Поставленная задача оказалась чрезвычайно сложной: постоянные туманы, шторма и сильный «противный» ветер мешали морякам близко подойти к опасному скалистому берегу и точно его описать. Из-за приблизительных, зачастую неверных карт, корабли рисковали разбиться на подводных рифах, которыми были нашпигованы прибрежные воды. Но командиру и команде «Дианы» упорства не занимать. В результате, Головнин и его штурман Хлебников составили карту Курильской гряды с точными координатами каждого острова, которых оказалось не 21, как считалось ранее, а 24. Один из открытых островов Василий Михайлович назвал Средним – по фамилии офицера, первого заметившего берег. Проливу между островами Кетоем и Симушир дали имя легендарной богини света и луны Дианы, которое носил и их шлюп, другой же пролив назвали Екатериной – в честь русского галиота, доставившего в Японию посольство Лаксмана. Чрезвычайно довольный итогами исследований, Крузенштерн написал: «Данные на всех картах именуемы были различно: сим путешествием, наконец, они проверены».

Непогода и густые туманы затянули описание, поэтому запасы продовольствия и пресной воды иссякли. Пополнить их командир решил на острове Кунашир, принадлежавшем японцам. Заодно он намеревался исследовать его гавани и не известный мореплавателям пролив, разделяющий острова Кунашир и Хоккайдо (на картах была сплошная береговая полоса). Но встретили наших моряков враждебно.

Утром 11 июля 1811 года Головнин, по приглашению японцев, явился в крепость, где одних вооруженных солдат было около 400 человек. Беседа и угощение происходили в палатке. Японцы с любопытством рассматривали привезенные подарки, завалили гостей вопросами. Ничто не предвещало беды.

– Василий Михайлович, – неожиданно шепнул командиру мичман Мур, – солдатам на площади раздадут обнаженные сабли.

– Не ошиблись ли вы? – усмехнулся Головнин. – Японцы, я думаю, давно уже имеют при себе сабли, которых обнажать теперь, кажется, им не нужно.

Вскоре «гостеприимные» хозяева сбросили маску: прощавшимся русским морякам начальник крепости заявил, что без разрешения вышестоящего начальства он ничего им не продаст, и до того, как привезут нужную бумагу, один из русских должен остаться в заложниках. Головнин отказался ждать неведомо сколько, а тем более оставлять в крепости заложника. В ответ японец долго кричал, периодически хватаясь за саблю. Побледневший Алексей только и перевел:

– Начальник говорит, что если хотя одного из нас он выпустит из крепости, то ему самому брюхо разрежут.

Большое количество вооруженных до зубов солдат не помешало Головни-

Утром Головнин, по приглашению японцев, явился в крепость, где одних вооруженных солдат было около 400 человек.

ну и его товарищам бежать из крепости, но сбежать не дала природа. За три часа переговоров произошел отлив, и их лодка оказалась далеко от воды. Беглецов окружили и увели.

Боясь, что команда, оставшаяся на судне, попытается освободить своих товарищей, связанных пленников увели в горы. По пути русские моряки услышали канонаду – начался диалог между батареей крепости и артиллерией «Дианы». Шлюп поединок выиграл, подавил огневую точку коварных хозяев, но взять цитадель десантом в 50 человек было невысказано, и Петр Иванович Рикорд, оставшийся за командира, решил уйти в Охотск за подмогой.

– Василий Михайлович, – обратился шедший за Головинным Хлебников, – взгляните в последний раз на «Диану».

С высокого места острова хорошо был виден шлюп, стоявший под парусами. «Боже мой! – думал я, – что слова сии значат? Взгляните в последний раз на Россию; взгляните в последний раз на Европу! Так! Мы теперь люди другого света. Не мы умерли, но для нас все умерло...»

«Диана»! Какая она красавица, как гордился Головин, что ее сделали в России, что ее не коснулась рука европейского мастера. Сколько открытий было сделано благодаря ей, сколько бурь она пережила – и выдержала, не позволила свирепому океану поглотить свой экипаж. Не подвела она и там, на южной оконечности Африки...

Кругосветная эпопея

Василий Михайлович родился на рязанщине 8 апреля 1776 года. Девятилетнего сироту родственники определили в Морской кадетский корпус, а спустя пять лет гардемарин Головин принял боевое крещение, участвуя в морских сражениях со шведским флотом, и за проявленное в них мужество был награжден золотой медалью «За отвагу».

Русско-шведская война закончилась, завершился и курс обучения, но офицерского чина не дали и на флот не выпустили: «по малолетству» Василия Михайловича оставили в корпусе еще на год. Это время Головин упорно изучал словесность, историю, физику, совершенствовался в иностранных языках. Наконец, в январе 1793 года его произвели в офицеры. Началась боевая служба, участие в десантах и сражениях.

По традиции, лучших русских морских офицеров отправляли на стажировку в Англию. Василий Михайлович служил и сражался на британских судах под начальством адмиралов Корнвалиса, Нельсона и Колингвуда. Он побывал в Вест-Индии, участвовал в блокаде Тулона и Кадикса. Результатом пятилетней службы на лучшем в мире флоте стал его труд «Сравнительные замечания о состоянии английского и русского флотов» и «Свод военных морских сигналов для ночного и дневного времени», которым в России долго пользовались.

Вернувшегося на Родину в 1806 году Головина назначили командиром шлюпа, предназначенного для кругосветного плавания. Красавица «Диана» считалась новейшим судном своего времени, команда ее состояла из 7 офицеров, 3 гардемарин, 1 штурманского ученика и 55 матросов.

Второй в истории России кругосветный вояж начался 25 июня 1807 года. «Диана» отправилась открывать неведомые земли. Как приятно было после долгих месяцев сплошных штормов увидеть, наконец, землю – мыс Доброй Надежды. Вдвойне приятно, когда эти корабли принадлежат твоим вчерашним учителям и товарищам.

Шлюп «Диана».

«Диана» бросила якорь в бухте Фолс-Бей, от ближайшего фрегата отчалит шлюпка. Нетрудно догадаться о чувствах Головнина, когда в человеке, стоявшем на корме шлюпки, он узнал капитана Корбета – своего непосредственного начальника в период службы на британском флоте. Но почему-то сам Корбет никакой радости не выказал, а отдал приказ немедленно развернуться.

Головнина встреча удивила, но он решил, что его бывший командир «не захотел нарушать карантинный порядок», потому и не тронулся с места. Вскоре к «Диане» приблизился флагманский фрегат, со всех сторон к ней спешили шлюпки с вооруженными матросами.

– Что бы это могло значить, Василий Михайлович? – подошел к командиру его верный помощник и друг Рикорд.

Ясность внес британский офицер, поднявшийся на палубу.

– Господин капитан! По случаю войны между Россией и Англией мне приказано овладеть вашим кораблем как законным призом!

Так, ничего не зная об изменившемся международном положении, русские моряки попали в ловушку. В свое время в Лондоне Головнин получил паспорт, предписывавший английским судам и портам оказывать ему всякую помощь, но поможет ли он в данном случае?

Командующий английской эскадрой вице-адмирал Барти выразил свое сожаление и обещал отправить запрос в Лондон, как поступить с русским шлюпом. Обращался он с «полным почтением», но потребовал дать письменное обещание оставаться в заливе до окончания войны или до тех пор, пока не придет из Лондона распоряжение. В противном случае, команду доставят на берег и заключат под стражу.

Кругосветный вояж прервался, но продолжалась научная работа. Головнин с офицерами занялись описанием берега, исследованием фауны и флоры не известной России далекой Африки. Время тянулось невероятно долго, год проходит, а ответа из Лондона все нет. Запасы продовольствия заканчиваются, к тому же англичанам вздумалось использовать русских матросов для ремонта своих кораблей.

Как ни дорого было для Василия Михайловича понятие офицерской чести, но честь русского моряка превыше всего, и он, несмотря на данное им честное слово, решился на побег. В окружении неприятельских судов да со связанными парусами возможна была лишь одна попытка.

Наблюдения за морскими течениями и ветрами выявили некоторые закономерности, которые и использовал Василий Михайлович. Нужный сильный норд-вест задул 19 мая 1809 года. В сумерках на «Диане», затертой судами британской эскадры, раздалась команда ее командира:

– Рубить канаты! Поставить штормовые стаксели!

Стоявший на шканцах Головнин услышал слова, долетевшие с флагманского корабля: «Скорее, скорее...»

– Все наверх! Поднять брам-стенги! – приказал Головнин.

«Едва успели мы переменить место, – писал Василий Михайлович, – как со стоявшего от нас недалеко судна тотчас в рупор дали знать на вице-адмиральский корабль о нашем выступлении под паруса. Какие меры были приняты нас остановить, мне не известно. На шлюпе все время была сохранима глубокая тишина... Офицеры, гардемарины, унтер-офицеры и рядовые – все работали до одного на марсах и реях».

Лавируя по бухте, шлюп вырвался в океан. Свобода! Теперь к родным берегам, к Камчатке. «Диана» неслась по штормовому океану, но весть о ее дерзком побеге долетела до Петербурга быстрее, чем она достигла цели. 23 сентября «Диана» вошла в Петропавловскую гавань, где Головнина ждало известие о его награждении орденом св. Георгия «за осмнадцать морских кампаний» и орденом св. Владимира «за благополучное совершение многотрудного путешествия».

Все это вспоминалось в плену у японцев. Неужели им не удастся освободиться? Но у англичан они свободно перемещались, здесь же их содержат как преступников – в клетках, устроенных в сарае без окон.

Пока Головнин и его товарищи, по просьбе японцев, исписывали русскими поговорками веера, Петр Иванович Рикорд пытался выяснять, живы ли пленники и где они находятся. Он повел «Диану» вместе с бригам «Зотик» и транспортом «Павел» к Кунаширу. Там морякам сообщили, что «капитан Головнин и все прочие убиты». Но пушечной пальбой и ложным известием не удалось заставить русских уйти.

Не поверив в смерть товарищей, Рикорд решил взять в плен японцев, что-

Петр Иванович
Рикорд.

бы их обменять. Ему повезло: капитаном очередного судна оказался знатный человек – судовладелец и купец Такатай-Кахи. Узнав, в чем дело, пленный воскликнул:

– Капитан Мур и пять человек находятся в Мацумаэ!

Он подробно описал, как и через какие города везли пленных, а также внешность Мура, но ни разу не упомянул Головнина. Не теряя надежды, что его друг жив, Рикорд стал различно произносить фамилию Головнина. Такатай-Кахи отреагировал на «Ховарин».

– Ховарин! Да, да, Ховарин! Я слышал, он тоже в Мацумаэ. Он серьезен, а Мур весел. Он не любит курить табак, а Мур любит курить трубку. Он очень высокий!

Благородный купец спокойно воспринял положение невольника и охотно согласился использовать свое влияние для освобождения русских моряков. Сами же пленники, ничего не зная об этом, решили бежать.

Подкоп и побег удался, но беглецов схватили через девять суток, когда они попытались овладеть баркасом. «Без ужаса не могу помыслить, – вспоминал Головнин, – на какие страшные утесы мы иногда поднимались и в какие пропасти часто принуждены были спускаться». Пленников под сильной охраной торжественно привели в город, их ожидало жестокое наказание.

– Поступку нашему один я виною, – сразу же заявил Василий Михайлович. – Я принудил других уйти. Приказаний моих они опасались послушаться. Посему прошу товарищам моим не делать зла, а лишить жизни меня.

– Если японцам нужно будет убить капитана Ховарина, – спокойно ответил губернатор, – он будет убит и без его просьб. А если нет, то не будет убит, сколько б о том ни просил... Итак, с какой целью вы ушли?

– Чтобы возвратиться в Отечество.

– Вас привели с Кунашира, следовательно, для вас не было секретом, что остров покрыт высокими горами, а в горах далеко не уйдешь. По берегам же – сплошь людные селения. Не походит ли ваш поступок на безрассудство или на ребячество?

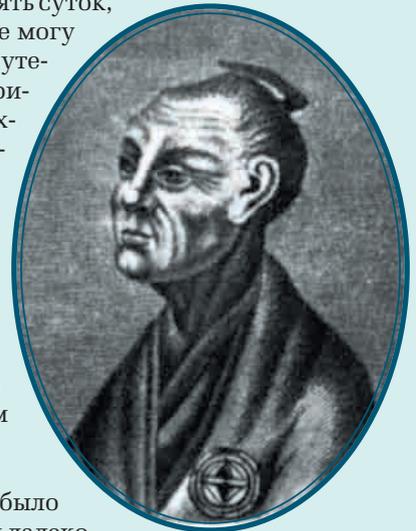
– Поступок наш был отчаянный, он может казаться ребяческим или безрассудным. Наше положение нас извиняло: возвратиться в Россию или умереть в лесах, в море.

– Знали ли вы, что, если б вам удалось уйти, я и многие другие чиновники лишились бы жизни?

– Караульные, как в Европе, должны были б пострадать. Но мы не думали, что ваши законы столь жестоки.

– Если бы вы были японцами и ушли из-под караула, последствия для вас были б дурные. Но вы – иностранцы, не знаете наших законов. И ушли вы без намерения сделать вред японцам. Цель ваша была достигнута своего Отечества. Отечество всякий человек должен любить более всего на свете. И потому я доброго мнения о вас не переменял. Впрочем, не знаю, как поступок ваш расценит правительство. Но обещаю, как и прежде, стараться в вашу пользу.

Губернатор также заявил, что будет хлопотать об освобождении русских и просил набраться терпения. Нагрузка пленников чрезвычайно увеличи-

Такатай-Кахи.

лась, и время проходило незаметно. Их ежедневно стал навещать японский ученый Адати Санай. По просьбе его переводчика, Головнин написал русскую грамматику. Санай перевел на родной язык арифметику, изданную для народных училищ, которую когда-то привез Лаксман.

Это было обоюдное познание друг друга жителей соседних держав. Общаясь с пленниками, японцы открывали для себя совершенно не известную им страну. Их интересовало буквально все. Многие они не понимали, и поручику Муру, умевшему хорошо рисовать, пришлось постоянно иллюстрировать рассказы товарищей.

– Из какой шерсти делают сукно в Европе? – интересуются хозяева.

Поручик рисует барана и козла, затем он изобразил сани, головной убор императора, лошака, осла... Пришлось ему и начертить подробный план Петербурга, на котором каждый пленник должен был показать, где расположена его квартира, рассказать, велика ли она, сколько в ней окон, сколько платит за нее.

Вопросы сыпались, как из рога изобилия: «Сколько пушек на государевом дворце?» «Сколько сажен в длину, ширину и в высоту имеет государев дворец и сколько в нем окон?» «Любят ли русские голландцев?» «Какое получаете жалованье?» «Сколько у русских праздников в году?» «Какое число портов во всей Европе?» «Каких лет женщины начинают рожать в России и в какие лета перестают?» «Носят ли русские шелковое платье?»...

Каждое слово порождало несколько вопросов. Головнин заподозрил, что это – своеобразная японская пытка. Моряки периодически бунтовали – переставали отвечать. Тогда вежливый губернатор спрашивал

о чем-нибудь существенном, и все повторялось. Пленники стали отвечать коротко – не помогло. Мура из-за красивого почерка и мастерского рисования японцы считали ученым и поинтересовались, где он воспитывался. Чтобы избежать нескончаемых вопросов о Морском кадетском корпусе, поручик соврал:

– Я воспитан в доме своего дяди.

«Тут пошли вопросы: кто дядя его, богат ли, где живет, сам ли он учил его и проч., а на ответ, что он нанимал для него учителя, – где он сам учился и проч. Когда же меня спросили, где я воспитывался, то, чтобы избежать столь несносной скуки, отвечал я, что учил меня мой отец. Я думал, что тут и конец вопросам, но ошибся: надлежало еще опять сказать, в котором месте это было, давно ли, велико ли состояние имел мой отец, какие науки он знал и проч. Между прочим, показывали они нам все отобранные от нас вещи и спрашивали о каждой порознь, как они называются, к чему и каким образом употребляют их, из чего и где деланы, чего стоят и проч. Все наши ответы они записывали, а к вещам привязывали билет, также с надписями».

Понимая, что с открытием навигации «Диана» вновь придет за своим командиром, японцы предложили Василию Михайловичу написать записку в пяти экземплярах, которую, после утверждения японским правительством, разослали в разные города. Судя по дате, она была написана, когда Рикорд только собирался выйти в море. Как только на «Диане» получили собственноручную записку командира, Петр Иванович прочитал ее вслух перед всем экипажем.

Волновали этого человека не только корабли и флот, но и состояние морских границ Отечества.

«Мы все, как офицеры, так и матросы и купец, наш переводчик Алексей, живы и находимся в Матсмае. Мая 10 дня 1813 года. Василий Головнин».

Видя радость русских моряков, «почтенный японец», «усердный друг и добрый Такатай-Кахи» засиял. Он же привез и «живого» свидетеля – матроса Симонова, который настолько изменился, что его не сразу и узнали. На объятия счастливых моряков пленный только молча кланялся, и по его щекам скатывались крупные слезы.

Хлопоты по освобождению пленников закончились в октябре. На прощальной аудиенции губернатор поднял над головой бумагу.

– Это – повеление правительства!

В документе говорилось о том, что причиной пленения стали поступки Хвостова, но поскольку теперь уверены, что они совершены «своевольно», а не по приказу русского правительства, то моряки – свободны.

Японцы, привыкшие к русским, искренно радовались. Старший священник получил разрешение губернатора «пять дней кряду приносить молебствие в храме о благополучном нашем возвращении в Россию». Все население города приходило проститься и пожелать счастливого пути. Высокопоставленные чиновники вручили Василию Михайловичу письменное поздравление. «Все вы долго находились здесь, но теперь, по приказу Обунью-Самы, возвращаетесь в свое Отечество; время отбытия вашего уже пришло, но по долговременному вашему здесь пребыванию мы к вам привыкли и расставаться нам с вами жалко... Берегите себя в пути, о чем и мы молим Бога...»

Ступив на палубу «Дианы» через два с лишним года, Василий Михайлович только и смог выговорить:

– Сим возвратили вы нам жизнь для Отечества нашего.

Въехав в Петербург, легендарный капитан посмотрел на хронометр и был поражен: ровно семь лет назад (день в день, час в час) «Диана» отправилась в свой необычный кругосветный вояж.

В 1819 году вышли записки капитана флота Головнина «В японском плену», в которых не только подробно описаны приключения русских моряков, но увлекательно изложена история Японии, ее богатые традиции и культура. Из европейцев он первый написал о жизни народа загадочной Страны Восходящего Солнца. Книга Василия Михайловича вызвала живой интерес, и ее сразу же перевели на многие языки.

Почти два столетия прошло с тех пор, а японцы бережно хранят память о легендарном командире «Дианы» и его товарищах. На далеком острове Хоккайдо стоит замечательный памятник Головнину и Такатай-Кахи. Потомки этого благородного купца не раз посещали Россию, встречались с потомками рода Головнинных.

Но возвращением в Петербург не закончилась деятельность Василия Михайловича. Ему предстояло еще стать начальником кругосветной экспедиции на шлюпе «Камчатка», исследовать новые острова и берега. Об этом походе он также написал книгу «Путешествие вокруг света».

В 1821 году капитана-командора Головнина назначили помощником директора Морского корпуса. Считая, что офицеры должны знать причины кораблекрушений, чтобы в экстренной ситуации сумели избежать гибели

Памятник В.М.Головнину и Такатай-Кахи на острове Хоккайдо.

своего корабля, Василий Михайлович перевел с английского языка «Описание примечательных кораблекрушений». Этот трехтомный труд Дункена он дополнил описаниями кораблекрушений в русском флоте.

В 1823 году Головнин становится генералом-интендантом флота, а спустя четыре года ему подчинили Кораблестроительный, Комиссариатский и Артиллерийский департаменты. Василий Михайлович наблюдал за постройкой боевых кораблей на Балтийском и Белом морях, и в его бытность, в течение восьми лет, с верфей было спущено 26 линейных кораблей, 21 фрегат, 2 шлюпа, 10 первых пароходов – всего более 200 судов.

Волновали этого замечательного человека не только корабли и флот, но и состояние морских границ Отечества. Особое значение он придавал укреплению Курильских островов, которые открывали России выход в Тихий океан и преграждали проникновение в Охотское море с Востока. Василий Михайлович не устал твердить, что безопасность тихоокеанских рубежей России требует укрепления русской мощи на Дальнем Востоке, который должен стать не только военным оплотом, но и центром экономических связей России с Китаем и Японией, Филиппинами и Америкой. Главным же городом, по мнению Головнина, должен стать Петропавловск-на-Камчатке, обладавший замечательной гаванью.

В 1830 году легендарный командир «Дианы» был произведен в вице-адмиралы, но через год жизнь выдающегося исследователя Дальнего Востока, крупного морского теоретика, талантливого ученого и замечательного писателя оборвала печально знаменитая холера. 29 июня 1831 года Василия Михайловича не стало.

Дело Головнина продолжили его ученики, среди которых – Федор Петрович Литке, Фердинанд Петрович Врангель, Федор Федорович Матюшкин. Во время своих кругосветных экспедиций они совершили немало географических открытий. На собрании Русского Географического общества отмечалось, что личность Головнина еще не оценена у нас по достоинству, что имя его «более известно по продолжительному плену в Японии, но этот плен составляет только один интересный эпизод из его жизни, которая всецело посвящена была на пользу флота и России».

Известный педагог и журналист, издатель журнала «Сын Отечества» и «Журнала новейших путешествий» Николай Иванович Греч писал о Василии Михайловиче: «И этот человек, твердый и строгий в исполнении своего долга, неустрашимый среди величайших опасностей, был в обыкновенной жизни кроток и скромнен; верный друг, добрый муж, нежный отец; заслуженная им слава не изгладится в летописях Российского флота».

Родившийся в век романтизма, романтик по сути, Василий Михайлович избрал и романтический путь служения Отечеству – море. Но романтизмом овеяны не только имя, дела и приключения легендарного командира «Дианы». Сама память о роде Головнинных пронизана им. А служит этот род верой и правдой своему Отечеству уже 616 лет.

В прошлом году в московской квартире раздался звонок, и незнакомый мужской голос сообщил хозяйке:

– Людмила Борисовна, приезжайте в Красильниково, у нас памятник открывают.

– Кому памятник-то? – поинтересовалась Головнина.

*Романтик
по сути, Василий
Михайлович избрал
и романтический
путь служения
Отечеству.*

– Как кому? Барину нашему.

Открытие стелы приурочили к столетию Цусимского сражения, в котором героически погиб Сергей Дмитриевич Головнин – прадед Людмилы Борисовны. Идея же ее возникла на чисто романтической почве.

Над родовым гнездом прославленного рода разбушевалась стихия. Усилившийся ураган заставил жительницу села Татьяну Григорьевну Бурову поспешить домой. Вдруг у церкви, сооруженной в XVII столетии, над склепом Головниных закачалось, накренилось многовековое дерево. Татьяна Григорьевна, как замороженная, смотрела на агонию мощных ветвей и сквозь шум бури четко услышала голоса: «Мы здесь, мы здесь...» Насмерть перепуганная Бурова помчалась к себе. Испуг прошел, но слова продолжали звучать в голове, и решила Татьяна увековечить имена Головниных, родившихся в Красильникове, а их – 31 человек. Благо нашелся спонсор – Николай Иванович Колесников – давший на памятник деньги.

И еще из статистики: за 200 лет (1748-1948) род Головниных дал России 92 моряка. Как ни почитать рязанскую землю колыбелью морской славы Отечества?

На родине Василия Михайловича стоит грандиозный семиметровый памятник. Символично, что открыл его в сентябре этого года губернатор Георгий Иванович Шпак – бывший командующий ВДВ, командующий также – романтической военной касты.

В школе, построенной сыном адмирала – Сергеем Васильевичем Головниным, организован музей, и ученики ее увлеченно изучают историю российского военно-морского флота.

Память народная цепка, ничем ее не вытравить, а значит, у нас – не только славное прошлое, но и прекрасное будущее.

– Как же чисто в Красильникове! – радуется Людмила Борисовна.

– А как же иначе? Барыня приехала, вот и подмели даже вокруг магазина, – гордо заметила старожил Бурова. ■

Памятник роду
Головниных в селе
Красильниково Рязанской
области.

Полина Агуреева
в фильме «Эйфория».

Андрей Плахов

A large, bare tree with intricate, dark branches is set against a background of horizontal blue wooden planks. The tree's branches are mostly devoid of leaves, with a few small, dried, yellowish-brown leaves still clinging to them. The overall mood is somber and contemplative.

В добровольном ГЕТТО
и за его пределами

О сегодняшнем дне и будущем
российского кинематографа

В 2006 году появился фильм, сам по себе не выдающийся, но из тех, что говорит о важных переменах в сознании кинематографа. Он называется «Мне не больно», снял его Алексей Балабанов – по мнению многих, главный режиссер 90-х годов, сохраняющий завидную активность и сегодня.

Именно он вывел в свое время на авансцену нового героя в облике Сергея Бодрова-младшего, именно он предложил в «Брате» идеологию социального реваншизма, опирающегося на кровное родство и братство, а в «Брате-2» облек то же самое в форму остроюжетной международной игры.

Рената Литвинова в фильме «Мне не больно».

И вот – «Мне не больно». Кто бы мог подумать, что Балабанов, самый провокационный из российских режиссеров, сделает чистой воды мелодраму? Действие построено вокруг ремонта – почетной темы нашего времени, но известный своей антибуржуазностью Балабанов даже здесь не упускает случай поглумиться над новыми богатыми: единственный из них в исполнении Никиты Михалкова оказывается, вопреки первому впечатлению, совсем не зловещим, а скорее карикатурным.

Ремонтом занимается самодеятельная бригада в составе Миши (Александр Яценко), Олега (Дмитрий Дюжев) и Альки (Инга Стрелкова-Оболдина): троица выдает себя за солидных архитекторов-дизайнеров, а на са-

мом деле бомжует и голодает. Зато они молоды, умеют радоваться маленьким удачам, а смешной очкарик Миша еще и открыт романтической любви. Она не заставляет себя долго ждать и приходит в виде эксцентричной заказчицы (Рената Литвинова), которая денег не платит, но готова напоить горемычных работяг дорогим коньяком и накормить ужином, сворованным со светского приема. Предлагает она и услуги другого рода, так что, в какой-то момент кажется законченной алкоголичкой и нимфоманкой – особенно когда надевает на голову рыжий парик и начинает соблазнять Мишу примерно теми же приемами, как это делала Светлана Светличная по отношению к Юрию Никулину в «Бриллиантовой руке».

Однако в какой-то момент комедийная линия заходит в тупик, и вся история резко сворачивает на сентиментальную тропу. Почему же проходной фильм, лишенный обычных для этого режиссера страстей и пафоса, так сказать, Балабанов в варианте soft, mild и super-light, имел заметный успех на «Кинотавре» (где его наградили тремя призами) и в прокате? Потому что он точно отобразил новые веяния времени: социальный реваншизм отходит на периферию, мы все больше привыкаем к эстетике буржуазного гламура, хотя Балабанов и пытается над ним иронизировать. А недавнее прошлое – 90-е годы – начинает восприниматься как «ретро» (это было заметно уже в балабановских «Жмурках»).

И еще один важный сигнал: Балабанов пытается разрушить стену между коммерческим и арт-кино, а это, пожалуй, главная проблема сегодняшнего экрана. Прошло два года с тех пор, как публику стали подсаживать на так называемые блокбастеры made in Russia, и можно смело сказать, что патриотический эксперимент удался. Народ ждет новых зрелищ. Отработан «Дневной дозор» – на очереди «Меченосец», потом грядет «Волкодав» и иже с ними. На фоне крупногабаритных новинок киноиндустрии множатся бытовые и молодежные комедии типа «Никто не знает про секс». Кстати, это само по себе – сигнал появления второго эшелона коммерческого кино, который в Голливуде не менее важен, чем первый. В

конце концов, такие фильмы, если они приобретут некий уровень качества, должны отвлечь хотя бы часть публики от сериального «мыла» и объяснить тот факт, что на разных стадиях кинопроизводства в России фигурирует около 300 запущенных кинопроектов (не считая кинотелевизионных).

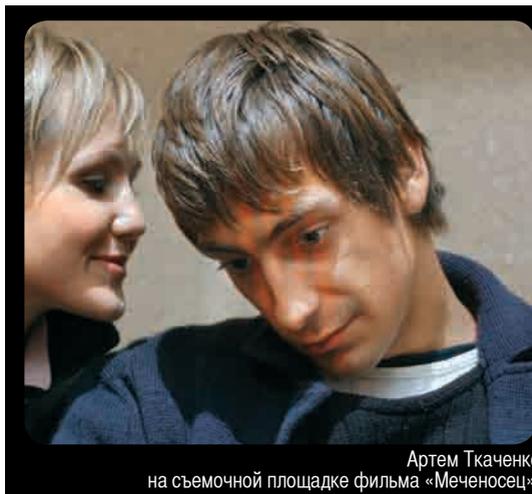
Вместе с тем именно в 2006 году, казалось, в только что налаженной системе кинопроизводства и кинопроката наметились опасные сбои – и вот скептики уже предрекают обрушение рынка отечественных блокбастеров. Здесь сигналом стал провал фильма Филиппа Янковского «Меченосец». В нем кружатся и красиво падают вертолеты, плывут гигантские пароходы, переворачиваются в овраги автомобили, на глазах рушится целый лес из разрубленных пополам деревьев. От такой красоты захватывает дух, и уже вроде не так важно, кто выходит живым из огня, воды и железной клетки, кто рубит пополам все, что движется, и попадает под горячую руку.

А в итоге оказалось, что все же – важно. Нужно придумать самого героя так, чтобы ему можно было сочувствовать или хотя бы понять логику его поступков. Когда на экране – бессмысленный, лишенный артистизма отморозок (неблагодарная роль досталась Артему Ткаченко), то не поможет ни леденящая душу предыстория юноши-отцеубийцы, ни любовный сюжет, с которым не смогла справиться даже такая мастерица, как Чулпан Хаматова. Хуже всего, что картина вызывает незапланированный эффект самопародии. Давно мы не видели таких остолопов ментов – даже не преувеличивая интеллектуальный уровень стражей порядка. Или такого гламурного, одетого из бутика священника (модный образ в новом российском кино, к которому мы еще вернемся).

2006 год позволил оглянуться назад – во времена малокартинья 90-х годов, от которого все-таки осталось несколько любопытных фильмов: «Барак» Валерия Огородникова, «Странное время» Натальи Пьянковой, «Москва» Александра Зельдовича. В то поистине странное время появление каждого мало-мальски приличного фильма считалось подвигом, а собрать из годовой продукции конкурс национального фестиваля было

даже для искушенных отборщиков задачей почти неразрешимой. И тем не менее сейчас «Кинотавр» уже может себе позволить вполне приличный конкурс, в котором нет ни одного так называемого блокбастера, однако важно как раз то, что киножизнь продолжается и за границами этого добровольного гетто, в которое загнали себя некоторые кинематографисты, опьяненные зрительским успехом «Ночного дозора» и «9 роты».

Да, как это ни странно, коммерческий бум все на «закатал в асфальт» авторское кино: все произошло с точностью до наоборот. В этом году появилось как никогда много радикальных фильмов, обещающих дебютов и

Артём Ткаченко
на съёмочной площадке фильма «Меченосец».

вообще того, что называется артхаусной продукцией. В сторону артхауса повернулись и режиссеры, известные своей устремленностью к жанровому кино, – например, Павел Лунгин в «Острове». Никита Михалков тоже почувствовал, что на фоне общей глобализации сегодня могут быть выигрышны малые формы – и предпочел вместо военного блокбастера «Утомленные солнцем-2» сделать сначала русскую версию «Двенадцати разгневанных мужчин» с актуальным «чеченским» сюжетом и в камерной стилистике. Продолжают успешно работать Кира Муратова, Александр Сокуров, Алексей Герман – столпы нашего авторского кино и большая группа молодых, продолжающих этот нелегкий путь: Илья Хржановский, Алексей

Владимир Епифанцев, Андрей Чадов и Максим Лагашкин в фильме «Живой».

Герман-младший, Алексей Попогребский.

На пограничье «арта» и «народного кино» находится фильм **«Живой»** Александра Велединского: продюсеры явно раскручивали его в качестве молодежного прокатного хита – как бы «Брата» на новом витке. В отличие от культового фильма Алексея Балабанова, в «Живом» брат появляется не у героя-воина, вернувшегося из горячей точки, а у изображающего его актера Андрея Чадова, причем брат (Алексей Чадов) играет не бандита, а священника – весьма современного, адаптированного к веяниям молодежной субкультуры. Действие происходит как бы в потустороннем мире, в некоем чистилище, впрочем, этот мир похож на наш грешный и пронизан раскатами попсы.

Служители культа появляются и на территории **«Острова»** Павла Лунгина. Это – тоже условная модель мира. В монастыре на Белом море живет отшельник, который в свое время совершил предательство и убийство, а теперь искупает вину. Он отделен от большой земли, хотя и связан неизбежными бытовыми контактами с береговыми церковниками. Отшельник утрирует свое мессианство и свое безумие, которое якобы дает ему чудодейственную целительную силу. Люди верят в его святость, но не он сам. Однако самое большое испытание Бог готовит ему, устраивая очную ставку с прошлым. Убежище превращается в то же самое чистилище, а тот факт, что священников игра-

ют Виктор Сухоруков и Дмитрий Дюжев, а в роли отшельника снялся монстр рока Петр Мамонов, связывают и эту вроде бы элитарную киноработу в жанре «жития» с массовой культурой.

«Гадкие лебеди» Лопушанского – еще один пример серьезного кино, облеченного в форму фантастического триллера, хотя и в русском варианте. Роман Стругацких послужил основой для создания образа современного ада, города-призрака с катастрофическими изменениями климата, мутантами-«мокрецами» и детьми, чей гипертрофированный интеллект тоже представляет собой опасную аномалию. И только **«Эйфория»** Вырыпаева, кажется, разыгрывается в раю – на вольных донских просторах, где бушует настоящая стихия – водная, степная, народная, языковая, любовная. Это – фильм диких, первобытных эмоций – за социальными и моральными рамками, за пределами добра и зла. Рай времен первого грехопадения и изгнания Адама с Евой. Это, пожалуй, наиболее характерная черта нового российского кино с художественными амбициями: оно стремится включить актуальную реальность и современных героев в пространство вечных мифологем, отношений с Богом или, пользуясь советской терминологией, духовных исканий.

Еще один важный для кинопроцесса фильм – **«Свободное плавание»** Бориса Хлебникова. Он важен тем, что окончательно выводит наше кино за пределы Садового кольца (где оно долго вязло в московском

Петр Мамонов на съемочной площадке фильма «Остров».

гламуре) и восстанавливает связь с художественными традициями советской эпохи.. Все это, без сомнения, было: и российская провинция, где произошла полная смычка города и деревни, и «странные люди», населяющие эти края, и безбашенная молодежь, и герои-правдоискатели, и комедийный абсурд, ничуть не противоречащий правде жизни. Было в фильмах Шукшина и Киры Муратовой, в «Асином счастье» Кончаловского и «Начале» Панфилова.

Разница, кажется, не так уж велика: у Хлебникова в диалогах появился легализованный матерок междометий, а в сюжете выросла актуальная проблема безработицы, неизвестная или завуалированная в советское время. Леня из «Свободного плавания» (его играет все тот же Александр Яценко, чем-то похожий на молодого Леонида Куралева) получает выходное пособие с закрывающегося нерентабельного завода, пробует себя в малярном деле и торговле обувью, тянет лямку на пыльных дорожных работах – прежде чем послать все к черту и пуститься в свободное плавание, пристроившись на бороздящее волжские воды судно. Но на самом деле эта разница – принципиальна: ведь времена, когда пели «каждый человек нам интересен, каждый человек нам дорог» давно миновали, а новорусский менталитет велит считать простых людей пережитком социализма, достойными же внимания – только выдающихся богачей и бандитов. Хлебников же, вовсе не реабилитируя социализм, тем не менее восстанавливает утраченные гуманитарные понятия, ставя все с головы на ноги.

Наконец, «Изображая жертву» Кирилла Серебренникова – самый громкий фильм артхаусного киносезона. Судьба этой картины, получившей главный приз «Кинотавра» и выигравшей новый Римский фестиваль, заслуживает отдельного осмысления. Кинематографический взгляд этого режиссера пробивался и в «Рагине», и в «Постельных сценах», но в новом фильме Серебренников достигает виртуозного баланса между материей киноизображения и театральной условностью. Он легко оперирует разными техниками и художественными технологиями: элементы Догмы, анимация и актерс-

Юрий Чурсин в фильме «Изображая жертву».

кие монологи (включая знаменитый матерный) образуют ту пестроту состава фильма, которая приближает его к эклектике реальности, но отделяет от нее высоким градусом артизации. Это – современный «Гамлет», превращенный в черную комедию.

Радоваться богатству и разнообразию нового российского кино мешают несколько отягчающих положение обстоятельств. Артхаусные фильмы производятся, берут призы на фестивалях, но их прокатная ниша, и раньше не страдавшая шириной, опасно сужается. Кинопрокатчики по-прежнему заигнотизированы цифрами с шестью нулями, которые собирают блокбастеры, вталкиваемые на все экраны одним массивным ударом. После того, как деньги собраны за две недели, картина снимается и заменяется следующей, ей подобной. Такая методика никак не подходит к фильмам типа «Изображая жертву» Кирилла Серебренникова. Они способны работать медленно, зато долго: свидетельство – то, что вторая неделя проката не принесла обычного для рядовых блокбастеров резкого падения посещаемости. Но к артхаусным «жертвам» относятся без всякого снисхождения: скажите спасибо, что вас вообще взяли в кинотеатры, прошло две недели – извольте подвинуться, уступить место другим. Прокатный вал оставляет крайне мало пространства для штучных изделий и индивидуальных стратегий. ■

Валерия:

«все отлично!»

В прошлом году она получила звание заслуженной артистки России, стала послом доброй воли ООН и запустила именной парфюм. А что теперь?

Смена: Валерия, можете назвать самое радостное событие в уходящем году?

Валерия: Несколько лет, я постоянно твердила своему мужу Иосифу Пригожину: «Нельзя столько работать. Так и жизнь мимо пройдет. А ведь она состоит не только из одной работы. Есть близкие люди, путешествия и т.д.» Вода камень точит. И вот этим летом мы поехали в отпуск вместе с моими родителями. И Иосиф почти не разговаривал по телефону. Мы наслаждались отдыхом.

С.: Что нужно, чтобы чувствовать себя счастливой ?

В.: Самое важное быть внутренне свободной, когда я позволяю себе выбирать то, что близко и дорого именно мне, а не кому-то еще. В тяжелый период для меня главным было не поддаваться обстоятельствам. Всем желаю того же. Впустите в свою душу любовь, не замыкайтесь и верьте в удачу!

С.: Изменил ли вашу жизнь Иосиф Пригожин?

В.: Да, я стала другой. Правда, перемены начались еще до него, когда я после развода уехала с детьми к родителям в город Аткарск. Вот тогда-то я и почувствовала себя свободной. И – готовой к новым делам. А с Иосифом все сложилось более чем удачно и счастливо. Нам комфортно друг с другом, мы очень похожи, в наших биографиях оказалось много мистических совпадений. Оба – Овны. У нас по трое детей от прежних браков. В 85-ом году мы приехали покорять Москву (он – из Махачкалы, а я – из Аткарска). И то, что мы оба люди шоу-бизнеса, нас очень сближает. Значит, я сделала верный шаг.

С.: Ради детей следует сохранять семью?

В.: Все, кто знал моих детей раньше, говорят, что они теперь более свободны, радостны, счастливы. Что было раньше? Например, выходили с семьей "в свет", и дети постоянно смотрели на реакцию папы – боялись пошевелиться, чтобы не получить подзатыльник. Они постоянно заискивали перед ним. А ведь это вредно, потому что в детях появляется двуличие. К счастью, я сейчас не замечаю ничего подобного. В идеале же считаю, что за семью нужно бороться. В моем случае я билась до последнего. Но мне и моим детям пришлось столько испытать! Спасение было только в разводе. Но я любила этого человека и пыталась все исправить...

С.: У вас с Иосифом возникают разногласия по поводу воспитания детей?

В.: Я против того, чтобы он баловал их, так как считаю недопустимым баловать детей, даже если есть такая возможность. Подарки всегда должны быть по какому-то поводу. Например, после победы в конкурсе. А если дети будут знать, что им все дается просто так – они вырастут потребителями. Да, они знают, что у них – известная мама. Но это не повод высоко задирать нос и считать себя исключительными, круче сверстников. И что им позволено все. Хочется, чтобы они выросли честными и порядочными людьми. И я рада, что мои дети – добрые.

С.: Мало кто из ваших коллег иронизируют над собой. Вы не побоялись придумать компьютерную игру с собой в главной роли, в которой героиня попадает в разные смешные и «опасные» ситуации... Кому принадлежит идея?

В.: Однажды мы всей семьей летели в самолёте, дети играли на компьютере, и Тёма вдруг заявляет: "Мам, давно бы уже сделала какую-нибудь свою игру!" Пригожин тут же среагировал: "А почему бы нет?". По-моему, получилось неплохо, нашим детям, во всяком случае, понравилось.

С.: Трое детей – это постоянная в доме беготня, куча дел... Не устаете?

В.: Нет, это – моя жизнь. И пусть дома с ними вечная канитель, но этот «сумасшедший дом» – счастье!

С.: Находите время для книг?

В.: В последнее время усиленно изучаю французский язык. Так увлеклась, что читаю знаменитых французских писателей в подлинниках и свободно разговариваю на бытовом уровне.

С.: Иосиф один решает деловые вопросы или советуется с вами?

В.: Он меня оберегает, но многим делится со мной. В основе любых конфликтов – человеческие отношения. Я могу не разбираться в деталях бизнеса, но, что касается отношений между людьми – всегда свое мнение высказываю.

С.: Многие считают, что работать вместе с супругом – это перебор.

В.: Иногда фантазирую – если бы мы с Иосифом уходили бы в восемь, приходили в шесть и были бы тихие вечера... Но наша бешеная работа не позволяет так жить.

С.: Никогда не было искушения заняться политикой?

В.: Я никогда не участвовала ни в од-

ной политической акции. Каждому свое. Пусть Пригожин идет в политику! У него хорошо получится. Он даже книгу написал "Политика и вершины шоу-бизнеса".

С.: Значит ли это, что вас не волнуют проблемы общества?

В.: Конечно же, волнуют и еще как. Считаю, государству надо обратить внимание на молодежь. Сейчас некоторые молодые – как старики. Это ужасно. Все помешаны на компьютере, а игры – ужастики, где все друг друга убивают. Разве это нормально?!

С.: Кто вас поддерживает в трудную минуту?

В.: Мой самый главный друг и советчик – мама. ■

Беседовала Соня Ветрова

Патриция Мойес

Идеальное
убийство

1

Квартира была небольшая, но зато почти всегда освещенная солнцем. Из окна открывался чарующий вид на Женевское озеро и синеющие вдаль горы. В соседней комнате, представляющей из себя миниатюрный офис, на белоснежном столе зазвонил телефон.

Плотный, коренастый мужчина с загорелым лицом тотчас же взял трубку и резко произнес:

– Доктор Дюваль слушает. – Через секунду его южно-французский акцент немного смягчился. – А, это ты, Пьер! Рад тебя слышать, дружище... Да, только вчера вернулся... Что? Ответ? Ну, а как ты думаешь? Естественно – «нет»... Да, очень вежливый отказ... Ты же знаешь... институт интересуется тематикой, но у них нет денег на исследования... Нет-нет, я вовсе не подавлен. Я уже давно к этому привык. Конечно, Пьер, всегда есть множество способов добыть деньги. Можно, например, выклянчить у кого-нибудь, можно занять, или, в конце концов, украсть. Вот-вот, и самому финансировать свои научные проекты... Мечтать не вредно, правда, Пьер? Да... Очень любезно с твоей стороны, Пьер... Когда? В субботу? Это... – Мужчина покосился на большой цветной календарь, висевший на стене. – Это будет пятнадцатое, правильно? Мы с удовольствием к вам приедем... около восьми часов... Прекрасно! Я только спрошу у жены... Она сейчас в магазине. Я тебе перезвоню... Привет Симоне.

Не успел доктор Дюваль положить трубку, как раздался звук открываемой двери.

– Это ты, дорогая? – крикнул он.

– Ну, конечно, я. Что за глупый вопрос, Эдуард!

С пакетами под мышкой Примроуз Дюваль вошла в холл. Ей было лет сорок. Тоненькая, стройная блондинка. Вне всяких сомнений – истинная англичанка. Юбка «миди», жакет, нитка жемчуга на шее – весь вид скромной и застенчивой особы говорил о том, что это облачко женского обаяния не в состоянии обидеть даже воробья. Однако столь безобидная внешность была обманчива, как давно уже понял ее муж. Характер Примроуз соединял в себе твердость алмаза и гибкость стали. Как тростинка, она могла гнуться, но не ломаться.

– Пьер звонил, – сообщил Дюваль.

– Что он хотел?

– Интересовался результатами моей поездки в Париж. Пришлось его расстроить. Ах, да! Он и Симона приглашают нас на ужин. В субботу. Я сказал, что мы придем.

– О, Господи! Честное слово, Эдуард, иногда ты меня страшно раздражаешь.

– Что еще я сделал не так?

Примроуз скрупулезно изучала каждую черточку своего лица в большом зеркале. Она слегка провела длинными нежными пальчиками по белокурым волосам.

– Кажется, мне снова требуется хороший полноценный отдых. Пару недель в Лозанне. А значит, еще пару сотен из нашего бюджета... Ты ведь прекрасно знаешь, что мы не можем поехать к Пьеру! И именно в субботу!

– Почему?!

Примроуз внимательно посмотрела на мужа и произнесла медленно, будто обращаясь к глупому непослушному ребенку:

– Потому что в субботу будет пятнадцатое число. День рождения мамы. Пятнадцатого нам надо быть в Англии.

– Почему, черт возьми, мы обязаны каждый год принимать участие в этом спектакле? Я не понимаю.

– Ну, пожалуйста, Эдуард. Ведь все было нормально до сих пор. Пойми, это – семейная традиция. Мы не можем противиться и нарушать ее.

– У меня – море дел на следующей неделе. Да и сейчас работы – выше головы. Ты не хочешь съездить в Англию одна? Отвезешь этот проклятый торт, который твоя обожаемая мамочка любит больше всего на свете и, уж, конечно, больше, чем своих детей.

– Не придуривайся, Эдуард. Я позвоню Симоне и скажу, чтобы они ужинали без нас.

– Чем скорее твоя мать сдохнет, тем лучше будет для всех! – выкрикнул, не выдержав, Эдуард.

– Она – здоровая, как лошадь. Поэтому на столь простое решение вопроса лучше не рассчитывать, – с небрежной ухмылкой бросила жена. И добавила уже совершенно другим тоном: – Ведь ты же знаешь, я действительно ее очень люблю.

– Врунья! – живо отреагировал Дюваль, к которому явно вернулось шутовское расположение духа. – Ты же ее ненавидишь. Мамочка основательно попортила тебе кровь! Заставь тебя видеть ее чаще, чем раз в год, – и ты сама прыгнешь в могилу. Неужели все забыла? Вспомни, что случилось, когда твоя мать приезжала к нам в гости.

Примроуз, глядя в зеркало, улыбнулась мужу.

– Лучше я позвоню Боне и попрошу его испечь любимый мамин тортик.

Доктор Дюваль встретился с ней взглядом в зеркале и тоже улыбнулся. Они всегда прекрасно понимали друг друга.

Маленький, словно кукольный, домик почти полностью занимал площадь крошечного островка, на котором он и стоял. Раскинувшаяся вокруг сеть каналов придавала этой живописной местности в Южной Голландии вид сказочного архипелага. За домом имелся клочок земли, разбитый на аккуратные грядки. Оттуда был перекинут подъемный мост на соседний островок, целиком превращенный в одну громадную теплицу и сверкавший большими ромбами стекол, как фантастический кристалл.

Городок Альсmeer славился тем, что все его обитатели дружно, как один, выращивали цветы. Вот и здесь, на газоне, виднелась табличка, «скромно» указывающая, что в доме проживает: «Питер ван дер Ховен, знаменитый поставщик лучших в мире цветов». То, что Питер ван дер Ховен выращивает исключительно розы, было и так очевидно.

Сам хозяин стоял в теплице, инспектируя ровные шеренги алеющих кустов. Розы были идеальными по высоте и по форме и салютовали своему «полководцу» торжественно, как на параде. И наоборот, к Питеру совсем не подходили эпитеты «ровный» и «аккуратный». Грузный, неуклюжий, с копной огненно-рыжих волос, непослушная прядь непрерывно падала на широкий лоб и норовила закрыть честные голубые глаза.

Его жена как раз шла по мостику, соединяющему оба островка. Глядя на своего мужа, Вайолет думала, что он похож скорее всего на лохматого лабрадорского пса. Трогательное сравнение, конечно, но даже самый любимый пес частенько раздражает одним своим при-

сутствием. Не говоря уже о том, что «пес» просто несносен, когда начинает бросаться на вас всеми лапами и норовит лизнуть прямо в губы. Вайолет ван дер Ховен была элегантной брюнеткой с точеными ручками и ножками. Возраст? Глупое слово! В тридцать восемь еще легко ощущать себя юной и неопытной девчонкой, готовой в любую минуту «пошалить». Но те же тридцать восемь – это проблема, если муж на шесть лет моложе. Когда Вайолет выходила замуж за Пита, ее сестра ломала руки в отчаянии: такая разница казалась ей чудовищной и грозящей катастрофой. Примроуз, однако, ошиблась. Несмотря на мрачные предсказания, они были женаты вот уже восемь лет, и, по всей видимости, Пит обожал свою жену больше, чем когда-либо.

Вот и сейчас, услышав ее легкие шаги, он повернул голову и счастливо улыбнулся.

– Любимая, что ты здесь делаешь? Пора обедать? Я опять опоздал!

– Все в порядке, милый. Еще нет двенадцати.

– Ты чудесно выглядишь, – сказал Пит, отбрасывая со лба рыжую прядь. – Новое платье?

– Это? – Вайолет рассмеялась горьким смехом. – Ну, и память у тебя! Я купила его два года назад в дешевом магазине, за двадцать пять гильденов.

– Оно тебе очень идет...

– Я получила письмо от Даффи, – прервала она его, поглаживая лепестки розы своими изящными пальчиками.

– Да? – безучастно проговорил Пит, возвращаясь к работе. – И что же она пишет?

– Только то, что Париж – замечательный город. Даффи обновляет там свой гардероб перед тем, как они с Чарли вернутся в Штаты. Она без ума от коллекции Кардена.

Пит лукаво выглянул из-за куста и понимающе подмигнул.

– Тонкий намек, дорогая? К сожалению, даже с лучшими цветами в мире трудноато скототить состояние. Чтобы покупать платья «от Кардена», тебе следовало, по примеру твоей сестры, выйти замуж за американского миллионера.

«Возможно, я еще так и сделаю», – подумала про себя Вайолет, а вслух весело произнесла:

– Надеюсь, ты не забыл выбрать самые роскошные розы на мамин день рождения?

– Моя прелесть, разве я когда-нибудь тебя подводил? Смотри – на этой грядке – две дюжины лучших роз, специально выращенных для твоей матери. Я срежу их в пятницу вечером, перед отъездом.

– Ах! Я бы вообще никуда не ездила. Эти ежегодные собрания, по-моему, несусветная чушь и глупость.

– Тебе так кажется, потому что ты – англичанка. Здесь, в Голландии, мы уважаем дни рождения.

– Ради Бога, перестань! Сидеть с приклеенными улыбками целый день за столом, поддерживать светскую беседу, а, иными словами, нести жуткий вздор, пока сотни знакомых – и незнакомых! – пожирают все, что ни есть в доме, и затем испаряются, оставляя дешевые безделушки... О, нет!

– По крайней мере, – парировал Пит с неизменным чувством юмора, – у твоей мамы все совершенно по-другому.

– Надеюсь, что хоть в этом году у нее хватит ума не приглашать своих подруг. Смотреть на их допотопные сережки, подвески и платья с рюшечками – просто невыносимо!

– Странно, – съязвил Пит. – А мне ее подруги всегда казались очаровательными.

– Хочешь быть добрым? – усмеянулась Вайолет. – Душить таких добрячков надо. Заканчивай здесь, а я пойду приготовлю ланч.

Даффи Швахеймер крутилась перед зеркалом в номере безумно дорогого отеля и откровенно любовалась своим отражением. Рядом, на кресле, лежала гора еще не распечатанных, соблазнительно блестящих пакетов с этикетками самых известных фирм и магазинов.

Примерив новое платье, Даффи довольно улыбнулась. Она не обнаружила изъянов ни в платье, ни в своей фигуре. Даффи – всего тридцать три года, у нее – роскошная грудь и осиная талия, в меру полные стройные бедра, длинные, как у манекенщицы, ноги. Пять лет назад она и работала манекенщицей. Один из показов моды проходил в Соединенных Штатах. Там, в Нью-Йорке, Даффи встретила, как говорят, свою судьбу. Чарльз Швахеймер присутствовал на вечеринке, устроенной после шоу, и они познакомились, почти случайно.

– Обласкай его, – посоветовали подруги. – Миллионер. Король кухонных раковин, ну, и прочей сантехники...

Даффи критически осмотрела миллионера с ног до головы и дала ему лет шестьдесят. С «хвостиком». У Чарльза была представительная внешность. Сухая, спортивная фигура, красивые, хоть и седые, волосы, мужественное лицо. Трудно, конечно, разглядеть человека сквозь колдовской туман его богатства. В глаза бросался прежде всего безукоризненный костюм и, конечно, окружавшее его золото: золотые запонки, золотой зажим для галстука, золотая зажигалка, золотые часы, золотые зубы.

Даффи прямо спросила:

– Вы, кажется, делаете унитазаы?

Чак удивился. Как правило, на светских приемах никто не говорил с ним о происхождении его миллионов.

– Э-э, да, так оно и есть, – ответил он. – Это – мой бизнес.

– Значит, у нас с вами много общего, – радостно сообщила Даффи. – Мой прадедушка изобрел первый в мире унитаза.

– Не может быть! – воскликнул умиленно Чак. – А мой дед первым запатентовал V-образный стояк для раковин. Скажите, мисс...

– Гудверт. Даффи Гудверт.

– Милая Даффи, если вы не заняты сегодня вечером, может, поужинаем где-нибудь вместе, в каком-нибудь уютном ресторанчике?

Полгода спустя Чарльз развелся со своей третьей женой, и Даффи стала четвертой. Наконец-то, с пафосом говорил Чак многочисленным друзьям, наконец-то, он нашел женщину, которая знает толк в его работе. Сидя с Даффи на диване, он мог теперь часами рассказывать о специальных клапанах, муфтах и фильтрах для очистки от грязи и жира. Частенько он сокрушался, что отец Даффи не дожил до этих светлых дней, и они не могут вместе разработать новый бачок или сливную систему. Даффи поддакивала и соглашалась, грустно опускающая ресницы.

Примроуз, конечно, возмущалась и была против их брака, называя поступок сестры «отвратительным». Вайолет тихо завидовала. Единственное удовлетворение ей доставляли теперь откровенно-томные взгляды, которые Даффи бросала на Пита во время своих редких визитов в их «цветочный рай». Сам же Пит, как это бывает с мужчинами, не замечал, что является объектом неумного вожделения. Он искренне восхищался успехами Чарльза, а к Даффи относился снисходительно. Пит видел в ней лишь красивую избалованную куклу, не способную вести домашнее хозяйство – серьезнейший недостаток в глазах такого практичного человека...

Даффи разгладила невидимую складку на платье и вышла в гостиную. Чак сидел в глубоком кожаном кресле и читал «Нью-Йорк Таймс».

– Нравится? – спросила Даффи.

– Что? – оторвался он от газеты. – Ах, платье! Да, конечно. По-моему, оно очень м-мм... э-э... очень модное!

– Ты разве не замечаешь, что чего-то не хватает?

– О! Право...

– Такое платье обычно носят с большой изумрудной брошью. Вот здесь, на груди.

– А где же брошь? Было бы очень красиво.

– К сожалению, сладкий мой, я оставила свои драгоценности дома.
 – Неужели нельзя купить брошь в Европе? Что-то я тебя не пойму! Магазин «Картье», кажется, на соседней улице. Позвони им, и пусть они доставят то, что тебе нужно, прямо сюда.

– Какой же ты догадливый, милый! – Даффи наклонилась, чтобы прижать на секунду к своей пышной груди седую голову мужа. Потом продолжила, лукаво улыбаясь: – Я так и сделаю. Хочу выглядеть сегодня вечером на миллион долларов.

– А что будет сегодня вечером?

– Ты забыл, что заказал столик в ресторане? Мы ужинаем с Уорреном.

– Извини, дорогая! – Чак опустил газету. – Уоррен позвонил и сообщил, что срочно улетает в Милан. Неувязки с поставками. Разумеется, он сожалеет о неудавшемся вечере и шлет наилучшие пожелания своей прекрасной маме.

– То есть мне! – Она оскорбленно пожала голыми плечами. – Ну, что ж...

– Между нами, Даффи, – кашлянул Чак, – я вовсе не уверен, что он полетел в Милан. Развлекается сейчас, наверное, с какой-нибудь блондинкой в латинском квартале. Или брюнеткой. Впрочем... – Он пожевал губами, будто что-то подсчитывал в уме, и снова уткнулся в газету.

– В любом случае, совершенно беспардонно с его стороны, – заметила Даффи. – Так испортить мне настроение! Что будем делать?

– Делать? Э-э... я полагал, что мы просто слегка перекусим в отеле. У меня много работы, милая.

– Ну, и скука! Я поужинаю с Кэти Прествезер, если ты не возражаешь.

– Кэти Пре... Пру... Кто?

– Прествезер. Ты знаешь. Мне представили ее здесь, в Париже.

Даффи подошла к телефону, подняла трубку и властным голосом проговорила:

– Дайте мне «Картье», пожалуйста. Хорошо... Пусть позвонят в номер. – Она повернулась к мужу. – Между прочим, Чак, ты не забыл заказать шампанское на мамин день рождения?

– Спасибо, что напомнила. Завтра я займусь этим лично. Ящик отборного шампанского будет ждать нас в Дувре.

Три часа спустя Даффи – в новом платье «от Кардена» и с громадной изумрудной брошью «от Картье» – вышла из такси у дверей ресторана «Максим». В зале метрдотель бросился к ней навстречу.

– У нас заказан столик на сегодняшней вечер, – сказала она и уточнила: – На имя мистера Уоррена.

– Да, конечно, мадам. Мистер Уоррен ждет вас, мадам. Прошу вас, мадам.

Тридцатилетний Уоррен, сын Чарльза от первого брака, заведовал парижским отделением фирмы отца. Выражение «красавец-мужчина», пожалуй, тут слабовато. «Ошеломительная красота» подходит больше, если учесть долю мексиканской крови, доставшейся Уоррену от его матери – танцовщицы и кинозвезды. Он вежливо встал, когда Даффи приблизилась, и произнес, учтиво склонив голову:

– Очень рад вас видеть, миссис. Жаль, что мой отец не смог прийти.

– У Чарльза много работы, – ответила Даффи серьезно. – Ему так и не удалось отдохнуть в Европе. Дела.

– Дела! Я понимаю.

Метрдотель ушел, а Уоррен раскрыл меню и, ловко прикрываясь им, взял Даффи за руку.

– Трудно было ускользнуть, дорогая? – нежно спросил он.

– Пустяки! – улыбнулась она.

– Он не подозревает?

– У него мозги работают в другом направлении.

– Когда я увижу тебя снова?

Даффи рассмеялась.

– Милый, мы же только встретились!

– Я знаю, любимая, но время бежит так быстро. Сколько еще пробудешь в Париже?

– В пятницу вечером мы уезжаем.

– Я надеялся хоть на две недели.

– Исключено. В субботу – мамин день рождения. Нам надо быть в Англии.

Уоррен сразу помрачнел.

– Ах, да! «Мамин день рождения»! Его нельзя пропустить.

Они обменялись понимающими взглядами. Большие синие глаза Даффи смотрели, почти не мигая.

– Конечно, милый, – ответила она. – И я не пропущу.

– Послушай, – протянул задумчиво Уоррен. – У меня есть одна идея...

Заказаны два билета на самолет из Женевы, «роллс-ройс» из Парижа и две каюты «люкс» на ночном теплоходе из Голландии. Упакованы шесть чемоданов, две дюжины роз «бак-кара» и ящик коллекционного шампанского. Все имеет пунктом назначения известный, знаменитый даже когда-то адрес – виллу «След лисы», расположенную в местечке Пламли-Грин в графстве Суррей.

2

– Вы хотели меня видеть, сэр? – спросил детектив Генри Тиббет, входя в кабинет шефа.

Он закрыл за собой дверь и встал в почтительном ожидании. Тиббет старался поддерживать хорошие отношения с высшим начальством в Скотланд-Ярде. Он мог только догадываться о причинах неожиданного вызова «на ковер», ведь в последнее время за ним не числились серьезные просчеты. В лучшем случае, намечались какие-нибудь перестановки в штатном расписании. В худшем – это могло быть что угодно.

«Ничего, сейчас все узнаю», – подумал Генри. Тем и славился его шеф, что отличался прямоотой характера и никогда не путался в трех соснах.

– А-а, это вы, Тиббет... Присаживайтесь, старина.

Генри сел. Начальник достал платок и тщательно протер стекла очков.

– Как освоились на новом месте? Хорошее помещение?

– Отличное, сэр. Все в полном восторге.

– Ну, ладно-ладно... Сигарету? Не возражаете, если я закурю трубку?

С растущим удивлением Генри взял предложенную сигарету. Вся эта увертюра была крайне необычна.

Шеф намеренно медленно раскурил трубку, попыхтел, пуская кольца дыма, и спросил:

– Как здоровье вашей жены? Надеюсь, все в порядке?

– Эмми чувствует себя прекрасно, спасибо, сэр.

– Э-э... Тут такое дело, Тиббет... – И шеф скрылся в облаке дыма. – Я вот думаю... Вы свободны в этот уик-энд?

– Сэр, если требуется поработать – я всегда готов.

– А жена?

– Сэр? – удивился Тиббет.

– Вы оба приглашены.

– Приглашены?

– Да. Кристал, – тут шеф закашлялся, – я хотел сказать, леди Балаклава, будет счастлива видеть вас среди своих гостей на приеме, который состоится в субботу в Пламли-Грин.

Генри промолчал, потому что ему нечего было сказать. Имя Кристал Балаклавы напом-

нило ему о чем-то очень далеко, вызвав почему-то четко направленные ассоциации: яркие дорогие журналы, фотографии светских красавиц... Только... Только все это было необычайно давно! Леди Балаклава... Такое экзотическое имя даже при желании трудно забыть. И Генри вспомнил. Когда-то она была звездой, блистала на приемах... Сколько же ей теперь? По меньшей мере, семьдесят! Что за черт...

– Наверное, мое предложение кажется вам очень странным, – не выдержал затянувшегося молчания шеф, слегка краснея под вопросительным взглядом Генри. – Вряд ли вы когда-нибудь встречали леди Балаклаву.

– Нет, сэр.

– Она лично позвонила в Скотланд-Ярд и... попросила защиты.

Наконец, Генри позволил себе немного расслабиться. Картина прояснялась.

– Но в таком случае, сэр, можно запросто поручить это дело местной полиции. Они либо дадут ей охрану, либо нет. Вот и все. А чего она, собственно, боится?

На лице шефа появилась кислая гримаса.

– Запутанная история нам досталась, Тиббет. В двух словах – леди Балаклава опасается за свою жизнь. Она считает, что кто-то хочет ее убить.

– Ну и ну! Что навело ее на такие мрачные мысли?

– В том-то и дело. Она не хочет говорить. Видимых причин, похоже, действительно не существует. Хотя можно объяснить и так – она – вдова, живет в громадном доме почти одна, не считая компаньонки, но...

– Если вы позволите, сэр, я замечу...

– Подождите, Тиббет, – шеф остановил его движением руки, – давайте я закончу. Ситуация – экстраординарная. Вам ясно?

– Да, сэр.

– Есть один момент. Вы совсем не знаете, кто такая леди Балаклава.

– Я пытался вспомнить, сэр. Кажется, я встречал ее имя в журналах много лет назад.

– Правильно. Леди Балаклава, или Кристал Малтреверс, дочь сэра Джайлза Малтреверса, засверкала в двадцатых годах как звезда первой величины. Вы ее не помните, потому что вас тогда еще не было на свете. Да и меня тоже. Вот мой отец... Впрочем, это неважно. Затем Кристал вышла замуж за Чарли Гудверта, сказочно богатого человека, торговца всякой кухонной утварью. По сравнению с Кристал он был уже старик. А вскоре Гудверт раздобыл себе титул и стал именоваться бароном Балаклава. Все это было в тридцатых годах. Кристал уговорила его тогда купить громадный дом в Лондоне, почти такой же большой, как их загородное поместье в графстве Суррей. Они... хм, точнее сказать, она закатывала такие вечеринки! Мой отец иногда брал меня с собой, когда его приглашали. Барона, конечно, я так ни разу и не видел. А во время войны он погиб. При одной из бомбежек Лондона бомба угодила прямо в его дом.

Кристал переехала за город – в Пламли-Грин. После войны она хотела вернуться к веселой жизни и пирушкам, но времена изменились. Разудалые компании больше не собирались. Кто умер, кто уехал за границу, а кто сменил имидж и стал более э-э...

– Респектабельным? – улыбнулся Генри.

– Я хотел сказать, ответственным, – хмыкнул в ответ начальник. – Впрочем, это – почти одно и то же. Как видите, мы с вами мыслим одинаково. Золотая бесшабашная молодежь превратилась в солидную публику, покоряющую вершины истеблишмента. Кристал стала чем-то вроде анахронизма. И вот теперь она обратилась к нам с такой странной просьбой.

– Полагаю, у нее до сих пор остались связи с влиятельными людьми.

– Великолечно, Тиббет! В этом все и дело. Рад, что мы понимаем друг друга. Кто только ни влюблялся в Кристал в те далекие годы! Даже сам кардинал обручился с ней, разумеется, до вступления в сан. А скандал с сэром Бэзиллом! Теперь никто не помнит, как молодой капитан посадил очаровательную танцовщицу на свой боевой корабль и рванул с ней через океан на курорт в Средиземном море. Сегодня тот капитан ходит в адмиралах. Улавливаете, Тиббет?

– Думаю, да, сэр.
– Отлично, отлично... Ну, тогда вопрос решен. – Шеф вздохнул, расположился поудобней в кресле и громко высморкался в платок.

– Мне все понятно, сэр, кроме одного. Почему местная полиция не может заняться этим делом?

– Не упрямитесь, Тиббет.

– Вы сказали, что леди Балаклава обратилась за помощью в Скотланд-Ярд...

– Да, и назвала ваше имя.

– Но я ее не знаю!

– Она вас знает. Я всегда был против того, чтобы в прессе упоминались фамилии наших детективов. Она прочитала об одном из ваших дел и была так потрясена, что не хочет никого другого. Именно поэтому она пригласила вас и вашу жену на уик-энд в Пламли-Грин. Об отказе не может быть и речи. В пятницу вечером вы должны, не опаздывая, явиться к ней на ужин. Адрес и прочие инструкции получите у моего секретаря. Вопросы есть?

– Есть, – сказал Генри.

Брови начальника удивленно поползли вверх.

– Какие?

– Если эта леди просит защиты...

– Я ведь уже говорил!

– И если она хочет, чтобы я лично ее охранял, то я не совсем понимаю цель моего визита к ней именно в этот уик-энд. Значит, она считает, что уже в понедельник она будет в полной безопасности? Или мы с женой поселимся у нее навсегда?

– Ах, да! Хорошо, что вы напомнили, Тиббет. Видите ли, у леди Балаклавы в эту субботу – день рождения, и к ней приедут ее родственники.

– Она полагает...

– Нет-нет, – махнул рукой шеф. – Ничего она не полагает. Но именно на этот уик-энд просит защиты.

– Ничего не объясняя?

– Абсолютно ничего. Старушкины причуды. Если бы это был кто-нибудь другой, я бы отказал. Но леди Балаклава... Пожалуйста, Тиббет, не забывайте, что вы будете действовать как бы неофициально. Надеюсь, вы с женой хорошо развлечетесь.

– Надеюсь, сэр, – сказал Генри.

– «След лисы»? – изумилась Эмми. – Невероятное название!

– Он так сказал, – ответил Тиббет. – «След лисы», графство Суррей. Думаю, это не может быть настоящим названием.

– Наверное, какая-нибудь современная ужасная вилла. Кошмар!

– Мы скоро увидим.

Генри свернул с шоссе на проселочную дорогу, незаметную среди густых высоких деревьев. Под колесами машины зашуршала трава. Несколько минут они ехали в этом зеленом тоннеле, пока не обнаружили табличку, висевшую на ветке дуба. «След лисы» – было написано на поржавевшей металлической пластинке.

Дорога, посыпанная когда-то гравием, превратилась в узкую колею, заросшую вереском и кустарником. Затем деревья немного расступились, а после очередного поворота машина выехала на поляну, являющуюся одновременно и двором.

– Господи! – воскликнул Генри.

– Я же тебе говорила, – сказала Эмми.

Дом, стоявший перед ними, был своеобразным и в первые месяцы после постройки, наверное, выглядел весьма впечатляюще – немыслимое нагромождение кубических форм из когда-то ослепительно-белого бетона. Теперь же, полвека спустя, стены потемнели, покрылись плесенью, металлические рамы поржавели – и вся модернистская конс-

трукция казалась кучей картонных ящиков, заброшенных сюда ветром во время грозы.

С явной запущенностью дома и дороги к нему резко контрастировал аккуратный газон, украшением которого был фонтан в форме саксофона. В прозрачной чистой воде плавали розовые и белые лилии. А цветочные клумбы вокруг можно было назвать произведением искусства. «Кто-то вкладывает немало труда в этот миниатюрный садик», – подумал Генри.

Рядом с домом стоял открытый «бентли» тридцатых годов, но в отличном состоянии. Они с Эмми подошли к дому, Генри нажал кнопку звонка, и за дверью раздалась сложная мелодия.

– Все это начинает быть забавным, – хмыкнул Генри.

– По крайней мере, в этом точно что-то есть, – мрачным тоном заметила Эмми.

Они подождали. Но, кроме музыки, ничего не услышали. Генри снова нажал на кнопку.

– Долли! – раздался высокий чистый голос. – Долли, дорогая! Открой дверь! – И через минуту: – А, чтоб тебя!

Послышался стук высоких каблуков на паркете, и дверь распахнула сама леди Балаклава.

– Мои дорогие! – воскликнула она. – Как хорошо, что вы приехали!

Генри отметил, что она по-прежнему – очень красивая женщина.

– Вы ведь Генри Тиббет? – продолжала она. – Не так ли? А это – миссис Тиббет? Чудесно! Проходите в дом, и я предложу вам великолепный коктейль.

Она посмотрела чуть выше его плеча, Генри повернулся и обнаружил массивную фигуру, идущую к ним по лужайке. На таком расстоянии было трудно различить, женщина это или мужчина.

– Ты звала меня, Крис? – спросила фигура грубоватым голосом. – Что случилось?

Леди Балаклава выглядела раздраженной.

– Ну, наконец-то, Долли, ты появилась. Прибыли мистер и миссис Тиббет.

– Вижу, – буркнула Долли.

Генри смог разглядеть лицо, почти скрытое под преувеличенно-густой маской косметики. Долли почесала голову секатором и добавила:

– Так проводи их в дом и дай им чего-нибудь выпить.

– Я думала, что ты откроешь двери, дорогая, – слегка обиделась Кристал.

– Мне надо было опрыскать азалии, – сказала Долли и резко повернулась к гостям: – Я – Дороти Трип, но обычно меня зовут Долли. – Она оскалила зубы в хищной улыбке. – Очень приятно познакомиться, но я должна вернуться к моим азалиям. Увидимся еще. – И тяжело зашагала по газону.

Леди Балаклава вздохнула:

– Долли обворожительна, вы не находите? Мы с ней – очень старые друзья.

Она проводила Тиббетов в большой холл, отделанный белым и черным мрамором. Витая лестница спускалась прямо в центр холла. Здесь был только белый мраморный столик, на котором стоял телефон.

– Чемоданы оставьте тут, – сказала леди Балаклава. – Долли потом отнесет их наверх.

Гостиная была тоже в старинном стиле, но очень удобная. Кристал сама приготовила коктейль в серебряном шейкере, затем налила белую ледяную жидкость в два бокала и критически посмотрела на Эмми.

– Тебе очень пойдет черный цвет, моя дорогая. Полнота будет меньше заметна.

Эмми вовсе не обиделась. Она улыбнулась и сказала, что действительно предпочитает черное, но не в такой теплый вечер.

– В конце концов, – добавила Эмми, – я же не на похороны сюда приехала.

– Конечно, нет, дорогая, – сухо произнесла леди Балаклава и наполнила свой бокал. – Садитесь, и я все объясню. Прежде всего, хочу заметить, что Долли не знает, кто вы такие. Она бесподобна, конечно, но, честно сказать, малость туповата. Она думает, что вы – друзья сэра Бэзила. Полагаю, вы знаете, о ком речь?

– Разумеется, я знаю сэра Бэзила, но не имел чести быть лично с ним знаком, – заметил Генри.

– А я думала, что он самый главный в Скотланд-Ярде!

– Конечно, главное управление осуществляет общее руководство...

– О, ради Бога! Не мучьте меня этими деталями!

– Мой шеф сказал, что вы просили прислать именно меня. А вдруг мисс Трип тоже знакомо мое имя?

– Ни в коем случае! Долли не читает газет. В принципе. А как зовут вашу жену?

– Эмми.

– Очень красивое имя. Ну, что ж... Вас уже ввели в курс дела?

– Вы думаете, что вас хотят убить?

– Я знаю это, – спокойно ответила Кристал.

– Но почему?..

– С вашего позволения, я выпью еще бокальчик, а затем все объясню. – Кристал снова наполнила бокал, села на кожаный диван и закурила сигарету. – Вы знаете, конечно, кто я такая?

– Миссис Гудверт, урожденная Малтреверс, более известная как баронесса Балаклава. Вдова, – ответил Генри.

– Вы хорошо выгучили урок, – усмехнулась Кристал. – Бедный Чарли! Вы не были с ним знакомы, полагаю?

– Боюсь, что нет.

– Все говорили, что я вышла за него из-за денег. И конечно, это совершенная правда. Не смотри на меня так, Эмми. Вас, молодых, очень легко удивить. Но мне надоела нищая аристократия, а Чарли дал мне все.

– Он был крупный промышленник, кажется, – заметил Генри.

– Его дед изобрел унитаз, – сказала леди Балаклава, – и этим покорила мир. Не будем вдаваться в подробности. Чарли был богатый человек. Очень богатый. А затем он купил себе титул и стал лордом Балаклавой. Просто потому, что его особняк назывался «Балаклава-терраса». Ах, милый Чарли! У него было чувство юмора. Моих дочерей от этого брака, – продолжала она, – зовут Примроуз, Вайолет и Даффи. Чарли очень любил свою мать, которую звали Дейзи. Слава Богу, она умерла раньше, чем я с ним познакомилась. Но у него осталась мания давать девочкам имена цветов. Я хотела протестовать, но он пригрозил, что вычеркнет меня из завещания. Конечно, я уступила. А тут и он сам отправился на небеса. Погиб при бомбежке. Его тело так и не нашли. Что касается этого дома, мы приглядели это местечко давно. А затем я пригласила Дэви Джонса, архитектора, и его друга дизайнера. Затраты оказались огромными, и Чарли чуть с ума не сошел. Но домик вышел ничего, а? Когда Чарли отправился на облака, я и Долли переехали сюда жить, потому что от его дома осталась только огромная дыра в земле. Я присутствовала на чтении завещания, конечно, таким было требование Чарли. Он всегда был такой, когда речь заходила о бизнесе... Так на чем я остановилась?

– На завещании, – подсказал Генри.

– Да. Мне, с моими куриными мозгами, трудно было понять смысл этого завещания. Кажется, он сводился к тому, чтобы я не заграбастала сразу все, а получала только скудную ренту. А вся сумма предназначалась для девочек. Но лишь после моей смерти. Каждая из дочерей имеет свою крошечную ренту, а капитал тем временем все растет и растет. Вот так! После моей смерти эта огромная сумма делится на три части, и деньги получают мои дочери. Поэтому кто-то хочет меня убить.

Генри наклонился вперед.

– Мне бы хотелось знать...

– Крис! – раздался голос из холла.

– Мы в гостиной, дорогая! – ответила Кристал. И кивнула Генри: – Продолжайте.

– Кто-то из ваших дочерей, или все они...

Дверь открылась, в комнату вошла Дороти Трип. Она плюхнулась на кушетку, широко расставив ноги.

– Хорошо бы выпить. А то эти азалии меня убьют.

Кристал улыбнулась, глядя на Генри.

– Мы поговорим позже, Генри, дорогой. А тебе, Долли, надо, между прочим, отнести чемоданы наверх.

– Я уже их отнесла, – ответила Долли.

– Ангел мой, – протянула Кристал, а когда Долли встала и взяла шейкер, добавила: – Генри только что рассказывал мне последние сплетни про Бэзила, дорогая. Уж-жасно, уверяю тебя!

Долли зарычала:

– Бэзил всегда был дураком! Что еще он натворил?

– Генри, расскажи ей, – сладко пропела Кристал.

3

Его выручила Долли.

– Крис, ты болтаешь ерунду, – сказала она. – Собираешь старые сплетни. Бэзил давно уже не тот, и с ним не стыдно появиться в приличном месте. Я даже знаю, о чем эта история. Наверняка о серьгах жены боливийского посла.

– Что вы об этом знаете? – быстро спросил Генри.

– Все – вранье. Эта кошечка сама придумала всю историю от начала до конца. В любом случае, это было тоже давным-давно. – Она налила себе бокал и выпила коктейль одним глотком. – Значит, завтра великий день? Когда вся банда приедет?

– Никакой банды, – обиделась Кристал. – Только девочки и их мужья. И Тиббеты, конечно.

– Это уже легче. – Долли повернулась к Эмми: – А вы тоже приготовили сюрприз?

– Сюрприз? – удивилась Эмми.

– Это такая семейная традиция, – начала объяснять Кристал. – Каждая из девочек привозит мне свой особенный подарок. Это придумал Чарли, старый сентиментальный дурак. Девочек, однако, забавляет.

– И какие могут быть сюрпризы? – спросил Генри.

– Я как раз собиралась все сказать. Примроуз – моя старшая дочь. Она замужем за врачом-французом по имени Дюваль и живет в Швейцарии. На мой день рождения Примроуз всегда привозит мне огромный швейцарский торт. Вайолет и Пит – цветы, что естественно, ведь Питер зарабатывает на жизнь цветами, он такой симпатичный мужчина. Ну, и, конечно, Даффи и Чак всегда привозят шампанское.

– Почему – конечно?

– Потому что Чак настоящий миллионер из Техаса. Даффи – очень умная девочка.

– Значит, у всех ваших дочерей мужья иностранцы? – заметила Эмми.

– Так уж получилось, – засмеялась Кристал. – Долли, ты что-то сказала, дорогая?

– Я кашлянула, – уточнила Долли и встала. – Мне надо переодеться. Идемте со мной. Вы будете жить в Черной комнате.

Генри и Эмми послушно вышли и стали подниматься за Долли по витой лестнице.

Комната производила впечатление. Стены, мебель, портьеры, даже простыни на кровати были черные, а ковер, шелковые покрывала и телефон – белые. Во весь потолок – матово-жемчужное зеркало.

– Ваши чемоданы – в шкафу, – проворчала Долли, – ванная там – тоже черная, конечно. Вас еще не мутит?

– Простите?

– Потолок. Из-за него некоторых гостей выворачивает наизнанку. Как в качку на корабле.
– Думаю, мы выдержим, – улыбнулся Генри. – Мы не страдаем морской болезнью.
– Ну, что ж, инспектор, – неожиданно заявила Долли. – Как говорится в книгах, очень рада вас видеть. – И посмотрела ему прямо в лицо. – О, я полагаю, Крис сказала вам, что я не знаю, кто вы такой. Какая же она все-таки дура! Она объяснила, зачем вы здесь?

– В двух словах. И вы как раз вошли в гостиную.

– Ну, да. У Крис появилась сумасшедшая идея – что одна из девочек хочет ее убить.

– Сумасшедшая?

– Конечно.

– Деньги – сильный мотив.

– Вздор! У Даффи муж – миллионер. Вайолет нравится скромная простая жизнь с Питом. Прим и Эдуард тоже прекрасно живут, кроме того, Примроуз просто обожает свою мать.

– Тогда откуда у леди Балаклавы появилась такая странная мысль?

Долли прорычала:

– Вот пусть сама и скажет вам! Смешно!

– Если это смешно, то почему вы сказали, что рады меня видеть?

– Да только потому, что Крис будет чувствовать себя спокойней. Вы слышали о сюрпризах? Так вот, Крис убеждена, что один из них отравлен.

– Не представляю, что кого-то можно отравить букетом роз, – заметила Эмми.

– Значит, вы не читали все эти детективные романы, которыми зачитывается Крис, – продолжала Долли. – По мнению одного из авторов, можно обрызгать цветы таким составом, что любой дурак, понюхав, тут же очокурится. Ну, торт, естественно, с цианистым калием. И шампанское...

– А вот тут возникает проблема, – перебил ее Генри. – Бутылку обычного вина можно открыть и подсыпать туда яд. Что касается шампанского...

– Вы правы, конечно, – согласилась Долли, – и, честно говоря, вся эта идея не кажется Крис действительно серьезной. У Даффи и Чака нет ни малейшей причины убивать Кристал. Но все же, ради интереса, она решила и эту проблему. Крис уверяет, что яд можно впрыснуть шприцем через пробку. Ну, и, конечно, существует старый испытанный способ – подсыпать яд в бокал.

– Если предположить, что или шампанское, или торт, или цветы отравлены, то что может сделать Генри? – спросила Эмми.

Долли рассмеялась хриплым смехом.

– Ценный вопросик! И я вам открою секрет. Крис хочет, чтобы Генри все предварительно понюхал и попробовал – прежде, чем это сделает она.

– Ничего себе! – воскликнул Генри.

– Она считает, что вы сразу заметите, если что-нибудь не так.

– Конечно, мы все заметим, – возмущенно проговорила Эмми. – Когда он умрет, это сразу все заметят.

– Не воспринимайте так трагически. Генри – профессионал, и он должен унюхать преступление в зародыше.

– Но я так понимаю... – начал Генри.

– Никто не должен знать, кто вы такой! – Долли снова рассмеялась. – Все в порядке! Девочки будут думать, что вы друг сэра Бэзила.

– А вы сами что думаете о подозрениях леди Балаклавы? – спросил Генри.

– На первый взгляд, все это смешно. С другой стороны, я слишком давно знаю Крис и научилась понимать ее. Что-то может случиться. Держите ухо востро, инспектор! – И, загасив свою сигару в пепельнице у постели, Долли вышла из комнаты.

Генри и Эмми распаковали вещи, переоделись и через некоторое время тоже спустились вниз.

Кристал сидела на софе, пила коктейль и курила сигарету, вставив ее в длинный мунд-

штук. Спинай к двери сидели двое мужчин. Они повернулись, и Генри не удивился, обнаружив, что один из них – это Долли, одетая в черный вечерний костюм, опять же брючный.

Кристал воскликнула:

– Ах, это вы, мои дорогие! С Долли вы уже знакомы. А это – доктор Гриффитс. Тони, познакомься, это – Генри и Эмми Тиббет, старые друзья Бэзила, из Лондона. Ты помнишь Бэзила? Долли, дай что-нибудь выпить! Генри умирает от жажды. И, наверное, от голода. У нас есть в доме еда?

– Конечно, есть, – проворчала Долли.

– Долли – просто чудо, – заметила леди Балаклава. – Она делает еду прямо из воздуха. Не знаю, как ей это удается!

– Не знаешь, да? – снова буркнула Долли. – Бокальчик для тебя, Тони? Что касается еды, то креветки готовы.

Кристал заулыбалась.

– Вы видите? Чудеса! Что бы я делала без тебя, Долли, дорогая!

Долли неожиданно покраснела и пробормотала:

– Стараюсь, как могу. И всегда очень старалась.

В это время зазвонил телефон, и она быстро вышла в холл.

Доктор Гриффитс взял свой коктейль и застенчиво обратился к Генри:

– Значит, вы друг сэра Бэзила?

– Я с ним едва знаком, – быстро проговорил Генри, которому надоела эта тема.

Наступило неловкое молчание.

– Тебе так идет черное платье, Эмми, – прервала его Кристал. – Ты в нем гораздо худее.

Эмми сладко улыбнулась в ответ.

– А вам так идет оранжевое. Вы в нем гораздо толще.

К ее удивлению, Кристал осталась довольна.

– Ты должна приезжать к нам чаще, Эмми, дорогая. С тобой приятно поболтать.

В комнату снова вошла Долли.

– Звонили с почты. Телефонограмма.

– Что? – заволновалась Кристал.

– Из Лозанны. Эдуард извиняется, но его срочно вызвали на конференцию. Примроуз придет одна.

Кристал явно успокоилась.

Ужин прошел весело. Генри и Эмми говорили мало, наслаждаясь креветками.

Затем Кристал встала и пригласила Генри в библиотеку.

– Крис, – сказала Долли, – ты же обещала...

– О, перестань! Это не то, что ты думаешь.

Библиотека была в дальнем конце дома. Небольшая комната, очень уютная. Генри заметил на полках полное собрание сочинений Диккенса, много Киплинга и ранние сочинения Пристли.

Леди Балаклава закрыла дверь и подвела Генри к столу, который, в отличие от книг, не был покрыт пылью.

– А теперь я покажу тебе игру, в которую могут играть только двое. – И она рассмеялась. – Не бойся, дорогой.

Кристал достала из ящика стола колоду карт и разложила их вокруг обычного стеклянного бокала. Но сами карты были необычные. На каждой нарисована буква.

– Я ничего не понимаю в спиритизме, – заметил Генри.

– Сейчас научу. Садись. Давай твои руки. Так, пальцы касаются моих пальцев. Кольцо должно оставаться неразорванным.

Генри сделал, как ему велели.

– Что теперь?

– Тихо!

Прошла минута. Генри подумал, что прошел целый час. Время тянулось очень медленно. Он уже начал терять терпение, когда бокал шевельнулся и стал слегка подрагивать, касаясь то одной буквы, то другой.

«Ч-А-Р-Л-И».

– Ваш покойный муж? – спросил Генри.

Кристал кивнула. Затем обратилась к бокалу:

– Скажи нам, что ты сказал мне.

Бокал посомневался. Медленно, будто нехотя, он выписывал свое послание. «О-П-А-С-Н-О-С-Т-Ь». И добавил – «У-Б-И-Й-С-Т-В-О».

– Кого убьют? – спросила Кристал.

«К-Р-И-С».

– Кто убьет?

«Н-Е-С-П-Р-А-Ш-И-В-А-Й». И снова – «О-П-А-С-Н-О-С-Т-Ь».

– Не будь идиотом, Чарли! – воскликнула Кристал. – Кто собирается меня убить?

Бокал запрыгал через стол, явно направляясь к букве «Д».

В это время дверь распахнулась, и в библиотеку влетела разъяренная Долли.

– Кристал!

Что случилось затем, Генри не понял. Он разжал пальцы, и леди Балаклава – тоже. Бокал подпрыгнул до потолка и упал на стол, разбившись вдребезги.

– Тони хочет попроситься, – сказала Долли. – Он уходит, Крис.

– Ну, и пусть уходит, – равнодушно ответила леди Балаклава.

– Попрошайся с ним, – не отступала Долли.

– Черт бы тебя побрал, – разозлилась Кристал и встала из-за стола. – Хорошо. И дай пластырь для Генри. Боюсь, что Чарли его слегка укусил.

Генри посмотрел на свою руку. Действительно, палец был в крови, и кровь стекала и капала прямо на карту с буквой «Д». Когда он поднял глаза, Кристал уже ушла.

Долли достала из ящика стола пластырь и заклеила Генри палец. Из того же ящика она достала тряпку и смахнула осколки стекла в мусорную корзину.

– Значит, вот откуда леди Балаклава берет информацию, – задумчиво протянул Генри.

– Похоже на то, – ответила Долли.

– А почему вы мне не сказали?

– Вы бы не поверили. И это не имеет ко мне никакого отношения! – неожиданно выкрикнула Долли.

– Лорд Балаклава не успел сообщить, кто хочет убить его... гм-м... вдову.

– Оно и к лучшему.

– Да? Почему же?

– Потому что он врет!

Она взяла корзинку и вышла из комнаты. Генри постоял и тоже вышел. В холле никого не было, а в гостиной сидела Эмми и держала в руках пустую чашку из-под кофе.

– Идем спать, – обратился к ней Генри.

– В эту черную комнату?

– По крайней мере, там тихо и спокойно. Мы должны отдохнуть. Завтра будет тяжелый день.

4

Генри и Эмми только закончили завтракать, когда услышали скрип гравия во дворе, а затем чей-то женский голос.

– Привет! Кто-нибудь есть дома?

Они были в кухне одни.

– Ты думаешь, мы должны... – Эмми положила ложку и посмотрела на Генри.

– Да. Долли в теплице, а Кристал вряд ли проснется до обеда.

– Интересно, кто бы это?.. – начала Эмми.

Но на ее вопрос тут же ответили.

– Мамочка! Это мы – Даффи и Чак. Где же ты, дорогая?

– Пошли, – сказал Генри. – Надо их встретить.

Даффи стояла в холле, излучая великолепиие, в новом костюме «от Кардена».

– Хелло, – поздоровалась она. – Кто вы такой?

– Меня зовут Генри Тиббет, – ответил Генри. – Это – моя жена Эмми. Мы приехали в гости на уик-энд. А вы, должно быть, миссис Швахеймер.

– Зовите меня Даффи. А где мама?

– Спит, насколько я знаю. Долли работает в теплице.

– А вот и Чак. Это мой муж. Сладкий мой, познакомься с Генри и Эмми Тиббет.

Мистер Швахеймер вошел, неся ящик шампанского самой известной марки.

– Привет! – коротко бросил он. – Даффи, куда поставить это?

– Поставь на пол, милый. Долли за всем присмотрит.

Немного неуклюже Чак опустил ящик с шампанским на пол, затем выпрямился и вытер вспотевший лоб шелковым носовым платком.

– Полагаю, мы приехали первые? – спросила Даффи.

– Да, – ответила Эмми. – Вы еще не завтракали? Все готово...

– Знаю, знаю. На кухне. Долли, конечно, все приготовила с вечера, и все, что нам осталось сделать, это сварить яйца. Пошли, милый, мы этим сейчас и займемся.

И чета Швахеймеров исчезла.

Вдруг входная дверь открылась, и они услышали голос Долли:

– Что за черт? О, простите! Уже приехали?

– Долли, дорогая! – воскликнула Даффи. – Как я рада тебя видеть!

– Мисс Долли. Извините, что я в фартуке, – хмыкнул Чак. – Я варю яйца...

Долли отрезала кусок пирога.

– Ваше первое задание – привезите Вайолет и Пита со станции. Паром прибывает в Харвик. Они будут на Ливерпуль-стрит в одиннадцать и возьмут такси до «Ватерлоо». Если успеют, сядут на поезд, отправляющийся в 11.45. Если нет, вам надо будет подождать следующий.

– Целый час торчать на вокзале! – возмутилась Даффи.

– Тебе – нет, а Чаку придется.

– Но, Долли...

– Вряд ли Ви успеет на 11.45.

– Пусть позвонит!

– Хватит кукситься, Даффи.

– Хорошо, мисс Долли, – примирительно произнес Чак. – Я встречу Вайолет и Пита на станции. Если надо, подожду. И, наверное, надо встретить Примроуз и Эдуарда.

– Только Примроуз.

– Что? – воскликнула Даффи. – Эдуард не приедет?

– У него срочная конференция.

– Мама, очевидно, в ярости.

– Наоборот. Мне кажется, она восприняла эту весть довольно спокойно.

– А все-таки жаль, что Эдуард пропустит этот вечерок, – буркнул Чак себе под нос.

Даффи строго взглянула на мужа, затем повернулась к Долли.

– Есть еще для нас работа?

– Только открыть шампанское. Как всегда. Примроуз, естественно, привезет торт.

– Никаких дурацких гостей на этот раз?

– Кроме мистера и миссис Тиббет, – сухо заметила Долли.

– Ах, да, конечно. Мы уже знакомы. Я не имела в виду...

– Мы все знаем, что ты имела в виду, Даффи, – прервала ее Долли. – Ладно, я пошла в теплицу опрыскивать цветы. Увидимся позже. – Она вышла, сильно хлопнув дверью.

Через несколько минут на металлической лестнице послышался цокот шпилек, и леди Балаклава в облаке дорогих духов сошла вниз. На ней был розовый пеньюар, перевязанный розовым боа.

– Мои дорогие! – воскликнула она.

– Леди Кристал, – произнес Чак, встав из-за стола и подавившись яйцом.

– Хэлло, мамочка, – скучным голосом поздоровалась Даффи. – Ты шикарно выглядишь.

Леди Балаклава критически уставилась на свою дочь.

– Новая брошь?

– Купила недавно в Париже.

– Я бы такую не купила.

Чак побледнел.

– По-вашему, она не слишком хороша, леди Кристал?

– Изумруд приносит несчастье. Это всем известно. Ты играешь с судьбой, Даффи.

– Я не суверна и люблю поиграть. Твой кофе, мамочка.

Леди Балаклава села в кресло, положила сахар в кофе и стала помешивать ложечкой.

– Долли сказала вам, что надо ехать на станцию? Наш «бентли» сломался.

– Мне это не очень нравится, если откровенно.

– Сожалею. Я не могла просить мистера Уинкфилда...

– Вот именно! Ты не могла попросить этого мистера Уинкфилда и просишь нас!

Леди Балаклава была невозмутима.

– Конечно. Ведь мы – одна семья.

Даффи засмеялась.

– Мамочка, я тебя обожаю!

Начался сугубо семейный разговор. Генри и Эмми вышли в сад подышать. Эмми села на лавочку у фонтана.

– По-моему, это – самое необычное твое задание, дорогой. Они тут все такие чудные. Например, Чак. И Долли...

– Долли, мне кажется, стоит в самом центре этой шарады. Может, нанесем ей визит?

Теплица была в дальнем углу сада, туда вела тропинка, начинающаяся сразу за дверью кухни.

Окна в теплице были открыты, и они увидели, как Долли ходит между растениями в большой странной шляпе, резиновых перчатках, держа внушительных размеров опрыскиватель.

– Вот дурачье! – закричала Долли, увидев их. – Убирайтесь немедленно отсюда!

– Мы хотели с вами поговорить, – сказал Генри.

– Это – запросто. Но не входите. Тут – отравка.

Генри почувствовал неприятный запах.

– Инсектицид?

– Жуткая вещь. Очень опасная.

– Зачем вы им пользуетесь, если он так опасен? – спросила Эмми.

– Потому что эффективно, моя дорогая. Так о чем вы хотели со мной поговорить?

– О спиритизме.

– Нонсенс! Вы верите в такие штучки?

– Неважно, верю я или нет. Важно, что леди Балаклава в это верит.

– Ну, и дура.

– Она объяснила мне, что это – игра для двоих.

– Чепуха!

- Почему же вы в нее играли?
- Я?!
- А кто еще?
- Вы неправильно поняли, мой друг. Я от таких вещей держусь подальше. Это – опасней, чем «Летучая смерть».
- Значит, вы должны знать напарника леди Балаклары.
- Долли помолчала, затем ответила:
- По четвергам я люблю ходить в кино. И по четвергам к нам любит заглядывать Тони Гриффитс, чтобы побыть с Кристал наедине.

5

Действительно, Вайолет и Пит прибыли поездом на 12.43, а примерно в час дня «роллс-ройс» привез их со станции.

Генри и Эмми, последовав совету Долли, решили прогуляться в лесу. Они вернулись после двенадцати. Кристал сидела в гостиной. Генри спросил, какие будут еще инструкции для него на этот день, и Кристал ответила:

– Прилепись ко мне и делай то, что я велю, Генри, дорогой.

В это время подкатил «роллс-ройс». Долли выскочила из кухни и побежала приветствовать гостей.

Затем все прошли в комнату, и Эмми поразил контраст между двумя парами. Швахеймеры были такие лощеные, они словно излучали вокруг себя богатство, его особый аромат. Счастливая пара.

Собственно, о ван дер Ховенах нельзя было сказать, что они бедны. Но их чересчур показное отношение к своим новеньким безукоризненным костюмам характеризовало людей с небольшим достатком, одетых в то лучшее, что у них есть.

Генри и Эмми поздоровались с ними, и тут вошла Долли. Она несла вазу, в которую успела поставить две дюжины великолепных темно-красных роз, затем уткнулась носом в букет.

– Чудесно пахнут! Божественно. Пит, ты – гений!

Кристал всплеснула руками в притворном испуге.

– Дура! Я не должна видеть мои подарки до самого вечера! Убери их отсюда!

– О, ладно-ладно... – проворчала Долли. – Это глупо с моей стороны.

– Дайте мне розы, Долли, – выступил вперед Чак. – Я отнесу их пока на кухню.

Постепенно напряжение улеглось, все разместились. Даффи флиртовала с Питом, Вайолет смотрела влюбленными глазами на мать, все время поддакивала, что бы Кристал ни сказала, и преувеличенно громко смеялась над ее шуточками. Чак нашел благосклонную слушательницу в лице Эмми и с удовольствием объяснял ей все тонкости, связанные с работой унитазов. Генри взял свой бокал, отошел к окну и встал рядом с Долли, которая молча смотрела на залитую солнцем лужайку.

– Мне бы хотелось знать, как он это делает, – заговорила она.

– Кто и что делает? – спросил Генри.

– Пит, – ответила Долли. – Эти свои розы.

– Он ведь – профессионал, не так ли?

– Какая разница! Конечно, у себя в Голландии он может достать разные химикаты, которые мне и не снились, но...

– Говоря о химикатах, – перебил ее Генри, – мне очень интересно, где вы держите свою столь опасную «Летучую смерть»?

Долли посмотрела на него скептически.

– Великий сыщик за работой? Извините, конечно. Но если это вас интересует, я держу инсектицид в теплице, которую закрываю на замок, а ключ постоянно ношу с собой. – Она

похлопала себя по карману вельветовых бриджей и добавила: – Ведь никто из этих дураков не знает, как это опасно.

– Кроме Пита ван дер Ховена.

– О, да! Конечно. Кроме Пита. – Долли рассмеялась хриплым смешком и повторила: – Кроме Пита, конечно.

После ланча Кристал заявила, что хотела бы еще прилечь, и ушла к себе в спальню. Швахеймеры поднялись в свою комнату. Им надо было распаковать вещи, а затем снова ехать на станцию, встречать Примроуз.

Генри и Эмми предложили Долли помочь вымыть посуду. Их предложение было неожиданно принято.

– Очень мило с вашей стороны, а то у меня дел полно.

Эмми принялась за мытье посуды, а Генри взял чистое полотенце.

– А вот и подарки леди Балаклавы, – сказал Генри. – Розы и десять бутылок шампанского. Две бутылки, должно быть, уже в холодильнике. А в той коробке с красным бантом что? Подписано: «Крис от глупой старой Долли». Торт придет позже, вместе с мадам Примроуз...

– А от нас – ничего, – огорчилась Эмми. – Это ужасно, Генри. Давай пойдем в деревню и купим коробку шоколадных конфет или еще что-нибудь.

– Хорошая мысль, – согласился Генри. – Но лучше ты сходи одна. Я должен быть здесь.

И Эмми отправилась в Пламли-Грин, а Генри сел на диван в гостиной, поближе к окну, чтобы видеть всех, кто входит и выходит, и взял в руки газету.

Пока ничего особенного не происходило.

Долли вышла из своей комнаты, спустилась по лестнице и протопала в сад. Вскоре после этого вниз спустились Швахеймеры и тоже вышли на лужайку. Они минуту поговорили с Долли, затем сели в «роллс-ройс» и уехали – слишком рано, изумился Генри. Долли закончила возиться в саду и ушла в теплицу. Ван дер Ховены вернулись с прогулки. Точнее, вернулась Вайолет. Генри слышал ее легкие шаги, когда она поднималась по лестнице. Через десять минут из леса появился Пит, пересек лужайку, но не вошел в дом, а вместо этого направился в теплицу и стал оживленно беседовать с Долли.

Швахеймеры вернулись в пять часов и привезли Примроуз Дюваль с тортом из кондитерской Боне в Лозанне. Все трое вошли через парадную дверь. Генри слышал, как Даффи говорила:

– Мама спит, конечно. Вайолет и ее Летучий Голландец, наверное, тоже в постели. Долли возится со своими азаниями. Еще эта странная парочка – мистер и миссис Тиббет.

– Мамины друзья?

– Да, наверное. Но какие-то необычные. Тихие, очень воспитанные. Мне кажется, мама что-то задумала.

Раздался голос Чака:

– Давайте торт сюда, Примроуз, и я поставлю его рядом с остальными подарками.

Через минуту на лестнице раздались его тяжелые шаги, и все стихло.

Затем Эмми вернулась из деревни с коробкой конфет – лучших, какие можно было купить в Пламли-Грин.

– Замечательная тут природа! – воскликнула она. – Сосны, тропинки и чудесный пейзаж. Отнеси это пока на кухню.

Она подала Генри коробку конфет вместе с поздравительной открыткой. На открытке было написано стандартное – «С днем рождения!»

Генри достал авторучку и добавил: «С наилучшими пожеланиями от Генри и Эмми Тиббет».

На кухне, в шкафу, он увидел еще одна большую коробку – белую, с красивой этикеткой. Генри осторожно приоткрыл крышку. Внутри был роскошный, просто фантастический торт.

Среди сахарных роз стояло маленькое швейцарское шале, марципановое, с крышей и ставнями из шоколада и прозрачным засахаренным розовым лепестком вместо двери. Вокруг этого шедевра вились слова поздравления из крема нежного фисташкового цвета. Генри закрыл крышку и сверху положил свою скромную коробку конфет. Он хотел закрыть шкаф, но вдруг заметил красный флакон с крупными белыми буквами – «Летучая смерть».

Буквы чуть поменьше рекомендовали использовать содержимое как отраву для насекомых в теплице. Шрифтом еще мельче советовалось надевать при этом резиновые перчатки и беречь глаза. И совсем маленькими буквами, которые трудно было прочесть невооруженным глазом, говорилось, что вдыхать «Летучую смерть» ни в коем случае недопустимо, ибо даже ничтожная доза может быть смертельна.

– Наверное, этой гадостью Долли опрыскивает свои азалии, – заметила Эмми.

– Именно, – подтвердил Генри. – И эта гадость должна быть в теплице и надежно закрыта на замок. Но никак не на кухне!

– Долли ошиблась... – начала Эмми и замолчала.

На кухне царил идеальный порядок. Нет. Долли не могла ошибиться.

– Мы не оставим этот яд здесь, – сказал Генри. – Я заберу флакон с собой и закрою в ванной комнате. А теперь идем, нам надо успеть переодеться к обеду.

Когда пробило шесть часов, Генри и Эмми сошли вниз. Они обнаружили, что в гостиной все уже готово к торжеству. Неутомимая Долли потрудились в их отсутствие. Стулья были расставлены вокруг невысокого мраморного стола, на котором красовались подарки.

Торт – в центре, а по бокам – коробка конфет и розы. Две бутылки шампанского в ведерках со льдом и девять изящных фужеров на высоких тонких ножках. Однако в комнате пока никого не было. Генри быстро достал платок и протер и без того сияющие фужеры в форме тюльпанов. Он не хотел полагаться на случай.

Уже через пять минут все гости заняли свои места – ждали только леди Балаклаву.

Дверь распахнулась, и она величественно вступила в комнату. Это было поистине впечатляюще. В золотой тунике, расшитой жемчугом и украшенной страусиными перьями, с длинным мундштуком, сверкающим бриллиантами, Кристал остановилась на пороге и воскликнула:

– Дорогие!

В тот же момент Чак откупорил первую бутылку. Пробка весело хлопнула, бокалы были наполнены и подняты за здоровье Кристал. Генри заметил, что она не прикоснулась к шампанскому, а поставила полный бокал рядом с собой и подмигнула Генри.

Затем разрезала торт на восемь равных частей.

– Вы забыли себя, леди Балаклава.

– Действительно, Генри! Нет-нет! Примроуз знает, как я обожаю марципаны. И это сказочное шале – специально для меня. – Леди Балаклава поддела ножом маленький янтарный домик. Все затихли. – А теперь, мои дорогие, я должна выпить за вас. И должна съесть этот великолепный торт и понюхать эти чудесные розы... Но сначала... – она повернулась к Генри, – мой почетный гость попробует все это. – И Кристал сунула марципановое шале ему в рот.

Чувствуя себя глупо, Генри откусил кусочек. Шале было роскошное. Все заплодировали.

– Теперь шампанское!

– Но я уже...

– Из моего бокала, – спокойно, но твердо проговорила Кристал.

Генри отхлебнул немного. Изумительное шампанское!

– И розы.

Генри опустил нос в букет и с удовольствием понюхал. Божественный аромат!

– Ага! – воскликнула леди Балаклава. – Ну, а теперь, мои дорогие, за вас!

Все вскочили и подняли бокалы.

Кристал, смеясь, откусила марципановое шале, отхлебнула шампанское и понюхала розы.
– Бесподобно! Восхитительно...

Больше она не сказала ни слова, а стала нервно тереть свое лицо. Затем схватилась за горло. Генри бросился ей на помощь, но она закачалась, ловя воздух широко открытым ртом и хрипя. Генри поймал ее, когда она упала ему на руки, упала безвольно, как тряпичная кукла.

– Боже мой! – крикнул он. – Скорее вызовите врача!

Долли, с позеленевшим лицом, бросилась к телефону.

– И отойдите все, – приказал Генри. – Я попробую сделать ей искусственное дыхание.

Примроуз всхлипывала. Вайолет словно окаменела от ужаса. Даффи верещала, а Чак пытался ее успокоить. Пит стоял, громко сопя, за спиной у Генри, будто бестолковый пес, который хочет помочь, но не знает, что ему делать.

Долли быстро вернулась в комнату.

– Доктор сейчас будет.

– Она не дышит, – начал Генри.

Неожиданно Долли во все горло завопила:

– Она умерла! Крис умерла!

6

Эмми постаралась освободить комнату и проводила гостей.

– Никто не должен покидать дом, – сказал Генри.

– Они все в своих комнатах, – ответила Эмми, стараясь не смотреть на страшное лицо

Кристал.

– Ты лучше проследи за ними после того, как вызовешь полицию.

– Полицию?

– Конечно.

– Но ты...

– Я здесь неофициально. А тут такое... Звони в местное отделение и скажи им, что есть вероятность отравления.

Эмми вышла в холл. Когда дверь через минуту снова открылась, Генри спросил, не обращившись:

– Что они сказали?

– Простите?

Голос был женский. Генри быстро обернулся и увидел девушку, стоящую в дверях. У нее были каштановые волосы, нежное симпатичное личико и огромные глаза. Генри никогда таких не видел.

– Я – врач, – представилась девушка. – Могу осмотреть ее?

– Врач? Но доктор Гриффитс...

– Он уехал сегодня утром. Я его замещаю. А теперь позвольте мне... – Она опустилась на колени рядом с Кристал и открыла свой маленький коричневый саквояж. Через несколько секунд встала на ноги и сказала: – Леди Балаклава мертва. Смерть, похоже, была мгновенной. – Она сложила инструменты и добавила: – Меня зовут Мессингем.

– Тиббет, – представился Генри. – Мы с женой тут в гостях.

– Понятно. Надо вызвать полицию.

– Моя жена как раз этим занимается.

– А кто еще в доме? Это ваша жена вызвала меня по телефону?

– Нет. Это сделала мисс Трип, подруга леди Балаклавы. А в доме находятся три дочери Кристал и два ее зятя.

– Отравление. Неприятно быть замешанным в таком деле. Вы, наверное, еще не знакомы с полицией.

– Очень даже знаком.

Доктор Мессингем внимательно на него посмотрела.

– Боже мой! – воскликнула она. – Тиббет! Инспектор Тиббет из Скотланд-Ярда. Я видела ваши фотографии в газете. Правильно?

– Да, – улыбнулся Генри. Ему нравилась эта девушка.

– Вот как... И вы случайно приезжаете в гости, когда хозяйка падает замертво.

– Это – не совсем случайность.

– Ясно. Значит, вы не очень удивлены?

– Извините, доктор Мессингем, но я не могу обсуждать эту тему...

– Нет-нет. Конечно. – Доктор Мессингем села на софу. – Боюсь, мне придется подождать, пока не придут полицейские.

– Разумеется. – Он помолчал, затем спросил: – Вы не считаете, что причиной смерти мог быть какой-нибудь инсектицид?

– Вполне вероятно. – Она взглянула на него. – Но я не могу обсуждать эту тему, инспектор.

– Нет-нет. Конечно, вы не можете. – Они посмотрели друг на друга и рассмеялись.

– Ну, хорошо, – сдался Генри. – Я здесь – совершенно неофициально. Леди Балаклава думала, что ее кто-то хочет убить.

– Похоже, она была права.

– Так что насчет инсектицида?

В это время вошла Эмми.

– Я только что... – начала она и замолчала, увидев незнакомую девушку.

– Это – доктор Мессингем, дорогая. Доктор, это – моя жена Эмми. Боюсь, леди Балаклава действительно мертва.

– Я только что звонила сержанту, – сказала Эмми. – Он скоро придет вместе с врачом.

– В таком случае, мне лучше выйти из этой комнаты и предоставить все полиции. Вы согласны со мной, инспектор? – спросила доктор Мессингем.

– Конечно. И вам лучше взглянуть на мисс Трип, доктор, если не возражаете. У нее была истерика. Эмми, проводи доктора наверх.

После этого Генри сел на кухне и стал ждать. Полиция прибыла через несколько минут на двух машинах. Детектив Сэндпорт, его помощник сержант Эроусмит и сержант Мерифилд из Пламли-Грин. А также доктор Бартлет, фотографии и специалисты по дактилоскопии, ну, и, конечно, водитель.

Доктор Мессингем сошла вниз. Она дала Долли успокоительное.

В удивительно короткое время все формальности были завершены, и тело Кристал увезли. Уехали и эксперты в одной из черных машин. Остались только инспектор Сэндпорт и сержант Эроусмит.

Следствие началось. Выслушав Генри, инспектор протянул:

– Значит, вы думаете, что ей подсыпали яд?

– Это был инсектицид, – сказал Генри. – С этим согласен и врач.

– Как его зовут?

– Не его, а ее. Доктор Мессингем.

– Мне придется и ей задать парочку вопросов.

Генри заглянул на кухню, где доктор Мессингем беседовала с Эмми, и передал просьбу детектива, а сам поднялся к себе в комнату, чтобы позвонить своему начальству.

В Черной комнате было темно, кто-то плотно задернул черные шторы. Генри сел на кровати и поднял трубку.

Ничего удивительного, что в трубке раздался голос. Линия из Пламли-Грин была одна, и все телефоны в доме соединены между собой. Однако Генри вздрогнул, когда женский голос проговорил:

– Кристал умерла!

Очень издалека мужской голос спросил на французском:

– Что? Что ты сказала?

И Генри сразу понял – это Примроуз звонит своему мужу.

– Эдуард! Это ужасно... торт... все подумают... все скажут... они все такие сволочи, ты же их знаешь...

– Примроуз, моя милая Примроуз, успокойся. Я огорчен известием о смерти твоей матери, но я не могу...

– Ты должен приехать сюда! Сию же минуту! – Голос Примроуз чуть не срывался. – Не оставляй меня, Эдуард. Это – нечестно! Торт...

– Ну, о чем ты говоришь! Это просто совпадение.

– Брось свою конференцию! Ты не понимаешь, Эдуард. Ты должен. Я... я не могу больше! Ты должен приехать. Ты меня слышишь?

– Хорошо. Я приеду. А теперь скажи мне, что случилось?

Генри осторожно положил трубку. Он спустился вниз, объявил инспектору Сэндпорту, что отлучится ненадолго из дома, и поспешил в Пламли-Грин. Лучше позвонить оттуда, чтобы никто не мог подслушать.

Была суббота, и Генри позвонил начальнику домой.

– Тиббет? – Тот немного задыхался. – Простите, я работал в саду. Я надеюсь?.. Что?.. Убита? Отравлена? Но, Боже мой, Тиббет, вы были там специально, чтобы предотвратить... Нет-нет... Я понимаю... Да, вы будете вести следствие. Что? Инспектор, кто?.. Нет! Вы не должны в таком случае высовываться. Ах, Тиббет! Под вашим носом... Репутация Скотланд-Ярда... Ладно, если надо, я пришлю своих людей. Будьте на связи.

Генри зашагал обратно. Эмми права – тут очень красиво. Но он сейчас не был настроен наслаждаться пейзажами, а думал только о том, что случилось.

Детектив Сэндпорт ждал его в гостиной.

– Что сказал врач? – спросил Генри.

– Большая доза отравляющего вещества. Попадание внутрь через рот.

– Если через рот, то это либо – шампанское, либо – торт.

– Именно. Мы скоро узнаем. Все уже в лаборатории. Я также отправил и розы, на всякий случай.

– Если яд был в торте, то под подозрение сразу попадают мадам Дюваль и ее муж. Шампанское я сам пробовал и нюхал розы.

– Думаю, что торт был отравлен, – согласился детектив и сверился со своими записями. – Госпожа Дюваль внесла его в дом, мистер Швахеймер отнес торт на кухню, мисс Трип поставила торт на стол, и... получается, кто угодно мог отравить этот торт.

– Надо еще узнать точно, что он отравлен.

– Да, конечно. Мне также надо поговорить со всеми присутствующими в доме.

– В таком случае, не обращайтесь на меня внимания, – сказал Генри. – Если нам повезет, то меня вообще никто не заметит.

Детектив Сэндпорт кашлянул. Затем приказал сержанту подняться наверх и пригласить сюда мисс Трип.

7

Успокоительное, кажется, неплохо подействовало на Долли. Она твердым шагом вошла в гостиную и уверенно села на стул перед инспектором Сэндпортом. Но смотрела только на Генри.

– Полагаю, вы здесь главный.

– Нет, – ответил он. – В данный момент я только наблюдатель. Инспектор Сэндпорт задаст вам вопросы, а вы честно на них ответите.

– Я отвечу, – согласилась Долли, закурила свою сигару и подмигнула Генри.

- Вы – мисс Дороти Трип? – спросил Сэндпорт.
- Естественно.
- Возраст?
- Пошел к черту!
- Ваш возраст, мэм?
- Совершеннолетняя.
- Точнее.
- Ладно. Я на три года младше герцога Виндзорского. Сообрази, а? Сэндпорт вздохнул.
- Запишем пока – «совершеннолетняя». Вы здесь живете?
- Я живу здесь очень давно. А что будет дальше, неизвестно.
- Что вы имеете в виду?
- Я работала у леди Балаклав.
- Работали?
- Была ее компаньонкой. Теперь мне надо выметаться.
- А может, она оставила вам что-то в завещании?
- Долли горько рассмеялась.
- Ей нечего оставлять. Все денежки крепко держит ее покойный муж. Кристал принадлежит только этот дом. Деньги достанутся ее дочерям, всем поровну.
- Вы намекаете, что у любой из них был мотив?
- Я просто сообщаю факты.
- Хм-м... Вы, кажется, разбираетесь в цветах?
- Верно.
- И в вашей теплице полно всяких инсектицидов...
- Да ладно вам! Уж не думаете ли вы, что Крис умерла от этого?
- Мне понадобится ключ от теплицы, – настаивал инспектор. – Он у вас?
- Да, но будьте осторожны.
- А если бы вы узнали, что один флакон с инсектицидом оказался на кухне рядом с подарками?
- Этого не может быть!
- Кстати, какой был ваш подарок?
- Долли покраснела.
- Карты. Крис любила эту игру... – Она вдруг расплакалась. Инспектор отпустил ее, и она ушла в свою комнату.
- А теперь я хочу поговорить с мадам Дюваль, – сказал инспектор. Примроуз была очень печальна. Она отвечала на вопросы почти шепотом. Дошло и до торта. Примроуз едва сдерживала слезы.
- Этот ужасный торт... Лучше бы я его никогда не видела...
- Вы думаете, что торт был отравлен? – спросил инспектор.
- Нет! Но люди так подумают. – Она закрыла лицо платком. – О, это ужасно!
- В конце концов, мадам разрыдалась, как и Долли. Сэндпорт спросил, не надо ли ее проводить. Примроуз потрясла головой и выбежала из комнаты.
- Даффи Швахеймер, наоборот, была очень спокойна. Она села напротив инспектора и, прежде чем он успел открыть рот, произнесла:
- Давайте закончим с этим делом побыстрее, инспектор. Я – миссис Швахеймер, и мой муж – миллионер. Так что, наследство для меня ничего не значит. Вы улавливаете мою мысль, инспектор, или я говорю слишком быстро?
- Продолжайте, миссис Швахеймер, – вежливо ответил Сэндпорт, зачарованно глядя на огромную изумрудную брошь на ее груди.
- Мы привезли шампанское в подарок. Всегда так делали. Но чуть не забыли в этот раз. Я вовремя напомнила Чаку. Если вы думаете, что мы подсыпали яд в одну из бутылок...

- Мне и в голову это не приходило, миссис Швахеймер. Шампанское – вне подозрений.
- В таком случае, мы с мужем немедленно возвращаемся в Париж.
- Вы не собираетесь присутствовать на похоронах?
- Нет.
- Ах, так... Ну, что ж, мы попробуем решить этот вопрос.

Даффи встала резко.

– Мы уезжаем завтра! Я передам вам наш адрес в Париже. – Она вышла из комнаты, оставив за собой запах дорогих духов.

– Ну, и пора пригласить самого мистера Швахеймера, – вздохнул Сэндпорт.

Интервью с Чаком было коротким. Он хотел бы помочь следствию, но ничего не мог добавить к уже сказанному. Сэндпорт поблагодарил его и отпустил.

Затем вызвали Вайолет. Кажется, из всех дочерей леди Балаклавы она одна испытывала неподдельное горе.

– Я понимаю ваши чувства, – сказал инспектор, – но и вы поймите, что идет следствие.

– Конечно.

– Ваш муж привез в подарок розы, не так ли?

– Да, – чуть слышно ответила Вайолет. – Две дюжины роз.

– Он ведь – садовод?

– Да.

– Значит... – засмеялся Сэндпорт, – полагаю, вы знакомы с действием разных инсектицидов?

Вайолет покачала головой.

– Нет. Пит занимается цветами. Я не заглядываю в его теплицы. Но... – Она вздрогнула. – Неужели вы думаете?..

– Ну, что вы, мэм. Это – просто технический вопрос.

– Значит, вам известно, чем отравилась мать!

Сэндпорт откашлялся.

– Строго говоря, мэм, еще нет. Мы не знаем наверняка. Но скоро поступят данные.

– Бедная мама, – вздохнула Вайолет. – Она всегда верила в судьбу.

– Грустная история, мэм. Вы, кажется, прибыли сюда днем? Что вы делали до обеда?

– Гуляли с Питом в лесу. Вернулись около пяти, как раз чтобы принять ванну и переодеться.

– А вы знаете, что ваш муж был в теплице?

Вайолет не смутилась.

– Он хотел поговорить с Долли. Муж очень уважает ее, она тоже – опытный цветовод.

Пит ван дер Ховен больше волновался за жену, чем за себя. Сэндпорт с трудом направлял беседу в нужное русло.

– Я сразу заявил ей, что этот инсектицид очень опасен, – сказал Пит. – А Долли ответила, что держит его в теплице, и рассмеялась.

– Вы видели инсектицид в теплице?

– Да, я заметил один флакон. А затем пошел к моей Вайолет. Она была так счастлива, что снова в Англии, со своей матерью. И вот теперь...

Сэндпорт махнул рукой и отпустил его.

Для полноты картины Сэндпорт задал несколько вопросов Эмми. Наконец, он закрыл свой блокнот и сказал Генри:

– На сегодня, пожалуй, все. Моя версия – торт был отравлен.

– Убийство ради денег?

– А что еще?

– Не знаю. Я просто спрашиваю.

– Да, по-моему мнению, мы должны особое внимание обратить на мисс Трип и на миссис ван дер Ховен. У одной была возможность, а у другой – мотив. – Он встал и пошел к двери. –

До завтра. Утром дело прояснится.

Но утром ничего не прояснилось. В семь часов позвонил инспектор Сэндпорт.

– Инспектор Тиббет?

– Да.

– Это – Сэндпорт, сэр. У меня для вас очень любопытная новость. Мне только что сообщили. Через полчаса я буду на работе.

– Я найду к вам в полицейский участок.

Обрывки тумана еще путались в деревьях рядом со станцией, в двух шагах от которой был полицейский участок. Сэндпорт сидел за своим столом и ждал Генри.

– Вот, – сказал он, подвинув бумаги на столе. – Это – заключение патологоанатома. Ничего.

– Что значит – ничего? – спросил Генри.

– Никаких следов яда. Ни в шампанском, ни в торте, ни в розах. И в теле яд не обнаружен.

– Но... это невозможно! Какая в таком случае причина смерти?

– Они не знают, – прорычал Сэндпорт. – То есть... – Он порылся в отчете. – Тут написана всякая ерунда. Резкое сокращение горла, шок... коллапс... В общем, весь их медицинский словарь. Главное, что они не знают причин этих симптомов. Такая строчка, например, – «очень редкий вид аллергии». Получается, что мы с вами можем вздохнуть спокойно. Просто «естественная смерть».

Эмми, в бежевых шелковых брюках и в белой блузке, хлопотала у плиты на кухне. Увидев мужа, она улыбнулась и махнула рукой. Они сели за стол.

– Ты видел Сэндпорта, дорогой? Уже есть новости?

– Видел, – сказал Генри. – Есть.

– Отравление?

– Нет.

– Яд был в торте, или... – Она замолчала. – Что ты сказал?

– Никакого яда. Ничего.

– Но от чего она умерла?

– Резкое сокращение горла. Шок. Коллапс... Так сказал врач.

– Он – сумасшедший!

– Наверное, он сам себе не верит. Но яда нет. Ни малейшего следа.

– Что же теперь делать?

– Я сообщил начальству. Есть идея остаться здесь.

Эмми кивнула.

– Правильно. Как ты думаешь, Долли согласится?

– Не уверен, что это будет решать Долли. А ты видела ее сегодня?

В это время вошла она сама. Казалось, Долли постарела лет на десять.

– Доброе утро, – поздоровалась она. – Готовите себе завтрак? Это хорошо.

– Хотите кофе? – предложила Эмми.

– Спасибо, – ответила Долли. – Я неважно себя чувствую. Должно быть, эти чертовы таблетки. Извините.

– Вы пережили страшный шок, Долли, – пробормотала Эмми. – Теперь вам надо подкрепить свои силы.

– Милое дитя, – вздохнула Долли. – Ну, ладно, спрашивайте у меня то, что вам хочется спросить.

– Это настолько очевидно? – улыбнулся Генри.

– Я же не дура.

- Скажите, вы знаете, кто адвокат леди Балаклавы?
- Конечно. А зачем?
- Думаю, что завещание поможет быстрее разобраться в этом деле.
- Да. – Долли нахмурилась и кивнула.
- А может, вы знаете, что там написано? – спросил Генри.
- Да, знаю.
- Тогда почему вы так боитесь?
- Я? Боюсь?
- Ну, да.

Неожиданно Долли рассмеялась.

– А вы проникательны! Но за это вам и платят, конечно. Ладно, я скажу, чего боюсь. Я много лет прожила в этом доме и не хочу отсюда уезжать.

– Кому вы тут мешаете?

– Девчонкам. Все достанется им, вы знаете. Они меня всегда ненавидели. От меня не скроешь, я хитрая. Но вы правы, конечно. – Она выпрямилась. – Мистер Планкет, Браун-стрит, адвокатская контора «Робертс, Хайтри и Бан».

Но адвоката не пришлось вызывать. Раздался телефонный звонок.

– Черт! Поесть не дадут! – воскликнула Долли.

– Сидите, я возьму трубку. – Генри подошел к телефону.

– Алло, это вилла леди Балаклавы?

– Да, – ответил Генри.

– Могу я поговорить с мисс Трип?

– А кто ее спрашивает?

– Мистер Планкет. Мисс Трип меня хорошо знает. Я – адвокат.

– Мы как раз собирались вам звонить, мистер Планкет. Вы, конечно, уже слышали новость.

– Конечно. Прочитал в утренних газетах. Грустно, очень грустно. Простите, с кем имею часть?

– Меня зовут Тиббет. Я приехал в гости к леди Балаклаве. У нее ведь был день рождения.

– Ах, да! Боже мой... Я совсем забыл. Значит, все ее дочери сейчас там?

– Да.

– Хм-м... Это упрощает дело. – Адвокат откашлялся. – Как чувствует себя мисс Трип?

– Она очень расстроена, – осторожно ответил Генри. – Естественно.

– Что ж, не обязательно звать ее к телефону. Я приеду завтра к обеду.

Примроуз, Вайолет и Пит сразу сказали, что они будут присутствовать при чтении завещания. Только Чак засомневался.

– А присутствовать совершенно необходимо? – спросил он.

– Нет, – ответил Генри. – Конечно, нет.

Инспектор Сэндпорт приехал в половине одиннадцатого и выглядел каким-то веселым. Он принес с собой портфель, из которого достал несколько бумаг.

Собравшиеся смотрели на него – далеко не весело. Вайолет была бледна, как мел, Примроуз очень нервничала и постоянно взглядывала на часы, Чак почему-то смущался, а Даффи красовалась в шелковом negligé – гордая и злая. Долли тяжело села на стул и опустила глаза.

Сэндпорт осмотрел всех с довольным видом и произнес:

– Леди и джентльмены, у меня для вас хорошая новость. Леди Балаклава умерла естественной смертью.

– Но... этого не может быть! – воскликнула Примроуз.

– Знаю-знаю, – мягко произнес инспектор Сэндпорт. – В это трудно поверить. И однако... Здесь документ, но я могу сказать проще. Следов яда не обнаружено нигде. Было исследо-

вано все – шампанское, бокал, розы и торт. И это исключает версию об отравлении, потому что нет в природе такого яда, который не оставляет следов. Все ясно? – Сэндпорт поправил бумаги на столе и снял очки. – Нет и речи об отравлении. Следствие прекращено, а вы можете быть уверены, что среди вас нет убийцы. – Он замолчал, убрал бумаги в портфель, встал и вышел. Через минуту его машина уехала со двора, скрипнули шины по гравию.

Наконец, Долли громко проговорила:

– И слава Богу.

9

В это время раздался телефонный звонок. Примроуз выбежала в холл прежде, чем кто-либо успел встать. Через несколько секунд она вернулась, возбужденная и довольная.

– Это – Эдуард. Он сейчас – на станции. Чак, может, ты за ним съездишь?

– Эдуард? – с преувеличенным удивлением воскликнула Даффи. – У него же – конференция!

– Он приехал, потому что я его просила, – объяснила Примроуз. – Я звонила ему вчера.

– Поеду, заберу его со станции, – покорно согласился Чак.

Даффи даже взвизгнула.

– Нет! С какой стати! Ты будешь работать теперь у них шофером? И только потому, что этот осел так влюблен в свою жену...

– А ну-ка, заткнитесь вы все, – перебила ее Долли. – Пока еще я тут хозяйка, и не орите у меня за столом. Мистер Тиббет, у вас есть машина?

– Да, – сказал Генри.

– Может, вы будете так добры и привезете доктора Дювалья со станции? Я бы съездила сама, но «бентли» сломан.

– Я рад помочь. – Генри встал.

– Кстати, – продолжала Долли, – ваша жена тоже может поехать, если не возражает. У нас тут намечается один маленький семейный разговор.

– Не возражаю, – сказала Эмми.

Долли тепло им улыбнулась.

– Спасибо, мои дорогие.

В машине Эмми заметила:

– Эти сестры ненавидят друг друга.

– Конечно, ненавидят. – Ты это только сейчас поняла?

– Они сдерживались. Но смерть матери сломала все барьеры.

– Нет-нет! Все как раз наоборот.

– Что ты имеешь в виду?

– Вчера они все были очень довольны и милы. «Естественная смерть» – вот что их разозлило.

– Интересно, как выглядит этот доктор Дюваль?

Перед станцией стоял только один мужчина – стройный, черноволосый, уверенный в себе. Когда машина остановилась, он подошел и наклонился к окну.

– Вы, наверное, приехали за мной? Я – Эдуард Дюваль.

Его английский был великолепный, может, слишком правильный, а карие глаза блестели за стеклами золотых очков.

– Вы совершенно правы, – ответил Генри. – Меня зовут Тиббет, а это – моя жена.

– Восхищен, мадам! – Дюваль поклонился.

– Долли хотела приехать сама, но «бентли» сломался. Садитесь.

Дюваль сел на заднее сиденье.

– Вы очень добры, – сказал он, когда машина тронулась с места. И добавил: – Грустная история... Вы были в доме, когда умерла леди Балаклава?

– Да, – ответил Генри.
– Смерть сама по себе не столь ужасна. Но говорят, что это было отравление?
– Подозревали.
– А сейчас уже нет?
– Никаких следов яда.
– И в торте?
– Великолепный торт. Просто объедение.
– Ага... – протянул Дюваль. – Значит, Примроуз напрасно волновалась. И не обязательно было мне приезжать. У меня – важная конференция.

– Я уверен, что ваша жена будет рада вас видеть. Она очень расстроена.

Дюваль проигнорировал эти слова.

– Что делает полиция? – спросил он.

– Ничего. Следствие закончено.

– А что говорят врачи?

– Естественная смерть. Какой-то очень редкий вид аллергии.

– Ха! Редкий вид? Ну, и дурачье!

– Все равно вывод один – естественная смерть.

– И мы можем сегодня уехать?

– Полиции вы не нужны. Но завтра – чтение завещания.

– Завещание, – задумался доктор Дюваль. – Да, конечно. Примроуз вряд ли это пропустит. Когда они приехали, в доме уже был восстановлен порядок. Даффи, Примроуз, Чак и Долли пили кофе в гостиной. Вайолет отдыхала в своей комнате, а Пит ушел на прогулку.

Примроуз приветствовала своего мужа с безучастным равнодушием. Она даже не поставила чашку, когда он чмокнул ее в щеку.

Как только доктор Дюваль поднялся к себе в комнату, Даффи заявила, что хочет поспать, и встала из-за стола. Чак вызвался ее проводить, но она пригвоздила его к месту, сказав, что он будет ей только мешать.

Все-таки они вышли вдвоем, потому что Чак хотел сделать несколько звонков из библиотеки.

После этого Долли повернулась к Генри.

– Итак? Теперь, когда следствие закончено, что вы и ваша жена делаете в этом доме?

– Мы бы хотели остаться, чтобы послушать завещание, – сказал Генри.

– Понятно. А я бы хотела уехать отсюда сегодня вечером.

– Но, Долли! Если все разведутся, дом останется пустым.

– Подождите до завтра, и вы увидите. Они ждали этого момента долгие годы. Только подождите, и вы увидите... – Долли резко встала и вышла из комнаты.

Затем в гостиной появился расстроенный Чак. Он звонил в свой офис. Сын еще не вернулся из Милана, и Чак вынужден сам вести важное совещание. Он сообщил Эмми, что билет на самолет уже заказан, а также номер в отеле «Грильон», и с мрачным видом вышел из комнаты.

Эмми отправилась на поиски Генри и нашла его в библиотеке. Он сидел за столом и просматривал содержимое ящиков.

– Этично ли, Генри?

– Долли разрешила мне. Пока она тут распоряжается.

– Что-нибудь интересное?

– Пока ничего.

Альбом с газетными вырезками, пачки счетов. Генри отметил, что в ящиках нигде нет игральных карт с буквами. Долли решительно положила этому конец.

Мистер Планкет приехал на следующий день, как и обещал, к обеду. Когда последние кусочки бисквита были съедены, мистер Планкет вытер рот салфеткой и сказал:

– Спасибо огромное. Обед – просто великолепный.
 – Плохие новости всегда лучше слушать на сытый желудок, – ответила Долли.
 – Плохие новости? Но, моя дорогая леди...
 – Ладно, Пигги, еще по чашечке кофе, и давай к делу.
 – Я думаю, это будет самое лучшее, – согласился мистер Планкет, которого Долли называла по-своему.

Наконец, он открыл портфель и откашлялся.

– Итак, хоть это и прискормно, но леди Балаклава умерла. Могу сразу сказать, что каждая из дочерей вправе рассчитывать, по крайней мере, на полмиллиона фунтов стерлингов.

Все вздохнули. А Вайолет спросила дрожащим голосом:

– Полмиллиона каждой?

– Совершенно верно, миссис ван дер Ховен.

– А налоги? – деловито и спокойно поинтересовалась Даффи.

– Все учтено. И мы переходим конкретно к завещанию леди Балаклавы. Это – простой и короткий документ. Я прочту его вам. «Я, Кристал Маргарет Балаклава, находясь в трезвом рассудке и доброй памяти, завещаю все деньги, собственность и состояние, которыми я буду располагать в момент моей смерти, моей дорогой подруге Дороти Трип». Подпись и все такое...

Мистер Планкет снял очки и уставился на Долли, которая громко рассмеялась.

– Ну, спасибо, Пигги!

– Простите, мисс Трип, я думаю, вы не поняли...

– Конечно, я поняла. Мне достались тряпки Крис, которые мне малы, да кухонная утварь, купленная после смерти Чарли. И, конечно, азалии.

– Нет-нет-нет! – застрочил Планкет, как из пулемета. – Вы, очевидно, не знакомы с состоянием дел. Во-первых, вам достается этот дом, со всей его обстановкой. – В комнате стало тихо. Все смотрели на Долли. – Затем – ее бриллианты. Они теперь – тоже ваши.

– Но... – смогла лишь произнести Долли.

– Вы, может, не знаете, мисс Трип, но в лондонском банке леди Балаклавы хранятся бриллианты стоимостью в пятьдесят тысяч фунтов и даже больше. Кроме того, есть еще ценные бумаги. Примерно по двадцать тысяч за акцию, фактически, в сумме это составит...

Раздался грохот. Долли упала в обморок.

10

Конечно, поднялся жуткий переполох. Эдуард Дюваль лично занялся здоровьем Долли. Он приказал Даффи ехать в аптеку за успокоительными таблетками, Примроуз послал за градусником, а Вайолет – на кухню, принести бутылку с горячей водой. Впрочем, Долли довольно быстро пришла в себя. Генри и Планкет помогли ей подняться в комнату. А Эмми была уже там и стелила для Долли постель.

А затем гости стали поспешно разъезжаться. Собрав свой портфель, мистер Планкет спросил:

– Вы, полагаю, еще останетесь здесь, мистер Тиббет?

Слегка удивленный, Генри ответил:

– Я надеюсь. Мисс Трип любезно разрешила нам еще тут немного погостить.

– Это хорошо. Ей потребуется помощь.

Генри отвез его на станцию, а когда вернулся, встретил в холле Примроуз, которая метнула на него враждебный взгляд.

– Вам звонили, инспектор Тиббет. Значит, вы из Скотланд-Ярда? Вы все держали в тайне!

Но знайте, что мы с мужем начинаем собственное расследование. Он – врач, и мы скоро выясним, что на самом деле случилось с матерью.

– Вы остаетесь?

– Нет. Мы переезжаем в отель. – Она сунула ему записку и вышла, хлопнув дверью.

Генри быстро прочитал послание. Начальство приказывало оставаться на месте и поддерживать связь с Лондоном.

Наконец, все гости сели в «роллс-ройс» и уехали. В доме сразу стало очень тихо.

– Что это у тебя в руке? – спросил Генри, посмотрев на жену.

Эмми держала небольшой пакет.

– Пит хотел оставить какие-то образцы для теплицы, но не решился сам войти к Долли в комнату и попросил сделать это меня.

– Как себя чувствует Долли?

– Крепко спит. Вайолет заходила к ней попрощаться, но вряд ли Долли подняла даже голову.

– Бедная Долли, – сказал Генри и пошел в библиотеку звонить начальству.

Эмми решила прибраться в доме и начала с комнаты, которую занимали Швахеймеры. Она складывала одеяло, когда обнаружила большую изумрудную брошь. На мгновение Эмми замерла. Для нее и для Генри это было настоящее сокровище, стоявшее баснословных денег. Для Даффи – просто игрушка. Она, наверное, забыла брошь. Сейчас Даффи – уже в Лондоне. Она говорила, что остановится в отеле «Тауэр». Эмми заглянула в телефонный справочник и набрала нужный номер.

– Отель «Тауэр». К вашим услугам.

– Я бы хотела поговорить с миссис Швахеймер, – сказала Эмми.

– Секундочку. Да, есть, мистер и миссис Уоррен Швахеймер, номер 208. Мистер Уоррен Швахеймер заказал эти апартаменты сегодня утром, однако, мне кажется, миссис Швахеймер еще не появлялась.

– Но... – начала Эмми.

– Подождите, я попробую вас соединить. – Несколько секунд в трубке было тихо. Затем: – Да, оказывается, она уже приехала. Миссис Швахеймер на линии. Говорите.

– Алло! Кто это? – раздался голос Даффи.

– Извините, что беспокою вас, миссис Швахеймер. Это – Эмми Тиббет.

– О, Боже! – воскликнула Даффи. – Еще одна трагедия?

– Нет, никаких трагедий. Просто я нашла вашу изумрудную брошь и хочу сообщить, чтобы вы не волновались.

– Вы очень добры. Что же теперь делать?

– Может, вы приедете и заберете ее?

– Нет, это исключено. Пришлите ее мне сюда.

– Но...

– Я буду здесь до четверга. Времени вполне достаточно. Извините, у меня гости, я не могу долго говорить. Всего хорошего.

– До свидания, – попрощалась Эмми.

Она спускалась по лестнице, когда в холле зазвонил телефон. Генри подошел первый и поднял трубку.

– Тиббет слушает.

– Инспектор? Это – Сара Мессингем. Я только что узнала!

– Узнала – что? – спросил Генри.

– Э-э... вердикт... то есть диагноз. «Естественная смерть»! Бред!

– Значит, вы...

– Сушая ерунда!

- Патологоанатом...
- О, я знаю. Так вот, я не согласна. И раз вы еще здесь, думаю, что и вы – тоже. Клянусь, я доведу это дело до конца. Надеюсь, вы со мной?
- Разумеется.
- Мы должны встретиться как можно быстрее.
- Сегодня вечером?
- А почему нет?
- Вы ко мне, или я к вам?
- Лучше вы ко мне. Знаете адрес?
- Нет.
- Тогда записывайте. – Сара продиктовала свой адрес – недалеко от станции.
- Отлично, – сказал Генри. – Я только перекушу и – мигом к вам.
- Кто это был? – спросила Эмми.
- Местный доктор.
- О! Новый поворот?
- Нет, собственно. Но весьма интригующе. Она тоже не верит в случай с естественной смертью.

11

- Сара Мессингем сама открыла дверь и провела Генри в гостиную.
- Садитесь. Что будете пить? Виски? – На софе лежали документы, и Сара кивнула на них: – Я внимательно изучила отчет. Где-то закралась ошибка.
 - Вы считаете, что причина смерти – инсектицид?
 - Да, хотя никаких следов яда не обнаружено.
 - И какой же вывод?
 - Аллергия. Кстати, моя дипломная работа была на эту тему.
 - Но я думал, что от аллергии не умирают так внезапно.
 - Вы правы. Обычно вначале бывает невыносимый зуд...
 - Подождите! – перебил ее Генри. – Я вспомнил. Она стала чесать свое лицо.
 - Ну, вот! – воскликнула Сара.
 - Однако все было, как всегда. Я имею в виду – торт, шампанское и цветы. Значит, в этом году к традиционным подаркам что-то добавили. Случайно или нарочно.
 - Вы очень умны, – подбадривающе улыбнулась Сара. – Продолжайте.
 - Как насчет пенициллина?
 - Я тоже об этом подумала. Поэтому сразу посмотрела историю болезни. Доктор Гриффитс выписывал леди Балаклаве пенициллин. И никакой аллергии.
 - Но у вас есть какая-нибудь теория?
 - Теория – громко сказано, скорее наметки.
 - Говорите же!
 - Мы почти установили следующий факт – на этот раз что-то было добавлено. Вопрос – что это было, и кто эту гадость подложил? Попробуйте применить знаменитый метод дедукции. Извините, конечно, что я вас учу.
 - Не извиняйтесь. Надеюсь, мы будем работать вместе. А как у вас с дедукцией?
 - Я подумала об этой странной компаньонке.
 - Да, она тоже получила по завещанию довольно лакомый кусок. Но она утверждает, что ничего не знала об этом, даже упала в обморок. Если это была игра, то она вполне тянет на Оскара.
 - Может, надо искать не среди членов семьи?
 - Генри покачал головой.
 - Но тут у нас никого нет. Если только доктор Гриффитс. Кстати, куда он уехал?

– Отдыхает на юге Италии. В Калабрии. Скоро вернется. Может, вам посмотреть в прошлом леди Балаклавы? Если вы узнаете, например, чем она болела раньше, тогда мне останется только сложить дважды два, и ответ будет найден.

– Согласен.

– Вот и отлично! Выпьем за это по бокальчику?

12

Утром, за завтраком, Эмми сказала:

– Меня волнует Долли. Она все время спит.

– После такого шока немудрено... – начал Генри. – Хотя...

– Что?

– Ведь известие было приятным.

– Я говорю тебе, – настаивала Эмми, – она спит и спит!

– Доктор Дюваль дал ей успокоительное.

– Но она будто мертвая. Это – ненормально.

Генри похлопал жену по руке.

– Думаю, ты напрасно волнуешься, дорогая.

– Может, все-таки вызвать врача? Хорошо, если бы доктор Мессингем осмотрела ее.

– Но лечащий врач – доктор Гриффитс...

– А я бы ему не доверяла в данном случае, – упрямо проговорила Эмми.

– Ладно. Сделаем так – если ей не станет лучше, я вызову доктора Дюваля, и посмотрим, что он скажет.

Долли не спустилась в гостиную, и Эмми отнесла завтрак наверх.

– Я вам очень признательна, – пробормотала Долли. Она сидела на кровати. – Все уже уехали?

Эмми объяснила, что Эдуард и Примроуз живут сейчас в отеле, в Пламли-Грин.

Долли сардонически рассмеялась.

– Гордость не позволила им жить в этом доме после того, как я стала тут хозяйкой. Типично для них. – Она налила себе кофе с молоком. – Чуть не забыла... Где эти таблетки? Эдуард говорил, что их надо пить три раза в день. Подай их мне, пожалуйста, дорогая.

Эмми протянула ей маленькую бутылочку, Долли вытряхнула оттуда белую таблетку, быстро положила ее в рот и запила горячим молоком.

– Ну вот... Противные!

– Генри хотел с вами поговорить, если вы не очень устали.

– Пусть приходит.

– А теперь отдыхайте, Долли.

– Нет-нет. Я встану.

Но когда Генри поднялся в комнату, Долли была снова такой сонной, что не могла говорить.

– Что... вы... хотели... узнать... – медленно проговорила она, откинувшись на подушку и глядя подозрительно на него из-под полуопущенных век.

– Чем болела Кристал в последние годы?

– А зачем вам?

– Интересуюсь.

– Это – не ваше дело.

– Мне просто нужна более ясная картина.

– Послушайте, Тиббет. Вам известно, что сказал врач. Естественная смерть... Кроме того... я обещала... Кристал...

– Что вы ей обещали?

– Никогда... не скажу... никогда... – Она говорила все тише, потом застонала и уже через секунду крепко спала.

Генри вздохнул, спустился в гостиную и позвонил Дювалю.

Доктор был не очень доволен. Вполне естественно, что Долли спит. Он ведь дал ей успокоительное, и она будет такой сонной еще дня два.

Затем Генри позвонил Саре Мессингем, но ее не было дома. Он положил трубку, и тут раздался звонок.

– А, мистер Тиббет? Это – Планкет. Как дела? Надеюсь, мисс Долли чувствует себя лучше? Хорошо, что с ней рядом друзья. Вы и ваша жена, я имею в виду. Что ж... Я должен увидеть Примроуз завтра, после похорон, и уладить кое-какие финансовые вопросы. А потом хотел заехать к вам и перекинуться словечком с Долли.

– Приходите завтра часа в четыре. – Генри засомневался, но все-таки спросил: – Когда вы стали адвокатом леди Балаклавы?

– О, не так давно!

– То есть после смерти лорда Балаклавы?

– Хм-м... да. Можно сказать и так.

– Понятно. Хорошо, заходите завтра после обеда, мистер Планкет. До свидания.

Затем Генри позвонил своему другу адвокату, который не раз помогал ему в запутанных делах. Майкл Бейкер был очень рад, и они договорились о встрече. Генри поднялся в Черную комнату, чтобы сообщить жене о своем отъезде.

Эмми вручила ему маленький сверток.

– Если едешь в Лондон, то и отправишь заодно.

– Что это? – спросил Генри.

– Изумрудная брошь. Даффи ее забыла, а я нашла, когда убирала комнату.

– Отправить почтой такую вещь? В Париж?

– Не в Париж. Я звонила вчера Даффи. Она будет в Лондоне до четверга.

– Она все-таки приедет на похороны?

– Это – вряд ли. Она развлекается со своим любовником – Уорреном Швахеймером.

– Надо же! – воскликнул Генри. – О'кей, я отправлю посылку в Лондоне. Дойдет быстрее. –

Он положил сверток в карман.

– Когда вернешься? – спросила Эмми.

– Обещаю, что не очень поздно. К ужину – точно. Я обедаю с Майком, и мы с ним поболтаем у него в офисе. А ты тут приглядывай за Долли.

– Конечно. И если ей станет хуже, я позвоню доктору Мессингем, – твердо заявила Эмми.

Было приятно снова очутиться в Лондоне. После обеда они зашли в офис Майка и удобно расположились в глубоких кожаных креслах. Генри рассказал коротко о том, что случилось на вилле «След лисы».

– Ты считаешь, что это было убийство? – спросил Майк. – И вы с доктором Сарой Мессингем хотите его раскрыть?

– Доктор Мессингем первой обследовала тело леди Балаклавы и располагает кое-какими теориями на этот счет.

– А что думает по этому поводу твоя жена? Ты знаешь, я очень уважаю ее мнение.

– У Эмми до сих пор не было времени, чтобы выразить обстоятельно свое мнение. Она сейчас возится с Долли.

– Это та истеричка, которой достался целый дом? А что с ней такое?

– Да ничего особенного. Спит, как слон. Но Эмми это почему-то беспокоит. Она хочет, чтобы Сара взглянула на нее. Прошу тебя, Майки, помоги мне разобраться в этих тонкостях.

– Старина, тут все ясно. Три дочери, и деньги – поровну? А компаньонка отхватила целую виллу. По-моему, ничего сложного.

13

В поезде, возвращаясь обратно, Генри раздумывал над информацией, которую получил от Майка.

Из трех сестер только Даффи имела полное право на наследство. И это плюс к тому, что у Чака имеются собственные миллионы.

Не так ясно было с Вайолет и Питом. Все зависело от того, какой у них брачный контракт. Наследство может принадлежать супругам вместе, поровну или быть записанным на мужа целиком.

В Швейцарии все принадлежит мужу. Никаких неясностей. Четко и просто. Но по каждому конкретному делу можно договориться. Так что, Примроуз и Эдуард остаются пока загадкой.

Именно их он и обнаружил в гостиной. Они потягивали шерри в компании его жены. Эдуард объяснил, что хотел взглянуть на Долли.

– И как она? – спросил Генри.

– Прекрасная! – Его английский был все-таки не совсем идеальным. – Мои таблетки ей помогли. Думаю, она может принять участие в похоронах...

– Присутствовать на похоронах, – поправила его Примроуз. – Ты все время допускаешь одну и ту же ошибку.

Доктор Дюваль ослабился.

– Да, моя дорогая Примроуз, я всегда делаю одна и ту же ошибку. Итак, говоря о Долли. Она может присутствовать на похоронах, но я бы не советовал ей. Есть случайность...

– Вероятность!

На этот раз Примроуз была гораздо резче, но доктор Дюваль будто не заметил и продолжал:

– ...что это снова вызовет срыв.

– Бедная Долли, – вздохнула Примроуз. – Вы знаете, я нашла вам прислугу. Миссис Биллинг будет прибирать в доме и готовить обед. Так что, вы, – она взглянула на Эмми и сладко улыбнулась Генри, – можете возвращаться в Лондон, когда захотите.

– Вот именно, – улыбнулся Генри. – Как вы изволили заметить – когда захотим.

Примроуз покраснела, опрокинула шерри одним глотком и резко встала.

– Нам пора.

Они уехали, и Эмми спросила:

– Что нам делать с прислужгой?

– А что с ней делать? – не понял Генри.

– Миссис Биллинг может придти сегодня вечером. Где она будет спать?

– Этого я не знаю. Но, наверное, должны быть еще какие-нибудь свободные комнаты.

Эмми пошла наверх.

Через несколько секунд раздался звонок. Генри вышел в холл и поднял трубку.

– Алло! Могу я поговорить с миссис Швахеймер?

– Извините, мистер Швахеймер, – ответил Генри, – но она сейчас в Лондоне...

– Мистер Швахеймер, – раздался неожиданно в трубке голос Эмми. – Я говорила с Даффи вчера по телефону.

– А? Так она еще вернется в Пламли-Грин?

– Не думаю.

– Но в телеграмме... – проворчал Чак. – Что происходит?

– Мистер Швахеймер, я позвоню Даффи и попрошу, чтобы она позвонила вам в Париж.

– Это было бы просто чудесно, миссис Тиббет! – обрадовался Чак. – Я вам очень признателен. Пусть Даффи звонит мне в отель «Грильон». Всего хорошего.

Генри положил трубку, а Эмми быстро спустилась по лестнице.

– Извини, дорогой.

– Любопытно, – сказал Генри. – Что случилось?

– Не могла же я допустить, чтобы Чак позвонил ей в отель! – Голос жены был почти умоляющим.

Генри ухмыльнулся.

– Лучше звони ей сейчас.

Даффи испугалась, когда узнала, что звонил Чак.

– Что он хотел?

– Поговорить с вами, – ответила Эмми.

– Вы назвали отель?

– Нет.

Даффи немного успокоилась.

– Вы хорошо сделали, миссис Тиббет. Я, конечно, позвоню своему мужу, – добавила она быстро. – Как там Долли?

– Ей лучше.

Долгое молчание. И затем:

– Спасибо за брошь. Вы послали ее из Лондона?

– Не я. Мой муж ездил в Лондон и отправил заодно брошь.

– Понятно... Все равно спасибо, миссис Тиббет. И до свидания. Завтра похороны. Думаю, мы увидимся.

Миссис Биллинг пришла через несколько минут. Полная женщина с седыми волосами и широкой доброй улыбкой. Она сразу надела фартук и принялась за уборку.

В восемь часов миссис Биллинг появилась в гостиной, необыкновенно довольная. Ужин готов, объявила она, сияя от счастья. Очень простой ужин, но она надеется, что им понравится. Сыр, жареные цыплята и яблочный пирог. Что из этого можно предложить Долли?

Эмми попросила отнести наверх понемножку того и другого. Взяв поднос, миссис Биллинг стала подниматься по лестнице.

Тиббеты наслаждались едой, когда дверь столовой вдруг с грохотом распахнулась.

– О, мэм! – Ужас был написан на пунцовом лице миссис Биллинг. – О, мэм, идемте скорее! Она умерла!

14

Долли не умерла, но была близка к этому. Час спустя Сара Мессингем вернулась из больницы, куда поместили мисс Трип.

– Она все еще в коме, – сказала Сара.

– Но что случилось? – спросил Генри.

– Яд, – ответила Сара. – В малых дозах через определенные промежутки времени.

– Таблетки, которые ей выписал доктор Дюваль... – начала Эмми.

– Их тоже исследуют, – заверила Сара, – но, думаю, с ними все в порядке.

– Предположим, – вмешался Генри, – кто-то вместо таблеток всыпал яд.

– Но кто? – тут же возразила Сара. – Вы же не станете утверждать, что у кого-то под рукой просто случайно оказались отравленные таблетки, причем того же размера и цвета, что и в пузырьке?

– Нет, конечно, – сказал Генри. – Это было бы смешно. А что за яд? Вы знаете?

Сара покачала головой.

– Нет еще точных данных. Мы их получим позже. Есть лишь догадки, что это какой-то инсектицид.

– Типа «Летучей смерти»?

– Очень похоже.

– Может, та коробочка, которую Пит оставил... – заметила Эмми.
– Пит что-либо оставлял? – перебил ее Генри, заволновавшись.
– Я же говорила. Какой-то пакет для Долли. Я сама отнесла его наверх.
– Где он теперь?
– Должно быть, там же. Этим вечером я уговорила Долли перебраться в комнату побольше. А в ее комнате временно поселилась миссис Биллинг. Я пойду и поищу пакет, если она не спит.

Миссис Биллинг еще не спала. Она открыла дверь, величественная в своем красном плюшевом халате и без зубов.

– Што шлушилош, мэм? – прошепелявила она.

Эмми объяснила.

Стали искать в ящиках комода, куда миссис Биллинг сложила лекарства Долли. Аспирин, дерматон... А вот и простой белый пакет.

– Точно, тот самый. Извините за беспокойство, миссис Биллинг.

Эмми принесла пакет в гостиную и раздраженно буркнула:

– Его открывали.

– Почему вы так уверены? – спросила Сара.

– Пакет заклеен липкой прозрачной лентой, видите? И лента чуть сдвинута.

– Осторожно с отпечатками!

Генри взял пакет, положил на стол и только тогда развернул бумагу. Внутри оказалась маленькая коробочка, на которой было написано крупно: «ЯД». И мелкими буквами инструкция, как разводить содержимое в воде, чтобы получить инсектицид.

– Это – очень опасный яд, – произнесла Сара, прочитав инструкцию. – Даже крошечная доза может быть смертельна. Странно, но у меня такое ощущение, что кто-то подсыпал его в пищу, которую давали Долли.

– Вы думаете, что это делала я? – возмутилась Эмми.

– Конечно, нет.

– А кто? Кроме нас, тут никого не было.

Когда Сара ушла, Эмми кинулась в объяснения.

– Разумеется, я не открывала пакет. И никто не входил в комнату... только доктор Дюваль, вчера... Но я была рядом. И зачем бы миссис Биллинг стала открывать пакет?! Я спрошу ее завтра, но... И Вайолет! Она сказала, что заходила к Долли попрощаться.

– По крайней мере, Вайолет в этом призналась, – заметил Генри. – Может, и остальные так сделают?

15

Следующий день не принес ничего нового.

Генри и Эмми сидели в гостиной.

– Я уверен, что это – одна из дочерей, – сказал Генри.

– Или Долли.

– Или Долли, – кивнул Генри.

– Предположим, что один из мужей подговорил свою жену.

Генри покачал головой.

– Каким же надо быть монстром, чтобы отравить старую мать, и только из-за денег, которые каждая из дочерей все равно получила бы рано или поздно.

– А кто хотел отравить Долли?

– Знаешь, дорогая, по-моему, тут какое-то недоразумение.

– Генри, неужели ты думаешь, что я подсыпала порошок?

– Конечно, нет! – Генри вздохнул. – Но так это может выглядеть. А теперь, – добавил он, – нам пора собираться.

– Собираться?

– Да. Дело закончено, я позвонил начальству, мы уезжаем.

– Ах, Генри, – сочувственно проговорила Эмми, – значит, ты сдаешься?

Он улыбнулся, но это была вымученная улыбка.

– Не совсем, я надеюсь.

Эмми отправилась на поиски миссис Биллинг, обнаружила ее на кухне и сообщила, что они уезжают в Лондон этим вечером. Миссис Биллинг не очень сожалела.

– В таком случае, мэм, – сказала она, – разрешите мне убрать постель в вашей комнате.

Затем, в мрачном расположении духа, Эмми вышла прогуляться в сад. Она мысленно перебирала всех участников этой драмы: красавица Даффи, педантичный мистер Планкет, Эдуард Дюваль, Примроуз...

Вдруг на втором этаже распахнулось окно, и миссис Биллинг громко позвала:

– Мэм!

– Что случилось, миссис Биллинг?

– Извините, что беспокою вас, но я не могу найти грязные простыни. Их нет в обычном месте.

– О, простите, но я не знала, где их обычное место, – ответила Эмми. – Сейчас поднимусь.

Действительно, Эмми складывала грязные простыни в нижнем ящике шкафа. Теперь она достала их все, а последняя пара, которую она сняла с постели Долли, лежала в комнате миссис Биллинг.

Эмми наклонилась и потянула из ящика смятые простыни.

– Вот они, – начала она и замолчала, держа в руке простыни, из которых сыпался белый, как снег, порошок. Потом медленно проговорила: – Я думаю, что эти простыни не надо сдавать в прачечную.

– Да? – удивилась миссис Биллинг. – А по-моему, они очень грязные.

– Оставьте все, как есть, и ничего не трогайте. Я пойду разыщу своего мужа.

Сары Мессингем дома не оказалось, и Генри оставил сообщение, чтобы она зашла к ним немедленно.

Сара примчалась после пяти, очень заинтригованная. Она осторожно насыпала белый порошок в чистый конверт.

– Мы исследуем его, – сказала она, – но я уверена, что это – тот же самый. Любопытно. Я думала о том, что яд может проникать через кожу...

– Дерматон! – вдруг воскликнула Эмми.

– Что?

– Когда мы искали пакет в комнате у Долли, я заметила в ящике тюбик дерматона.

– Если у Долли был дерматит, то это многое объясняет. Даже ничтожное количество порошка могло вызвать такой эффект. Побегу, отдам порошок в лабораторию.

– Вы столько делаете для нас! Как я буду расплачиваться?

– Я пришла вам счет.

Сара улыбнулась, махнула рукой и вышла.

Но Эмми стояла на лестнице очень задумчивая.

– Счет?

– Она пошутила, Эмми.

– Да нет же! Не будь дураком. Счет?!

– Послушай...

– В библиотеке. В столе лорда Балаклавы. Там полно счетов. Должны быть и от врача.

Они бросились в библиотеку и еще раз перерыли карточный столик. Действительно, счета от врачей были. То мигрень, то несварение желудка, что случается в любой семье. Несколько счетов от гинеколога – нечего и объяснять. А вот три счета от доктора Томпсона на Харлей-стрит были весьма внушительными.

И еще... Леди Балаклава поправляла свое здоровье в одной частной лечебнице и провела там три недели.

Но больше – ничего.

Генри оставалось только узнать, где теперь проживает доктор Томпсон.

16

Конечно, это было непросто. Но, в конце концов, Генри выяснил, что доктор Томпсон живет сейчас в Кенте. Они с Эмми приехали туда примерно в половине первого. На вопрос о леди Балаклаве доктор Томпсон ответил:

– Да, она, бедняжка, болела туберкулезом. Когда симптомы уже трудно было скрывать, обратилась к моей сестре. Кристал и Элизабет дружили очень давно, еще со школы. И была еще одна подруга, которая тоже знала о ее болезни. Весьма странная особа...

– Долли Трип?

– Да, ее звали просто Долли. Она стала ухаживать за Кристал. А затем лорд Балаклава погиб.

– А что потом? – спросил Генри.

Доктор Томпсон посомневался.

– Извините, но ведь вы – полицейский?

– Да.

– Значит, в смерти Кристал было что-то подозрительное?

– Я могу ответить просто. Сначала возникло предположение, что ее отравили. Но никаких следов яда не нашли. И врачи констатировали «естественную смерть». Я провожу неофициальное расследование. Однако думаю, что она умерла не от туберкулеза. Ведь она полностью вылечилась?

– Полностью.

– Случилось чудо?

– Именно чудо, – сказал доктор Томпсон. – Просто она решительно не захотела умирать. Других объяснений нет. Заботливый уход за ней этой Долли и чистый воздух Пламли-Грин тоже сыграли свою роль, конечно. А затем был изобретен стрептомицин. Мне удалось достать это лекарство, когда оно было еще редкостью в нашей стране.

– Каким образом? – спросил Генри, но был уверен, что уже знает ответ. – Из одной клиники в Лозанне?

Доктор Томпсон откинулся на спинку кресла и засмеялся.

– Не знаю, зачем вы утруждали себя путешествием сюда, молодой человек. Вам известно не меньше, чем я могу вспомнить. Лучше вы сами назовите имя того врача, потому что я действительно забыл...

– Эдуард Дюваль.

– Вполне вероятно. Имя ничего не значит для меня. Важно то, что я получил тогда стрептомицин. И чудо произошло. Леди Балаклава вылечилась полностью. Но, конечно, мы уже не используем этот препарат в таких больших дозах.

– Почему, если он так чудесен?

Доктор Томпсон вздохнул.

– Побочные эффекты. Они появились не сразу и только у некоторых пациентов. Глухота, головокружения, аллергия на лекарство.

– Аллергия? – повторил Генри.

– Стрептомицин используется по-прежнему, но в меньших дозах и в сочетании...

– Вы сказали об аллергии, – напомнил Генри.

– Да. Это – один из побочных эффектов, причем его наиболее сложно уследить. Он может проявиться только спустя много лет.

– И леди Балаклава страдала от него?

Доктор Томпсон искренне удивился.

– Нет! Конечно, нет. – Он помолчал и затем спросил: – Вы видели, как умерла леди Балаклава?

– Да, мы с Эмми были там, когда это случилось.

– И симптомы указывали на отравление, но яд не обнаружили?

– Совершенно верно.

– На какой яд было подозрение?

– Предположительно это был инсектицид, один флакон которого нашли в доме.

– Опишите мне, пожалуйста, симптомы. И как можно детальнее.

Воспоминания были неприятные, но Генри рассказал все – «как можно детальнее». Когда он закончил, наступило долгое молчание. Наконец, доктор Томпсон медленно произнес:

– Нет, боюсь, я не могу этого сделать.

– Что именно?

– Я хотел, услышав подробности, раскрыть тайну для вас – но это невозможно.

– Не совсем понял.

– Гм-м... Из того, что вы мне сказали, и, зная историю болезни леди Балаклавы, я бы предположил возникшую все-таки у нее аллергию на стрептомицин.

– Да, но стрептомицин тоже не обнаружили.

– О! Тут как раз ничего удивительного. Он исчезает очень быстро. Через двадцать четыре часа после инъекции вы не найдете и следа.

– Вскрытие было сделано через шесть часов.

– В таком случае, небольшое количество стрептомицина могло быть обнаружено в моче – если, конечно, его искали.

– Вы имеете в виду?..

– Ведь это никакой не яд, и у патологоанатома нет причины делать на него тест. Вы говорите, что перед смертью она съела только кусочек торта и выпила глоток шампанского?

– И еще понюхала розы, – напомнил Генри.

Томпсон это проигнорировал.

– А торт и шампанское исследовали?

– Конечно. Ничего не нашли.

– Судя по тому, как внезапно наступила смерть, можно утверждать, что леди Балаклаве был сделан укол. Вы искали в доме стрептомицин? Может, кто из прислуги делал себе инъекции?

– Там не было слуг – только Долли...

– Она до сих пор там живет?

– Да. Леди Балаклава завещала ей этот дом и еще кучу денег в придачу. Теперь Долли остается выжить.

– Выжить? – Томпсон удивленно поднял брови.

– По странному стечению обстоятельств, Долли тоже чуть не отравилась.

– Действительно, странно!

– Еще как. – Генри вздрогнул. – Я ничего не могу понять. Но, по крайней мере, вы меня успокоили.

– Успокоил?

– Да, – хмыкнул Генри. – Видите ли, я начал уже верить в то, что существует неизвестный яд, который не оставляет следов. – Он встал, попрощался с доктором, но тот задержал его еще на минуту.

– Подождите, инспектор. Я ведь рассказал вам о побочных эффектах, которые может вызывать стрептомицин у конкретного индивидуума. Но это не значит, что то же самое произойдет с другим. Не много вы найдете убийц, которые воспользуются таким методом.

– Пока меня интересует только один убийца, – ответил Генри.

– Мы едем в Швейцарию, – заявил Генри жене, когда они вернулись домой.

Тиббетам повезло. Курортный сезон еще не был в полном разгаре, и они легко заказали билеты на вечерний паром, отправляющийся из Дувра. Утром они уже мчались в симпатичном автобусе по прямой, как стрела, дороге среди ровных полей южной Франции.

Ехали целый день, оставляя Париж далеко на западе, и, когда упали сумерки, взору предстал величественный пейзаж. Прямо перед ними лежало прекрасное Женевское озеро, в ярких синих водах которого отражались огни Лозанны.

Тиббеты остановились в отеле, расположенном на берегу. Из окон открывался чудесный вид.

На следующий день они нанесли визит Дювалям. Примроуз очень удивилась, увидев их, однако пригласила пройти в квартиру и сразу спросила, как чувствует себя Долли.

– Лучше, – сказал Генри. – Врачи говорят, что она выживет. – Примроуз пожала плечами.

– Здоровая кобыла. Никогда ничем не болела.

– А разрешите поинтересоваться, мадам Дюваль, разве вы не знали, что у Долли – дерматит?

– Какой странный вопрос, мистер Тиббет! У Долли – дерматит?!

– Вы знали?

– Конечно, нет. – Ее губы сжались в тонкую суровую линию.

– Но вы знали, что ваша мать болела туберкулезом?

– Откуда вам известно?

– Сначала ответьте. Вы знали?

– Да. Эдуард мне сказал под большим секретом. Но она давно вылечилась!

Генри не стал спорить.

– Когда последний раз ваша мать приезжала сюда?

– Лет десять назад. Весьма печальное событие.

– Печальное? Почему?

– Она поругалась с Эдуардом, не помню, из-за чего. И даже упала в обморок.

Генри сразу заинтересовался.

– Упала в обморок?

– О, я думаю, что она притворилась. Просто, чтобы положить конец ссоре.

– А ваш муж? Что подумал он?

Примроуз коротко рассмеялась.

– Эдуард согласился со мной, что это – типичные женские штучки. Он и меня в этом частенько обвиняет.

– Очень любопытно, мадам Дюваль. Вы не могли бы вспомнить, что ели в тот день?

– Вы с ума сошли! Вспомнить, что мы ели десять лет назад! Но знаете, зато я помню, что мы тогда пили.

– В самом деле?

– Да. С выпивки все и началось. Мы предпочитаем вино, конечно, а маме всегда нравился джин. Эдуард его терпеть не может и не держит дома. От вина мама отказалась, и тогда Эдуард предложил ей стакан сока. – Она посмотрела на Генри, явно встревоженная. – Почему вы меня спрашиваете?

– Я бы хотел также задать несколько вопросов вашему мужу.

– Но его нет дома!

– А когда он придет?

– Вы не поняли. Его нет в Швейцарии.

– Очевидно, конференция... – начала Эмми.

– Нет-нет. Он – в Париже, в институте иммунологии. Пытается найти деньги на свои проекты. Генри улыбнулся.

– Жаль. Теперь вы и сами можете его спонсировать.

– Никогда, – жестко произнесла Примроуз. – Я никогда не дам ему денег. – И на секунду закрыла глаза, будто от боли. – А теперь извините меня, но я попросила бы вас уйти. У меня скоро встреча с моим адвокатом.

– Понимаю. У вас, наверное, много хлопот с завещанием.

– О, да! Что ж, прощайте. Надеюсь, вам понравилось в Лозанне.

Рядом с домом была почта. Генри позвонил оттуда, найдя в телефонной книге имя доктора Дюваля. Ответил приятный женский голос.

– Мне нужен доктор Дюваль.

– Одну минуту. – И потом: – Извините, месье, но доктор – в отпуске... Нет, я не знаю, когда доктор Дюваль вернется... он, кажется, отдыхает в Испании. Если вы оставите свое имя, месье...

Генри повесил трубку.

Кондитерская Боне отличалась особым шиком. Здесь, в элегантно обставленных уютных залах, встречались дамочки, чтобы выпить кофе, посплетничать и насладиться изумительными пирожными. Генри и Эмми сели за столик, который только что освободили две дамы в собольих накидках и с крошечным пуделем в ошейнике, сверкающем бриллиантами.

Тиббеты уселись на расшитые золотом стулья и попросили пожилую официантку принести им по чашечке кофе.

– Так где же теперь доктор Дюваль? – спросила Эмми, повернувшись к мужу.

– Может, в Париже, – ответил Генри. – А что ты думаешь по этому поводу?

– Я сначала не поняла Примроуз. Она будто испугалась...

– Испугалась?

Эмми покачала головой.

– Нет, не испугалась. Может, разозлилась. Но не из-за нас. А когда она заговорила о своем муже, я вдруг поняла.

– Что ты поняла?

– Он ее бросил.

– Что?!

– Ты разве не догадался?

– Нет! Ничего такого ужасного мне и в голову не пришло.

– Думаешь, она знает, где он?

– Именно так я и думал. Но ты открыла мне глаза, поскольку я верю в женскую интуицию. –

Генри улыбнулся. – Особенно, если речь идет о женских делах. Значит, ты считаешь, что Эдуард дал деру от своей жены?

– Зачем ей понадобился адвокат?

– Имеешь в виду развод?

– Не представляю, чтобы Примроуз решилась на такой шаг. Более вероятно, что она желает еще надежнее защитить свои денежки от мужа. Бедный Эдуард...

– Это в каком смысле – «бедный Эдуард»?

– Хм-м... Ну, если он убил Кристал, то получается, что зря.

– Ты считаешь, он – убийца?

Подошла официантка и поставила перед ними две чашки кофе.

– У вас тут делают чудесные торты, – похвалил Генри.

– Наши торты известны во всем мире, – расцвела официантка.

– Я знаю. На прошлой неделе мы отведали ваш торт, в Англии.

– В Англии? Как интересно! Конечно, в старые времена у нас было много английских клиентов.

– Это был особенный торт, – продолжал Генри. – Юбилейный.
– Торт мадам Дюваль? Для ее матери госпожи княгини?
– Верно. – Генри не стал уточнять титул леди Балаклавы. – Вы делаете их каждый год, не правда ли?

– Да, действительно, месье. Наш хозяин очень гордится этим. В этот раз я сама упаковала торт и отнесла его к такси мадам Дюваль. Она спешила в аэропорт. Надеюсь, он понравился госпоже княгине?

Генри был избавлен от необходимости отвечать на столь неловкий вопрос – официантку позвали к другому столику.

– Итак, ты по-прежнему считаешь, что убийца – Эдуард Дюваль? – спросил Генри у своей жены. – И он отравил торт?

– Да, все сходится.

– Как раз ничего не сходится. Он не мог отравить торт.

– Понимаю. Ты имеешь в виду, что Эдуарда там даже не было.

– Именно. И, кроме того, если ему нужны были деньги, зачем он ждал десять лет?

– Все-таки, он – явный подозреваемый, – вздохнула Эмми.

– Пожалуй, слишком явный. Интересно, где он сейчас? О, кстати! Давай наведемся в институт иммунологии. А также я хотел бы поговорить с мистером Швахеймером. Дело в том, что ситуация Даффи становится все более интересной.

18

Они остановились в скромном отеле на Монмартре. Было уже восемь вечера. Генри и Эмми, уставшие после дороги, поужинали в ближайшем кафе, вернулись к себе в номер и легли спать.

Утром Эмми прогулялась немного по улице Риволи, а Генри посетил институт иммунологии.

Там, в небольшом офисе, роскошная брюнетка сообщила ему, что доктора Дюваля нет в Париже.

– Вы с ним буквально разминулись, месье.

– Он только что был здесь? – не понял Генри.

– Разве я так сказала, месье? Нет. Он возвращается в Швейцарию. Но он был здесь совсем недавно... дайте я посмотрю... да, неделю назад. Конференция? Какая конференция?

– Ведь доктор Дюваль был здесь на конференции, когда его срочно вызвали в Англию.

Брюнетка искренне удивилась.

– Нет, месье! У нас бывает только одна конференция в год. Здесь, в Париже, но только в феврале.

Следующий визит был к мистеру Швахеймеру в отель «Грильон». Тиббеты отправились туда вместе.

Администратор за стойкой посмотрел на Генри снисходительно и ответил, что бесполезно спрашивать мистера Швахеймера в это время дня. Наверняка мистер Швахеймер сейчас в офисе. Что касается миссис Швахеймер...

Он вздохнул, давая понять, что есть тайны, о которых в высшей степени неприлично расспрашивать. Но все же медленно поднял трубку черного телефона и пошептал туда что-то. Нет, сказал он, положив трубку, миссис Швахеймер нет в номере.

– Ты думаешь, что Даффи у себя? – спросила Эмми.

– Уверен.

Минут через десять в холл вошел стройный, черноволосый, очень красивый молодой человек. Что-то знакомое было в его лице.

Эмми наклонилась к мужу и шепнула:

– Это – Уоррен. Если не ошибаюсь, Даффи скоро будет здесь.

- Уже здесь. – Генри быстро встал. – Миссис Швахеймер! Рад вас видеть. Даффи долго, с застывшей улыбкой, смотрела на Генри. Затем вымолвила:
- Какой сюрприз!
- Даффи... – нетерпеливо произнес молодой человек.
- Разрешите представить – это Уоррен Швахеймер. А это – мистер Тиббет из Скотланд-

Ярда.

Уоррен побледнел.

– Мы с Эмми будем счастливы, если вы с нами пропустите по стаканчику, – сказал Генри.

Десять минут спустя они вчетвером сидели за столиком в кафе и пили аперитив.

– Не будем терять времени, – начал Генри. – Вы сами были не очень осторожны.

Даффи со злостью взглянула на Эмми.

– Если ты все рассказала...

– Я ничего никому не говорила.

– Ваш муж знает!

– Мой, но не ваш, – возразила Эмми.

Даффи вроде бы немного успокоилась и повернулась к Генри.

– Так что?

– Ваша личная жизнь никого не касается, конечно. Но у вас есть мотив.

– О чем это вы?

– Извините, если буду груб. Вы хотите бросить своего мужа и выйти замуж за его сына?

– Даффи... – начал Уоррен.

– Заткнись! – рявкнула Даффи. – Да, как только деньги будут в банке.

– Тогда – еще один вопрос. Когда вы узнали, что ваша мать больна туберкулезом?

– Не говорите ерунду! Мать всегда была здорова.

– Но Примроуз знала о болезни.

– Я не знала!

Уоррен выглядел все более несчастным и, наконец, не выдержал.

– Что происходит? Ради Бога, Даффи, в чем дело?

– Не имею понятия. Спроси у детектива.

– А шампанское? – продолжал Генри.

– Что – шампанское?

– Оно было хорошо закупорено?

– Конечно.

– Никто не мог его открыть?

– Не будьте идиотом. Попробуйте сами насыпать яд в бутылку шампанского.

Генри подумал секунду.

– А где сейчас Эдуард Дюваль?

Даффи изумленно подняла брови.

– Откуда я знаю? В Лозанне, наверное.

– Его там нет. Мы спрашивали у Примроуз.

Даффи была явно заинтригована.

– Вы имеете в виду, что он сбежал? Представляю! Развлекается с какой-нибудь толстушкой!

Генри встал.

– Благодарю за информацию. Мы вас прервали, но вы можете продолжать в том же духе.

Тиббеты вернулись в свой отель, и Генри сразу стал собираться.

– Куда теперь? – спросила Эмми.

– В Голландию.

- Отлично. А затем?
- Обратю в Англию – куда же еще?

19

Маленький отель в городке Альсмер был очень чистый и уютный. Плотно позавтракав, Тиббеты отправились на цветочный аукцион.

Массивные здания из красного кирпича и прочие индустриальные постройки не впечатляли своим внешним видом. Но зато внутри зрелище было потрясающее. Все эти огромные ангары были буквально забиты цветами.

Среди буйства красок спокойно расхаживали мужчины в черных костюмах и внимательно разглядывали товар.

Генри и Эмми проводили в большой прохладный зал, где цветы аккуратно укладывали в специальные пористые коробки из пластика. Затем их отправляли в аэропорт, и они разлетались во все страны.

– Наши цветы вы можете увидеть во всем мире, – с гордостью заявил гид. – И они – всегда в отличном состоянии. Чтобы предохранить их от разных бактерий, цветы еще в теплице специально опрыскивают пенициллином или стрептомицином. Здесь поддерживается оптимальная температура...

– Стрептомицин! – зашипела Эмми в ухо своему мужу.

– Идем, – сказал Генри. – Надо разыскать Пита.

Охранник у ворот был очень любезен, но не смог ничем помочь. Ван дер Ховен? О, да, он был здесь, привез на продажу свои розы, но уже давно уехал. Без сомнения, он сейчас у себя в теплице, если вы хотите с ним поговорить...

Довольно просто Тиббеты нашли маленький аккуратный домик на зелененьком островке. Генри позвал дважды, и вот сам Пит вышел им навстречу.

– Мистер Тиббет! Миссис Эмми... Какой приятный сюрприз! Вы здесь в отпуске?

Они прошли в дом. Комнаты – крошечные, да и тех немного. Роскошью тут и не пахло.

– А где ваша жена? – спросил Генри.

– Вайолет? О, извините, ее нет дома. Звонил этот худенький старичок, который с нами обедал. Адвокат. Что-то насчет денег. Я ничего не понимаю. Вайолет срочно понадобилось уехать. Хотите кофе? – Пит исчез на кухне, продолжая говорить: – С этими деньгами нам одна морока. Мы с Вайолет – простые люди. Большие деньги – не для нас, и с ними розы лучше расти не будут. – Он вернулся из кухни, неся поднос с дымящимся кофейником и широкими.

Потягивая ароматный кофе, Генри спросил:

– Значит, вы не собираетесь бросать свой бизнес?

– Бросать? – Пит даже забыл про кофе. – Мои розы? Нет, конечно, нет! – И он рассмеялся, покачивая головой.

– В любом случае, деньги принадлежат вашей жене, не так ли?

– Да. Деньги – полностью ее. Мы заключили договор, когда женились, что наследство будет принадлежать ей. Но какая разница, чьи деньги? Мы – люди простые. Без амбиций, растим потихоньку наш садик и довольны своей жизнью.

– Этот пакет с инсектицидом, который вы оставили для Долли...

Честные голубые глаза вопросительно глянули на Генри.

– А что с ним? Это – ужасная вещь! Ужасная.

– Плохая?

– Нет-нет. Эффективная, но очень опасная.

– Вы используете такую вещь, хотя она очень опасная?

– Надо соблюдать меры предосторожности, – заметил Пит.

– И кроме этого, вы еще опрыскиваете цветы, чтобы они дольше сохранились?

– Конечно.

– Стрептомицином?

Пит, вроде бы, ничуть не удивился.

– Нет, я им не пользуюсь.

– И розы для леди Балаклары вы не опрыскивали?

– Я же сказал. – Пит допил кофе и закурил толстую короткую сигару. – А какая разница?

– Очень большая. Вы ведь знали, что леди Балаклава умрет, если понюхает стрептомицин.

– Знал... что? – Пит не был ни шокирован, ни возмущен. Он просто не понимал. – Может, я немного туповат, мистер Тиббет, но при чем тут стрептомицин и смерть моей бедной тещи?

Несколько секунд мужчины молча смотрели друг на друга. Затем Генри прервал молчание.

– Если вы не знаете, мистер ван дер Ховен, то мне незачем вам и говорить. Когда вернется Вайолет?

Пит пожал плечами.

– Она позвонит. Завтра или послезавтра. Послушайте. Раз вы здесь, то не хотите ли взглянуть на мои розы? Я буду счастлив показать вам мои теплицы.

Уже из отеля Генри позвонил Саре Мессингем.

– Конечно! – сказала она, выслушав его. – Это вполне могли быть розы!

– Как чувствует себя Долли? – спросил он.

Помолчав, Сара ответила:

– Не знаю. Доктор Гриффитс сейчас занимается ее здоровьем.

– Сделай мне одолжение, Сара. Присмотри за Долли. Не отходи от нее ни на шаг. Не пускай к ней посетителей, особенно родственников.

– Но как же я могу...

– Постарайся!

– Ладно, хотя мне это и не нравится...

– Ерунда, – перебил ее Генри. – Ты получаешь от всего этого истинное наслаждение.

Она звонко рассмеялась.

– Хорошо, постараюсь сделать все, что смогу.

– Ты – ангел, и я тебя обожаю. Ну, все, пока, Сара. От Эмми большой привет. – И Генри положил трубку.

Эмми удивленно посмотрела на мужа.

– Если честно, Генри, ты просто монстр.

– Вовсе нет, – парировал Генри. – Я – тонкий психолог и умею найти нужный подход.

– Психолог... подход... – буркнула Эмми. – Я нашла телефон, который тебе нужен: Каес ван дер Стин, Альсmeer, 817.

Господин ван дер Стин был удивлен, когда ему позвонил незнакомый англичанин, но не отказал в просьбе встретиться. А вдруг это – богатый клиент?

Окинув взглядом современный офис бизнесмена, Генри представился писателем, эдаким свободным художником. Мол, следующую свою книгу он хотел бы написать о розах.

Во время долгой беседы Генри упомянул об инсектицидах. Не опасны ли они? Ван дер Стин удивился.

– Опасны? Да что вы! Все ими сейчас пользуются. Если они опасны, то пусть нам об этом скажут наши ученые. А за что мы им, собственно, платим? Конечно, и стрептомицин – отличное средство. Ничто так не сохраняет розы. Я часто отправляю свои розы в Нью-Йорк, например, а это – двенадцать часов с момента заказа и до получения их клиентом... и в Северную Африку...

– Но не все пользуются стрептомицином, – перебил его Генри. – Я разговаривал с мистером ван дер Ховеном...

На лице ван дер Стина появилась кислая гримаса.

– Надеюсь, вы не зря потратили на него время, мистер Тиббет. Питу ван дер Ховену надо работать садовником у миллионера, а не заниматься бизнесом.

– У него – прекрасные розы, и он верит в то, что делает.

– Вы так считаете? – Ван дер Стин наклонился вперед. – Тогда я вам скажу! Потому что всего несколько дней назад Пит заходил ко мне одолжить немного стрептомицина.

– В самом деле?

– Да. Ему надо было отвезти в Англию розы, на день рождения, или что-то в этом роде.

– Значит, это Пит. Но почему? Почему? – начала Эмми, когда Тиббеты вернулись к себе в отель.

– Он очень любит свою жену, – задумчиво протянул Генри.

– Ты имеешь в виду – она его уговорила?

– Я и сам пока не знаю, что имею в виду.

– Но это – Пит?

– Да. Это, должно быть, он.

Раздался телефонный звонок.

– Генри? Слава Богу! Я не могу дозвониться вам целый день. Это – Сара.

– Что случилось, Сара?

– Долли выписывают завтра.

– Хорошие новости.

– Да? Вы не знаете всего. Мистер и миссис Дюваль сейчас в Англии. Они хотят забрать Долли.

– Господи! Когда ее выписывают из больницы?

– Завтра в девять утра. Что мне делать, Генри?

– Я должен ехать, дорогая, – сказал Генри. – А ты останешься.

– Мне это совсем не нравится. Теперь, когда тебе осталось только доказать, что Пит виновен...

– Подожди! – перебил ее Генри. – Ты подкинула мне идею.

– Я? – удивилась Эмми.

– Да. Все сходится! Почему я не видел этого раньше?

– Генри, что я такого сказала?

– Не обращай внимания. – Он сел и стал листать свою записную книжку. – Мне надо сделать три звонка.

Мистер ван дер Стин очень удивился.

– Какой странный вопрос, мистер Тиббет! Подождите-ка... дайте вспомнить... да, вы правы... так и было... Наверное, он был очень занят...

Даффи пробубнила скучным голосом:

– Опять вы? Боже мой... Нет-нет. Конечно, нет. Ни слова.

Сестра доктора Томпсона вежливо сказала:

– Мистер Тиббет! Какой приятный сюрприз... Что? Как вы это узнали? Да, все верно... Рассказ моего брата взволновал меня... Надеюсь, ничего страшного?

Генри повернулся к жене и произнес:

– А теперь, я думаю, пора заказывать билеты. Мы едем в Англию. Вдвоем.

На повороте к вилле «След лисы» машина Тиббетов чуть не врезалась в красный «три-умф». Генри резко затормозил.

– Добро пожаловать! – Сара помахала рукой, высунувшись в окно.

– Как дела? – спросил Генри.

– Я... я не знаю. Где мы можем поговорить?

– С Долли все в порядке? – завокнулся Генри.

Сара ответила как-то неуверенно:

– Вроде да.

– Ладно, езжай в сторону Пламли-Грин и остановись где-нибудь на опушке. Мы – за тобой.

Через несколько минут они втроем сидели на зеленой траве под деревом, и Сара рассказывала уже подробно

– Они были очень милы. Забрали Долли, и сейчас она у них в доме. Я объяснила, что ухаживала за ней и хотела бы знать, не нужна ли моя помощь. Все это, кажется, прозвучало не очень убедительно, но они проглотили. Мадам Дюваль пригласила меня в дом и угостила чашкой кофе.

– Примроуз? Сама?

– Своими собственными прекрасными ручками.

– Нет. Я имею в виду – ты уверена, что это была именно Примроуз? Ты узнала ее?

– Конечно.

– О, Боже! – воскликнул Генри. – Значит, я ошибся! А где сейчас Долли? В своей комнате?

– Нет, в другой. И странное дело – вся комната черная.

– Это – наша, – сказала Эмми. – Мрачновато?

– Шторы были завешены, стены черные – как в могиле. Долли лежала на кровати и спала... Я не знаю. Неудобно было в их присутствии проводить клинические исследования. Доктор Дюваль прошептал, что лучше ее не беспокоить, и мы на цыпочках вышли. Я еще посидела немного и затем уехала.

– Сара, ты ведь видела до этого мадам Дюваль? – спросил Генри.

– Мельком, в коридоре, в тот день, когда умерла леди Балаклава.

– Мельком? Господи! А может, я и не ошибся? Скажи, Сара, как выглядит мадам Дюваль?

Сара удивилась.

– Но вы же знаете...

– Просто опиши мне ее.

– Что ж... Лет тридцать, стройная брюнетка...

– Вайолет! – воскликнула Эмми.

– Именно, – взволнованно проговорил Генри. – Эта женщина в доме – не мадам Дюваль. Это – Вайолет. Я еще вчера так подумал.

– Но... – начала Эмми.

– Сейчас нет времени объяснять. Сара, тебе надо немедленно скрыться. Мчись в полицейский участок. Найдешь там инспектора Сэндпорта, помнишь его? Отдай ему мою записку. И не высывай носа, пока я не приеду. Ни на секунду не оставайся одна.

– Честно сказать, все это немного мелодраматично, – заявила Сара. – Еще несколько минут назад я была у них в доме, и со мной ничего не случилось.

– Несколько минут назад ты не была угрозой для убийцы. Но очень скоро он поймет, как ты действительно опасна для него. Поторопись!

– А вы что будете делать?

– Мы едем на виллу, чтобы предотвратить убийство. Верно, милый? – ответила Эмми, коротко взглянув на Генри.

– Абсолютно.

21

Сад рядом с виллой выглядел еще более таинственным, чем раньше, неделю назад. Фонтан-саксофон бормотал свою мелодию, выбрасывая лениво струйку воды, которая сбегала в мелкий бассейн.

Азалии, вместе с другими рододендронами, выступали мощно – в пурпурном, золотом и алом нарядах. Черноволосая стройная женщина срезала розы и аккуратно складывала их в корзинку.

Вайолет, – а это была она, – выпрямилась, услышав, как подъехала машина, и повернулась.

– Мистер и миссис Тиббет! – воскликнула она и широко улыбнулась. – Вот не ожидали!

– Очень рад вас видеть, миссис ван дер Ховен. – Генри пожал протянутую руку. – И мадам Дюваль тоже здесь?

– Нет. Примроуз – в Швейцарии. А меня вызвал сюда адвокат. Что касается Эдуарда, то у него – конференция в Лондоне, и мы решили забрать Долли из больницы. Эдуард улетает во вторник, но я пока останусь. Входите же!

– Да, мы зайдем. Я думаю, нам надо кое о чем поговорить, – нахмурился Генри.

– А я хочу отнести эти розы в комнату Долли, – проворковала Вайолет. – Бедняжка так любит розы!

Из гостиной вышел Эдуард Дюваль.

– Ага! Вы раскрыли наш секрет? – Он засмеялся. – Я видел из окна, как вы подъехали. Вайолет уже объяснила вам, в чем дело?

– Да, конечно, Эдуард, – сказала Вайолет. – Я сообщила им и о твоей конференции, и о моей встрече с адвокатом. Чтобы про нас не думали, будто мы с тобой такая сладкая парочка.

– Ну, ладно. Проходите. Да, между прочим, – добавил Дюваль, – звонила доктор Мессингем.

– Действительно? Что она хотела?

– Попрощаться! Кажется, она куда-то уезжает.

– Странно, – протянула Вайолет. – Она ничего не говорила нам об этом, когда была здесь всего минуту назад. Что вы будете пить, миссис Тиббет? Джин? Шерри?

Эмми отрицательно покачала головой, а Генри твердо произнес:

– Я должен сразу заявить, что это – не дружеский визит. Мне надо допросить Долли.

– Допросить Долли? – прошептала Вайолет.

– Да. Мы отвезем ее в полицейский участок.

– Она слишком больна, – заметил Дюваль. – Ее нельзя сейчас арестовывать.

– Я не собираюсь ее арестовывать. Пока. И может, мы сядем? Мне надо кое-что объяснить. – Генри закурил. – Это – длинная история. Она началась еще в школьные годы леди Балаклавы. У Кристал были две лучшие подруги – Долли Трип и Элизабет Томпсон.

– Кто? – переспросила Вайолет.

– Доктор Дюваль знает, не так ли?

Эдуард ответил бесстрастным тоном:

– Я знал ее когда-то.

– Затем подружкам стало известно, что Кристал больна туберкулезом, – продолжал Генри. – И вам, конечно.

– Не буду отрицать, инспектор. Я знал о болезни леди Балаклавы. Для Вайолет это, конечно, полная неожиданность. – Она кивнула, а Дюваль продолжил: – Но случилось чудо – Кристал выздоровела. Возможно, ей помог стрептомицин, который я привозил по просьбе доктора Томпсона. Так я и познакомился с Элизабет.

– А затем? – спросил Генри.

– Затем – что? Ничего! Мы с Примроуз поженились, а Томпсоны потихоньку исчезли из нашей жизни. Я думаю, инспектор, что теперь вы можете продолжить свою историю.

– У Кристал появилась аллергия на стрептомицин. Вы знаете, что это бывает не сразу. С некоторых пор даже небольшая доза стала для нее смертельной.

Эдуард Дюваль сильно побледнел.

– В самом деле... – Он потер подбородок. – Такие вещи случаются...

– А теперь перейдем к главному, – продолжал Генри. – К завещанию леди Балаклавы. На ее наследство претендовали четверо. Это миссис Швахеймер – она и без того миллионерша. Далее идет мадам Дюваль, тоже весьма богатая женщина, не так ли, доктор?

Эдуард Дюваль хмыкнул:

– Конечно!

– И затем – миссис ван дер Ховен. Однако ясно, что разные экстравагантности – это не ее стиль.

Вайолет низко опустила голову.

– Мужей мы исключаем из числа подозреваемых, поскольку все предусмотрено, чтобы деньги им не достались. Дочери жили прекрасно. Мысль, что одна из них могла убить леди Балаклаву, отбросим сразу.

Вайолет подняла глаза, а Эдуард откинулся в кресле и закурил сигару.

– И что? – спросил он.

– Но у нас остался еще четвертый претендент – это мисс Трип. В отличие от других, она все время находилась рядом с леди Балаклавой, день за днем. Она сносила все ее капризы. Была при ней чем-то средним между любимой собакой и слугой. Жила в неудобной тесной каморке и делала всю работу по дому, не получая даже благодарности. Она терпела все это и не жаловалась, полагая, что у нее нет выбора. Без денег и без наследства, как она думала. – Генри помолчал. – Пока не узнала... о наследстве.

– Вы думаете, что она узнала?

– Я уверен.

– Как ей это удалось?

– С помощью Гриффитса.

– А это еще кто такой?

– Молодой врач леди Балаклавы. Ему помогла его красота. Ручаюсь, что Долли выболтала ему о туберкулезе, а Кристал рассказала о завещании. Гриффитс кое-что смекнул. Он видел, что леди Балаклава, тверда как камень, а Долли, когда получит наследство, будет легко уговорить, ибо она хоть с виду и сурова, но, вообще-то, добрая душа.

– Если все это правда, значит, вы должны арестовать Гриффитса, а не бедняжку Долли.

Генри покачал головой.

– Подозрения – это одно, а факты – совсем другое. Гриффитс рассказал Долли о завещании и уговорил ее убить леди Балаклаву. Но сам он не совершал преступления. А вот мисс Трип...

– Долли упала в обморок, когда узнала про наследство! – заявила вдруг Вайолет, молчавшая до сих пор.

Генри посмотрел на Эдуарда Дюваля и удивленно поднял брови.

– Она притворилась, что упала в обморок. Не так ли, доктор?

Эдуард Дюваль засомневался.

– Она была в шоке. Понятно, при подобных обстоятельствах. Я не хотел говорить...

– Вы имеете в виду, что знали все это время? Она притворялась?

Дюваль вздохнул.

– Это вы сказали, инспектор. Не я. Но...

– Сейчас ее болезнь непритворная, – резко перебила его Вайолет.

– Нет, миссис ван дер Ховен, – произнес Генри. – Ее болезнь – результат действия инсектицида, который привезли вы.

– О, нет!
– Долли сама его себе подложила, чтобы избежать дальнейших расспросов.
– Она чуть не убила сама себя!
– Да, – кивнул Генри. – И теперь я должен отвезти ее сначала в больницу, а потом допросить.

Дюваль встал.

– Я – против.
– А я требую!
– Мне надо было сразу сознаться, – вздохнул Дюваль.
– О чем вы говорите? – резко спросил Генри.
– Этим утром Долли пыталась покончить с собой.
– Но она не умерла?
– Нет. Я все сделал, чтобы ее спасти. Она приняла большую дозу снотворного. Естественно, она и сейчас спит. Вы можете убедиться сами. Она не в состоянии отвечать на ваши вопросы.

– Я хотел бы на нее взглянуть, – попросил Генри.

Они вышли из гостиной, и Эдуард вдруг воскликнул:

– Сегодня же суббота!

– Суббота? – тихо повторила Вайолет.

– Да, надо купить продукты на завтра. Возьми мою машину и съезди в магазин. Заодно можешь попрощаться с мисс Мессингем, если она еще не уехала.

– Да, Эдуард. – Вайолет повернулась и вышла из дома.

Остальные поднялись по лестнице, и доктор Дюваль, чуть посомневавшись, открыл дверь Черной комнаты.

Сара точно сказала – тут было темно, как в могиле. На кровати, между двумя черными простынями, лежавшая Долли походила на мумию. Однако Генри видел, что она тяжело дышит. Подойдя ближе, он взял ее руку. Она была холодная, как лед.

– Бедная женщина! Теперь мне все понятно. Но вы говорили, что она вне опасности, – громко проговорил Генри.

Долли не пошевелилась, а Эдуард Дюваль пожал плечами.

– Кто может поручиться? Ее силы подорваны болезнью.

– А если она умрет, не будете ли вы в ответе?

Дюваль улыбнулся.

– Мой дорогой сэр, я сделал все, чтобы ее спасти.

– Абсолютно все?

– Конечно.

Во дворе раздался шум подъехавшей машины. Генри подошел к окну, раздвинул шторы, затем повернулся к присутствующим:

– Во всяком случае, доктор Дюваль, вам больше не надо беспокоиться о Долли.

– Что это значит, инспектор?

– Приехала «Скорая помощь». Это я ее вызвал еще раньше. Так что, сейчас Долли увезут в больницу, а потом – на допрос.

– Решительно не могу этого позволить, – воспротивился Дюваль.

Снизу позвонили в дверь. Генри спокойно стоял и смотрел на Дюваля.

– Эмми, дорогая, – обратился он к жене, – иди, открой.

Эмми выскользнула из комнаты, а Дюваль снова улыбнулся.

– Ладно, сдаюсь, инспектор. Я должен сделать письменное заявление.

– Заявление?

– И вы подпишите, что берете ответственность за моего пациента на себя.

– С удовольствием!

– А также я сделаю Долли успокоительный укол. Нет возражений?

– Абсолютно. Вы полностью экипированы, я вижу?

– Экипирован? Нет. Так, кое-что на экстренный случай... – Дюваль достал шприц. – Если вы позволите, инспектор...

На лестнице послышались шаги. Эдуард Дюваль приблизился к постели, держа шприц наготове.

– Нет! – крикнул Генри.

– Простите?

– Я сказал – нет!

В дверь постучали.

– Они не смогут войти, инспектор, пока я не сделаю укол. Дверь захлопывается, и ее можно открыть только изнутри, вы забыли?

– Ломайте! – заорал Генри и бросился на Дюваля.

Странно, однако тот не сопротивлялся, а сразу упал на спину и потянул Генри за собой. Только тогда стал ясен смысл этого маневра. Дюваль пытался воткнуть в Генри шприц, предназначенный для Долли.

В дверь по-прежнему громко стучали, а Дюваль, поймав правую руку Генри, размахивал шприцем.

Генри ударил его коленом. Но игла была все ближе. Как жало змеи. Еще один миллиметр, и она воткнется в запястье. И тогда...

Окно за спиной Дюваля разлетелось вдребезги, здоровенный мужчина ввалился в комнату и крепко схватил его. Второй влез в окно, и третий... Дюваль нажимал на шприц, но жидкость из иглы брызгала во все стороны и на ковер.

Генри потер запястье. Он не мог избавиться от ощущения, что шприц все-таки вонзился в кожу. Затем он встал и открыл дверь. Эмми, которая до сих пор садила в нее кулаком, отвлекая внимание от атаки через окно, со всей силы заехала ему прямо в нос и только затем упала в его объятия.

22

Два дня спустя они собрались в комнате у Долли, но не в Черной, а в большой и светлой, которую занимала раньше чета Швахеймеров. Долли выглядела удивительно бодрой и счастливой. Генри и Эмми сидели с одной стороны кровати, а доктор Сара Мессингем и Тони Гриффитс – с другой. И каждый держал в руке по бокалу шампанского.

– За ваше здоровье, мисс Трип, – улыбнулся Генри, – за полное и скорейшее выздоровление.

– Если бы не Генри... – начала Сара.

– А если бы не ты и Эмми, – в тон ей продолжил Тиббет, – никто бы не узнал вообще про эту историю.

– Кстати, что все-таки здесь случилось? – спросил Тони Гриффитс. – Как вы узнали, кто убийца?

– Да, тут есть еще пробелы. Но, может, Долли их заполнит?

– Я? Почему я?

– Во-первых, как и когда вы узнали про Вайолет и Эдуарда?

Долли покраснела.

– Это – правда. В прошлом году, на дне рождения Кристал. Вся семья собралась, как обычно. Вайолет и Эдуард гуляли в саду, а я случайно подслушала их разговор. Сразу было понятно, – Долли хмыкнула, – понятно, что они – любовники.

– Да, – кивнул Генри. – Вайолет было скучно с Питом, и ее не устраивала провинциальная жизнь с ним. Примроуз – холодная, как рыба, а Эдуард – очень страстный мужчина, к тому же он понял, что жена не даст ему денег, ни пенни из наследства он не получит. Тогда он стал приглядываться к другим наследницам – и нашел Вайолет. Она влюбилась в него по

уши и отдала бы ему все свое состояние. Мужу не дала бы, а любовнику – с радостью. Вот только леди Балаклава и не собиралась на тот свет.

– Это его точные слова, – вставила Долли.

– И тогда вы кое-что предприняли? – Генри ухмыльнулся. – Вы хорошо знали Кристал. Она бы не поверила вам, но поверила покойному мужу. Тогда вы и заинтересовали ее спиритическими сеансами. Но почему вы отрицали это?

– Я до смерти испугалась. Он бы и меня убил.

– Вы совершенно правы, – мрачно проговорил Генри. – Итак, вы предупредили Кристал, а она вызвала меня. И я ничего не мог сделать.

– Никто бы ничего не сделал, – вступилась Сара. – Это было идеальное убийство. Чудо, что вы его раскрыли.

– Кристал это не поможет. Дюваль и Вайолет все тщательно продумали. Впрочем, сознавала ли Вайолет, на какое преступление она идет? Вы знаете, что с ней случилось, да? Ее машина перевернулась на повороте.

– Мгновенная смерть. Нарочно?

– Может быть. А может, она была в таком состоянии, что не заметила поворот.

– А почему Дюваль все-таки приехал на день рождения, если все сделала Вайолет? – спросила Эмми.

– Примроуз позвонила ему, он узнал, что мы здесь, и испугался. Не все шло по намеченному плану. Долли был известен секрет Кристал. И была еще одна подруга – Элизабет Томпсон. Если помозговать... Он решил на время устранить Долли. Однако снова использовал Вайолет, которая подсыпала порошок в постель. В результате, Долли стало плохо, она уже не могла ничего сказать, ее забрали в больницу. Ничего подозрительного. Следствие вроде закончилось, и мы с Эмми уехали в Лондон.

Осталась еще Элизабет Томпсон. После нашей встречи с доктором Томпсоном она написала письмо своему старому другу, Дювалю, и он узнал, что я по-прежнему иду по следу. Тогда участь Долли была решена.

– А как ты узнал, что это был не Пит? – спросила Эмми.

– Ты слышала, я звонил этому цветоводу? Ван дер Стин припомнил, что за стрептомицином приходил не Пит. На самом деле, стрептомицин брала Вайолет. И представляете, что со мной было, когда я узнал, что она и Дюваль снова в Пламли-Грин и «ухаживают» за Долли! Чтобы ее спасти, мне пришлось быстро изобретать историю с арестом Долли, а также я использовал весьма произвольно ваше имя, Гриффитс, извините меня. Все это было так прозрачно, но Дюваль клюнул.

– Почему? – спросил Гриффитс.

– Я дал ему шанс. Передозировка. Отличная версия. Он сразу согласился. И я подкинул ему идею, что Долли только притворилась, будто упала в обморок...

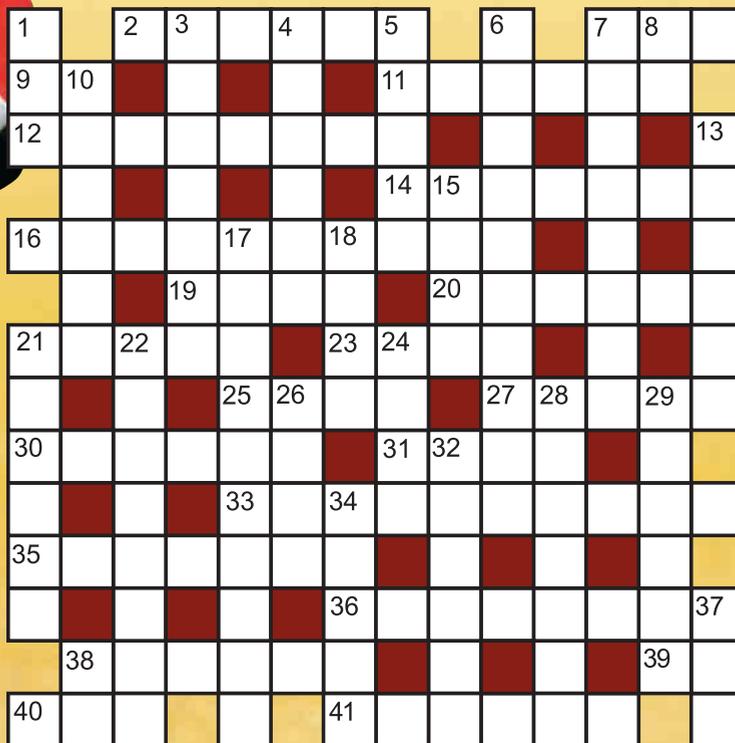
– Наглая ложь, – заметила Долли.

– Конечно. Но Дюваль попался на этот крючок. Самоубийство! И все, кажется ему, разыграно, как по нотам. Будь он проницательнее, заметил бы подвох. Но нет. Вайолет должна была быстрее уехать. Она мешала. В шприце была такая огромная доза снотворного, что усыпила бы навеки. Мне просто повезло. И никто бы не поверил, что он – убийца. Без свидетельства Долли и после «естественной смерти» Кристал... вы сами понимаете. Поэтому я спровоцировал его на насильственные действия – чтобы он выдал себя. И чтобы спасти Долли, конечно.

– Ваши приоритеты меня шокируют, – усмехнулась Долли. – Ну, ладно, ребята. Поехали. А ты, красавчик Гриффитс, убери свои лапы от Сары и займись шампанским. Откупоривай следующую. Да еще пару бутылок неплохо бы поставить в ведро со льдом. ■

*Перевод с английского Геннадия Доновского.
Иллюстрации Льва Рябинина*

По горизонтали. 2. Специалист по «тарелкам». 7. Звание, дающее в Англии право заседать в палате лордов. 9. По нему провозжают, а то и выпроваживают. 11. Ироническое стихотворение В. Ходасевича о цветущем времени года. 12. Ударница на ринге, которой могут вышибить куриные мозги. 14. В «Мертвых душах» она – серебряная, а в крестьянской избе – это посуда для помоев. 16. Состояние женщины в браке. 19. Ах, какое время для А. Пугачевой! 20. Женщины в фильмах, где играл популярный Г. Митич. 21. Лесной житель, кровно заинтересованный в приходе туристов. 23. «Он такой, сякой, этакий, разэтакий». 25. Зашипованная стальная пластина гусеницы. 27. Стройматериал для гнезда полевого жаворонка. 30. Фамилия нескольких русских и американских астрономов и литературных критиков. 31. Мудрая гусыня в знаменитой сказке С. Лагерлеф о Нильсе. 33. Передник, какой Серафим Саровский, в 1815 году частично выйдя из затвора, после беседы со страждущим снимал, а страждущего разрешал от грехов. 35. Обычный уровень воды в озере, реке. 36. Средство связи, до недавнего времени сильно стучавшее. 38. Лапти без задников, в каких ходили дома. 39. «Бабий ...» – стихотворение Е. Евтушенко с подтекстом против русского народа. 40. «Собачья» подпись В. Маяковского в письмах к Лиле Брик. 41. «Соломенная ...» – фильм, где А. Миронов спел песенку про Иветту и других француженок.

По вертикали. 1. Пучок

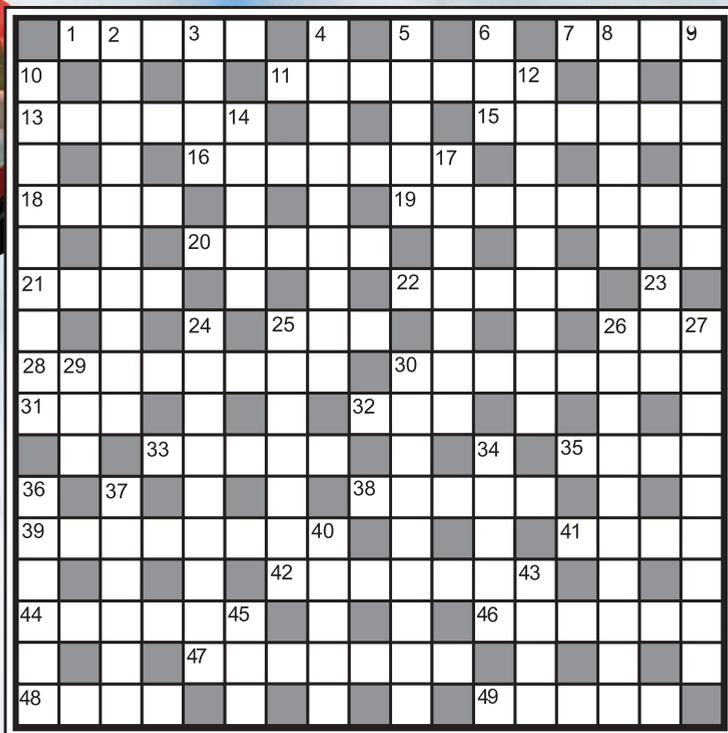
волос, отличавший запорожского казака. 3. Органный регистр. 4. Очки, которые нынче если не в музее, то у пижона. 5. Шумная суета. 6. Женщина, слетевшая с катушек. 7. Бытовая провокация. 8. Крик, заставляющий оглянуться. 10. Княжество, где Клаудиа Шиффер купила свою первую недвижимость. 13. Ильф – Петров, Тристан – Изольда, Самсон – ... 15. Яйцо в профиле. 17. Место, где принародно дают взятку Богу. 18. Оружие, каким в старину землю даже не пахали, а орали. 21. Пространство, какое взглядом не обшаришь. 22. Антипараллельная линия на карте. 24. Гладкое, наезженное место на зимней дороге. 26. Пареный символ простоты. 28. Болезненный ребенок, обычно с большой головой и кривыми ногами. 29. Административно-территориальная единица в Алжире. 32. Подвязать, урезать ... – унять своеволие, убавить власти, свободы. 34. Большой приток большой сибирской реки, жители на берегах которых больше всего в мире подвержены опасности заболеть раком печени. 37. Борьба, состязание, спор, тяжба. 38. Ни ..., ни ме, ни кукареку (полное незнание или непонимание).

Ответы на кроссворд, напечатанный в № 11

По горизонтали. 1. Пьявко. 4. Иерарх. 8. Соловьев. 9. Телеграф. 13. Юрта. 15. Стиль. 17. Грин. 18. Суд. 19. Лем. 21. Рокфор. 22. Враки. 23. Бибика. 24. Фас. 26. Гол. 27. Выварка. 28. Пенсия. 29. Мнишек. 30. Заначка. 33. Инь. 35. Кон. 39. Удочка. 40. ...шоссе... 41. Жертва... 42. Аид. 43. Хор. 44. Рамо. 45. Чтиво. 46. Ишак. 51. Цитатчик. 52. Щегленок. 53. Кинжал. 54. Рантье.

По вертикали. 1. Политика. 2. Язва. 3. Клен. 5. Елец. 6. Акен. 7. Хирургия. 8. Стюарт. 10. Фонтан. 11. Откровенность. 12. Электричество. 14. Дура. 16. Небо. 18. Софистика. 20. Миллионер. 25. Связь. 26. Гамак. 31. Мудрец. 32. Догматик. 34. Наиб. 36. Ожог. 37. Утешение. 38. Заскок. 47. Итон. 48. Лиза. 49. Беда. 50. Плут.

По горизонтали. 1. Плод в основе виллиамины – швейцарской водки.

7. «Учитель, дорого берущий за уроки, но зато никто не научает лучше него» (Т. Карлейль). 11. Стихотворение А. Кольцова, еще при его жизни положенное на музыку С. Нагаевым. 13. Советский поход за всеобщей грамотностью, обернувшийся, в конце концов, превращением народа в стадо. 15. Огневой боеприпас, впервые примененный американцами в 1942 году. 16. ...де Сент-Альдегонд – нидерландец, автор песни «Вильгельмус» – боевого гимна гёзов. 18. Нижняя струна на скрипке. 19. Платонова школа. 20. Французский живописец и мастер художественного стеклоделия, в чьи вазы «нельзя ставить цветы; в них они выглядят увядшими» (О. Уайльд). 21. Одно из двух слов в понукании волов. 22. «Стихи ...» – мистификация В. Брюсова. 25. Главное, основное, вокруг чего разворачиваются события. 26. Меделянка, с которой на Руси ходили на медведя. 28. Каждый из запорожцев по отношению к письму турецкому султану. 30. Шляпа в стихотворении А. Блока «Корреспонденция Бальмонта из Мексики». 31. Астронавт США, чьи следы остались на Луне. 32. Музыкальный инструмент, восточный символ таланта, вдохновения поэта, певца. 33. Самая мелкая и юркая утка. 35. Священник, участник восстания Уота Тайлера, сказавший: «Когда Адаму нужно было пахать, а Еве пряхть, где тогда была знать?» 38. Русский танцовщик и балетмейстер,

в чьих постановках жизнь представляла вакхическим праздником. 39. Мифический конь, который покорно ложится на землю, если к нему приблизится девственница. 41. Элемент, помещенный Д. Менделеевым в последнюю клетку своей таблицы. 42. Австрийский музыковед, считавший Бетховена Шекспиром музыки. 44. Имение Я. Полякова, свояка К. Бальмонта, где поэт написал большинство стихотворений, вошедших в книгу «Горящие здания». 46. Человек, который «рассказывает о похождениях своей души среди шедевров» (А. Франс). 47. Публицист-славянофил и общественный деятель, на чьих похоронах было не меньше 100 тысяч человек. 48. Общее собрание в старину в Новгороде и Пскове, где брали криком. 49. Русское название мула.

По вертикали. 2. Базелец, чья вышедшая в 1541 году книга впервые была названа «Энциклопедией». 3. Доспех на устах картежников и теннисистов. 4. «Чистильщик, работающий пером» (Наполеон). 5. Любимое животное А. Мальро. 6. Весьма длительный этап развития Земли. 8. Рабочая среда в токамаке. 9. Петля с кистью при ордене Анны 4-й степени. 10. Балерина, считающая, что И. Бродский (как поэт посредственный) никогда не стал бы нобелевским лауреатом, если бы его не раскрутили скандалами. 12. Ветвистый многосвечник. 14. «Трещина между мирами» (К. Кастанеда). 17. Короткое замыкание в голове. 23. Английский гуманист, первым применивший выражение «сказка бочки» (т.е. болтовня). 24. Точная выверка, подгонка, регулировка прибора. 25. Ученый М. Новинский как основоположник новой врачебной науки. 26. Строй, какой вернее всего определить как торжество закона, а значит, в России он еще и не снился. 27. Сюзанна Мане, жена художника-импрессиониста, по национальности. 29. Предел падения. 30. Русский поэт и прозаик, отвергавший акмеизм как «бездуховную псевдопоззию», а футуризм как наглую вакханалию. 34. Лорд Генри из «Портрета Дориана Грея» О. Уайльда по натуре. 36. Художник, ученик А. Куинджи, зло называвший И. Грабаря – Ирод Грабер. 37. Одесситка, чье «похотливое кокетство итальянки» загло в А. Пушкине костер страсти. 40. Черный янтарь древности. 43. Каждый из трех кинжалов в военном снаряжении малайца в старые времена. 45. Ритмическое ударение или акцент стиха.

Ответы на «Эрудит», напечатанный в № 11

По горизонтали. 1. Нефть. 7. Гурия. 10. Свирель. 11. Тьеполо. 12. Фондю. 13. Арьергард. 14. Хитрово. 17. Аск. 18. Цветаева. 23. Юкагир. 24. Бессмертие. 26. Мюнхгаузен. 27. Железо. 29. Любисток. 30. Поп. 35. Равнина. 37. Палисандр. 38. Шурин. 39. Очередь. 40. Неелова. 41. Бараш. 42. Хафиз.

По вертикали. 2. Ельник. 3. ...топоры. 4. Хворост. 5. Эркер. 6. ...благовест... 8. Уход. 9. Иуда. 10. Слава. 12. Фритредер. 15. Гертнер. 16. Камерон. 19. Дюамель. 20. Зазноба. 21. Чингисхан. 22. Ветер. 25. Духовидец. 28. Кордова. 31. Парча. 32. Андреа... 33. Яньджи. 34. Мауль. 36. Рута. 37. Пицца...

На протяжении всей своей истории журнал «Смена» давал «путевку в жизнь» начинающим авторам и «открывал» литературные таланты.

Первый конкурс на лучший рассказ был объявлен еще в 1924 году. Продолжая славные традиции, редакция объявляет Конкурс на лучший рассказ 2007 года.

УСЛОВИЯ КОНКУРСА:

1. Тема рассказа – свободная, пишете обо всем, что живо волнует вас и может представлять интерес для широкого круга наших читателей.
2. Объем рассказа – не больше 38 тысяч печатных знаков (24 страницы).
3. В письмах с пометкой «На конкурс» должны быть указаны фамилия, имя, отчество автора, возраст, профессия и домашний или электронный адрес.

Итоги конкурса будут подведены в конце 2007 года, а победители получают денежные премии.

- Первая премия — 10 тысяч рублей**
Вторая премия — 5 тысяч рублей
Третья премия — 3 тысячи рублей.

Лучшие, но не получившие премию, рассказы будут опубликованы на страницах журнала «Смена».

16

СМЕНА

КОНКУРС СМЕНИ
НА РАССКАЗ ПО ИЛЛУСТРАЦИЯМ

№ 1

УСЛОВИЯ КОНКУРСА.

1. Рассказ должен заключать не свыше 20 тысяч знаков (т. е. печ. а.).
2. Обязательное использование всех четырех иллюстраций.
3. Порядок помещения иллюстраций предоставляется усмотрению авторов.
4. Рассказы на конкурс, не удовлетворяющие первым двум условиям, рассматриваться не будут.
5. Рассказы должны быть присланы в редакцию не позже 3 мая с. г. в конвертах с точным указанием адреса, фамилии и псевдонима или девиза.

Не перепечатывайте на пишущей машине на одной стороне листа, рукописи будут возвращены.

читается авторам без заключения редакции.

Первая премия — 100 руб. золотом.
 Вторая премия — 75 руб. золотом.
 Третья премия — 50 руб. золотом.
 Кроме того — обычный гонорар.

Редакция оставляет за собой право помещения в журнале непремированных рассказов за обычную плату.

№ 2 КОНКУРС № 2
 на
ЛУЧШУЮ ШКОЛУ
ФАБЗАВУЧА
 в следующем номере.

Уважаемые читатели!

Начата подписка на I полугодие 2007 года.

Оформить подписку на наш журнал вы можете:

1. В редакции. (Если вы оплачиваете и получаете журнал непосредственно в редакции, стоимость 1 экз. — 38.00 руб.)

1.1 С получением по почте.

Как оформить?

Шаг 1. Заполните разборчиво все поля прилагаемого купона и квитанции об оплате. В купоне укажите тот адрес, по которому вы хотите получать журнал. **Шаг 2.** Оплатите подписку в любом отделении Сбербанка. **Шаг 3.** Отправьте заполненный купон-заявку и копию квитанции о переводе денег по адресу: 127994, Москва, Бумажный проезд, д. 19, стр. 2, ООО «ИДЖ «Смена» (подписка) или по факсу: (495) 250-59-28.

Если мы получили заявку до 20-го числа текущего месяца, и деньги поступили на расчетный счет Издательского дома журнала «Смена», подписка начнется со следующего месяца.

Не забудьте, пожалуйста, указать в купоне разборчиво свою фамилию, инициалы, а также точный адрес с почтовым индексом.

Сколько стоит подписка в редакции?

Стоимость подписки на 1 номер «Смены» в первом полугодии 2007 г. — 62 руб. 70 коп.

Стоимость подписки на 3 номера «Смены» в первом полугодии 2007 г. — 188 руб. 10 коп.

Стоимость подписки на 6 номеров «Смены» в первом полугодии 2007 г. — 376 руб. 20 коп.

Цена подписки включает стоимость доставки в пределах РФ.

При оформлении подписки на 6 номеров первого полугодия 2007 г. до 1 декабря предоставляется скидка 5%, т.е. стоимость подписки будет равна 357 руб. 39 коп.

Как получить журнал?

1. Журнал отправляется из Москвы заказной бандеролью. Почтальон принесет журнал вам домой. Если же дома никого не окажется, то вы получите в почтовый ящик уведомление о том, что вас ждет посылка. Затем вы сможете получить журнал на почте по уведомлению и паспорту. Такая система доставки гарантирует получение, так как каждая бандероль пронумерована и застрахована.

Кто может ответить на вопросы по оформлению подписки?

Вы всегда можете задать любой интересующий вас вопрос по телефону: (495) 257-31-37 (или (495) 612-15-07) с 10 до 18 по московскому времени.
Факс: (495) 250-59-28 E-mail: sales@smena-id.ru

ВНИМАНИЕ:

Редакционная подписка осуществляется только в пределах РФ.

Редакция не несет ответственности, если подписка оформляется через другие фирмы.

Деньги за принятую подписку не возвращаются!

2. В любом почтовом отделении

по каталогу «Роспечати» индекс 70820

по каталогу «Объединенному» индекс 88998

по каталогу «Почта России» индекс 99406

Квитанция и купон для оформления **редакционной подписки**

Я подписываюсь на 1 номер журнал «Смена» и плачу 62 руб. 70 коп.
 (подчеркнуть) на 3 номера журнала «Смена» и плачу 188 руб. 10 коп.
 на 6 номеров журнала «Смена» и плачу 357 руб. 39 коп.

Ф.И.О. Дата рождения

Индекс Обл./край Район

Город Улица

Дом Корп. Кв. Код города Телефон

Эл. адрес

Копия квитанции об оплате от с отметкой банка прилагается

Извещение	ИНН 7714026110 ООО «Издательский дом журнала «Смена» р/сч №40702810410150414401 в АКБ «Промсвязьбанк» (ЗАО) г. Москва к/сч №30101810600000000119 БИК 044583119		
	(ф.и.о., адрес плательщика)		
	Назначение платежа		
	Вид платежа	Период подписки	Сумма (в том числе НДС-10%)
	Подписка на «Смену» 2007г.		
Кассир	С условиями приема банком суммы, указанной в платежном документе, ознакомлен и согласен « » 200 г. (подпись плательщика)		
	ИНН 7714026110 ООО «Издательский дом журнала «Смена» р/сч №40702810410150414401 в АКБ «Промсвязьбанк» (ЗАО) г. Москва к/сч №30101810600000000119 БИК 044583119		
	(ф.и.о., адрес плательщика)		
	Назначение платежа		
	Вид платежа	Период подписки	Сумма (в том числе НДС-10%)
Квитанция	Подписка на «Смену» 2007г.		
	С условиями приема банком суммы, указанной в платежном документе, ознакомлен и согласен « » 200 г. (подпись плательщика)		
	ИНН 7714026110 ООО «Издательский дом журнала «Смена» р/сч №40702810410150414401 в АКБ «Промсвязьбанк» (ЗАО) г. Москва к/сч №30101810600000000119 БИК 044583119		
	(ф.и.о., адрес плательщика)		
	Назначение платежа		
Кассир	Вид платежа	Период подписки	Сумма (в том числе НДС-10%)
	Подписка на «Смену» 2007г.		
	С условиями приема банком суммы, указанной в платежном документе, ознакомлен и согласен « » 200 г. (подпись плательщика)		

Что там за линией горизонта

Вперед

на поиски ответа!

ООО "Дрофа"
тел. (495) 795-05-50 / 51
интернет-магазин
www.drofa.ru

Торговый дом "Школьник"
109172, Москва,
ул. Б. Каменщики д.6, стр. 1А.
Тел. (495) 912-15-16
(495) 912-45-76

www.td-shkolnik.com
E-mail: info@td-shkolnik.com

Вперед вместе с "Библиотекой путешествий" к научным открытиям, увлекательным путешествиям и приключениям к тайнам и загадочным страницам дневников, документам и письмам.

Smena

*В преддверии Нового года хочу пожелать
читателям журнала «Смена» большой
любви, светлого счастья и удачи во всем!*

Сальваторе Адамо

СМЕНА